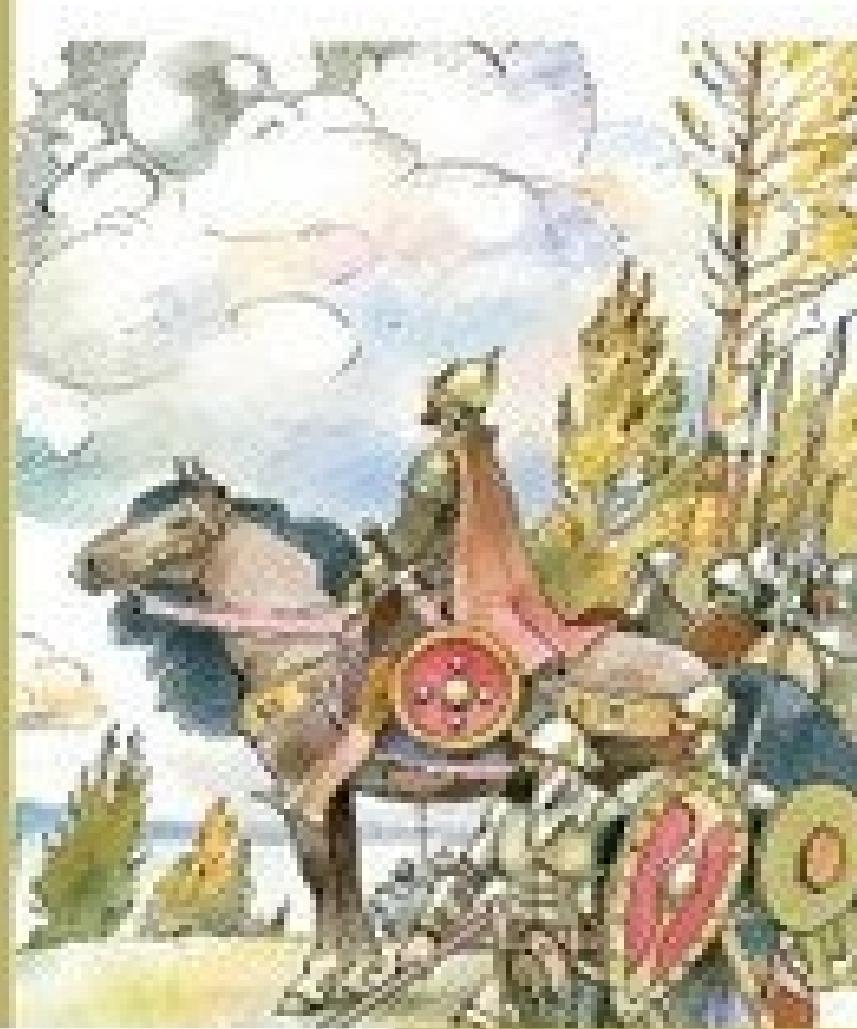

ИРИН БУЛЫЧЕВ ТАЙНЫ РУСИ

ТАЙНЫ РУСИ

ЖИР
БУЛЫЧЕВ

АСТ
АСТРЕЛЬ

БУЛЫЧЕВ

Annotation

Если вы любите историю, то эта книга написана для вас! Если история кажется вам скучной, прочтите книгу Кира Булычева, и вы полюбите историю больше всех других школьных предметов!

Эта таинственная наука полна загадок. Иногда удается их разгадать, а порой загадка так и остается неразгаданной - но тем интереснее узнать о ней и попытаться самому найти ответ.

Богата тайнами и история Древней Руси. Кто убил последнего мамонта? Что такое таинственная «Велесова книга»? Зачем княгиня Ольга ездила в Константинополь? Кто был подлинным основателем Москвы? Об этом и о многом другом вы узнаете из книги Кира Булычева «Тайны Руси».

- [Кир Булычев](#)
  - [ВСТУПЛЕНИЕ](#)
    -
  - [КТО УБИЛ ПОСЛЕДНЕГО МАМОНТА? Находки в Зарайске](#)
    -
  - [ПЛАСТИНЧАТЫЕ ПАНЦИРИ. Амazonки русских степей](#)
    -
  - [«ВЕЛЕСОВА КНИГА». Дощечки Изенбека](#)
    -
  - [ЗАГАДОЧНЫЙ АНЕПСИЙ. Посольство княгини Ольги](#)
    -
  - [ЗБРУЧСКИЙ ИДОЛ. Христианство и язычество](#)
    -
  - [ИМЕНА БОГАТЫРЕЙ. Исчезновение Добрыни](#)
    -
  - [ПОЖАР НАД ВОЛХОВОМ. Крещение Новгорода](#)
    -
  - [СБЫВШЕЕСЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ. Древнейшие тексты](#)
    -
  - [ПАМЯТНИК НА ПЛОЩАДИ. Основатели Москвы](#)
    -
  - [ХИЩНОЕ МОРЕ. Куда делась Хазария?](#)
    -
  - [У НОГ БАТЫЯ. Непокорный князь](#)

- - [СТОЯНИЕ ПОД ЕЛЬЦОМ. Что остановило Тамерлана?](#)
      -
    - [ОЛЛО, ХУДО, БОГ, ДАНЬГРЫ! Купец Афанасий в Индии](#)
      -
    - [СТАРИЙ БРАТ ГРОЗНОГО. Кукла в колоде](#)
      -
    - [КОРСАРЫ БАЛТИКИ. Русский капитан Роде](#)
      -
    - [ТИРАН В ЭМИГРАЦИИ. Иван Грозный опасается](#)
      -
    - [А БЫЛИ ЛИ МАЛЬЧИКИ? Студенты за границей](#)
      -
    - [ТАЙНА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ. Смерть в Угличе](#)
      -
    - [МОНЕТА МЕРТВОГО ЦАРЯ. Конец смуты](#)
      -
    - [ЧЕТЫРЕЖДЫ ЦАРЬ. Исчезнувшие короны](#)
      -
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Кир Булычев

Тайны Руси

ВСТУПЛЕНИЕ

Это не первая моя книга о тайнах истории, написанная для отроков и отроковиц, то есть, говоря по-современному, для тинейджеров, что в переводе с английского означает: для молодых людей старше десяти лет и куда моложе двадцати.

В своих книжках я рассказывал об исторических тайнах древних времен, античности, Средневековья и Нового времени. И вот теперь подобрался к русским тайнам.

Рассказ о них я решил разделить на две книги, потому что и история нашей страны до 1917 года, на мой взгляд, делится на историю Руси и историю Российской империи.

Русь, поднявшись из древних степей и лесов, стала ареной вражды, феодальных княжеств, потом вассалом татарской орды и, освободившись от орды, еще двести лет тащила на себе проклятие долгого рабства. Истории этой Руси положил конец Петр Великий, вернувший Россию в Европу. И с тех пор Россия стала хоть и отсталой, но великой европейской державой.

Книжка, которую вы сейчас открываете, посвящена тайнам и загадкам русской истории до 1700 года. Но этих тайн и загадок так много, что я и не мечтал рассказать обо всех или хотя бы о значительной части раскрытых или так и не разгаданных секретов прошлого.

Письменность пришла на Русь только с христианством, и потому до начала XI века историю нашей страны приходится восстанавливать лишь по позднейшим записям, преданиям и свидетельствам современников. Ошибок здесь несчитано, и чем дальше в глубь веков, тем больше.

Я собирал материалы к этой книге, как и к другим подобным книжкам, постепенно, месяц за месяцем. И далеко не всегда мог догадаться, какую историю расскажет мне судьба, на какой очерк я натолкнусь в чужой книге или статье. Но здесь я решил отдаться на волю случая.

Ведь если в далеком прошлом Руси существуют тысячи тайн, то не так важно, какая из них попадется мне в пути и о какой я смогу и захочу написать. Условия игры, которые я перед собой поставил, заключались в следующем: я постараюсь проверять информацию, которая ко мне попала, и не идти на поводу у всевозможного рода жуликов и исторических спекулянтов.

Глубокое заблуждение считать, что прошлое нам безразлично и не

оказывает влияния на наши дни. Ничего подобного! Прошлое порой бывает настолько актуальным, что люди или партии идут на все, вплоть до страшных преступлений, ради того, чтобы это прошлое каким-либо образом изменить. «Эта земля исконно наша! Мы найдем документы о том, что вы купили ее тысячу лет назад!» – кричат одни. Другие хоочут им в лицо: «Это мой престол! Мой дедушка – памятник!»

История – это живое прошлое.

Ведь не все исторические тайны стали тайнами сами по себе – из-за нехватки свидетелей или отсутствия документов. Зачастую они – дело ловкости рук или сабельного удара. Некоторые тайны открыть возможно, другие закрыты для нас навсегда, а третья просто выдуманы, потому что кому-то оказалось выгоднее, чтобы такая тайна существовала.

Еще труднее понять, какая тайна важна, а какая совсем ничтожна.

И тогда я подумал: а ведь это не важно! Ну кто может сегодня сказать, что сражение с Тохтамышем, промелькнувшее в истории шестьсот лет назад, сегодня важнее, чем судьба амазонок, а амazonки интереснее боярина Кучки, основателя Москвы?

Так что я оставил для себя, а значит, и для вас, уважаемые читатели, лишь один критерий – интересно ли мне узнать о той или иной загадке?

Я же не учебник писал и не теоретическое исследование.

Я писал сборник самых разных историй.

По ним нельзя восстановить историю нашей страны, они как искорки, которые освещают тот или иной год или несколько часов далекого прошлого. Ты видишь портрет человека или кусочек исчезнувшего в веках пейзажа...

Нет, нельзя сказать, что я совершенно не отбирал загадок. Иначе почти вся книга была бы занята убийствами. Убийства и смерти чаще всего связаны с тайнами. Особенно если убийства эти совершенно беззаконны. А впрочем, бывают ли законные убийства?

Поэтому я постарался не перегружать эту книгу убийствами. Но совсем без них не обойтись – времена-то были тяжелые, нравы жестокие. Но большую часть известных мне тайн, связанных со смертью, я отложил в сторонку. Так же как и постарался ограничить тайны самозванцев.

Дело в том, что история нашей страны больше, чем какая бы то ни было история, связана с самозванцами. Особенно они любят появляться на исторической сцене в Смутные времена. Почти каждое восстание связано с появлением самозванца, потому что повстанцу выгодно взять себе имя государя или князя, чтобы придать своим действиям законный характер. Одних только Лжедмитриев в Смутное время было трое. Впрочем, это беда,

характерная и для последующих веков.

С чего же начать?

Я решил начать с самого начала – с момента, когда на территории нашей страны появились первые настоящие люди – кроманьонцы, люди разумные.

КТО УБИЛ ПОСЛЕДНЕГО МАМОНТА?

Найдены в Зарайске

Я помню картинку из книги о древних людях: толпа нападает на мамонта, а тот, осев на задние ноги и подняв хобот, отчаянно сопротивляется. Но что может сделать один мамонт против целого племени?

Из учебника в учебник, из повести в повесть переходила мысль: мамонт помог первобытному человеку стать куда менее первобытным, взять в руки орудия труда и войны и сделать решительный шаг к цивилизации. Опять же помню с детства, что именно мамонт снабжал древнего человека всем необходимым: гора мяса могла пропитать целое племя. Человеку требовалось много мамонтов, чтобы развиваться. Вот постепенно мамонты и вымерли, не оставив потомства.

Никаких сомнений в этом у меня быть не могло. Во-первых, я привык верить научным книгам, а во-вторых, в книгах были убедительные картинки. Наконец, я знал, что судьба, подобная мамонтовой, постигла и бизонов Северной Америки. Еще лет двести назад по американским прериям бродили миллионы бизонов, от их поступи дрожала земля. Но потом в земли, где раньше скакали лишь индейцы, вторглись бледнолицые переселенцы, а за ними пришли паровозы. Переселенцы стали устраивать на бизонов облавы и убивали по несколько тысяч быков зараз, причем брали лишь шкуры и языки, которые считались лакомством.

А кончилось это тем, что к концу XIX века бизонов вообще не осталось, они практически вымерли, подобно туру или зубру в Европе. Тур не пережил преследований знатных охотников, а несколько зубров сумели спрятаться лишь в глубинах Беловежской пущи.

Только в наши дни усилиями экологов и зоологов зубров и бизонов стало достаточно, по крайней мере, для зоопарков и исторических фильмов.

Раскопки показывают, что мамонт был спутником древнего человека в нашей стране. Почти всегда при раскопках, относящихся к палеолиту, на стоянках древних людей, расположенных чаще всего по берегам рек или озер, находят кости и бивни мамонтов, а то и предметы, из них изготовленные.

Все это характерно и для самой древней стоянки первобытного

человека, недавно открытой в центре древнего города Зарайска, на высоком берегу реки Осетр. Это было постоянное поселение, где археологи отыскали землянки, стены которых укреплялись крупными костями мамонтов. В землянках обнаружились специальные очаги – обложенные камнями ямы, наполненные окаменевшей золой. Больше всего в поселении оказалось кремневых орудий труда. За последние двадцать лет исследователи нашли там двадцать пять тысяч каменных предметов.

Люди жили в Зарайске долго, возможно столетия, и относились к культуре, которую археологи называют костенковской – по названию первого открытого поселения. Наши отдаленные предки появились более двадцати тысяч лет назад сначала в западных районах Белоруссии и Украины, а потом распространились на восток и север. Продвижение этих племен было вызвано отступлением ледников. Ледники, покрывавшие всю Европу, медленно отступали, освобождаясь новые земли, и в тундре появлялись те животные, которые селились недалеко от ледниковых полей, то есть именно мамонты. Костенковцы на реке Осетр были охотниками, рыболовами и собирателями диких растений. Землю пахать они еще не научились.

И вот что пишет об отношениях между людьми и мамонтами археолог, участвовавший в этих раскопках: «Обитатели Зарайской стоянки были типичными охотниками на мамонта. Пожалуй, нет ни одной стороны их быта, на которую бы не наложил отпечаток этот могучий зверь, являвшийся легкой добычей для охотников. Люди полностью использовали тушу забитого на охоте мамонта. Мясо, естественно, шло в пищу. Шкуры и крупные кости, включая череп и бивни, употреблялись для устройства жилищ. Бивни и ребра являлись также сырьем для костяных орудий и художественных поделок. Остальные кости служили топливом. Интересно, что все обнаруженные на стоянке угли – это сгоревшие кости. В раскопе площадью 50 квадратных метров обнаружены останки пятнадцати мамонтов...»

Ученые сегодня согласны в том, что мамонт был животным тундры и лесотундры. Во время наступления ледников и похолодания на Земле мамонты откочевывали к югу, а когда становилось теплее, снова двигались на северо-восток. А так как льды периодически покрывали большую часть европейской территории России, то кости мамонтов находят и в Крыму, и на Северном Кавказе.

С помощью радиоуглеродного анализа ученые исследовали кости мамонтов, стараясь найти ответ на извечную загадку: когда же вымерли последние мамонты? Или по-другому: когда же наши предки, люди

палеолита, убили последнего северного слона?

Самые «молодые» кости мамонтов удалось обнаружить в Сибири. Им примерно десять тысяч лет. То есть десять тысяч лет назад, когда в Междуречье и Египте в долинах великих рек уже создавались первые земледельческие центры, по сибирской тундре еще бродили мамонты, а за ними стаями бегали дикие люди.

И что-то в такой картинке меня смущало.

Что-то было неправильно.

Никак не получались аналогии с Северной Америкой, где люди перебили бизонов из пулеметов.

Потом мне стало понятно: ведь бизоны мирно сосуществовали с индейцами. Индейцы охотились на бизонов так же, как львы охотятся на антилоп. Они были частью биологически стабильной картины, служили санитарами, как служат санитарами все крупные хищники, которые в первую очередь убивают животных старых и слабых. И пока не появились ковбои с винтовками и пулеметами, бизонам ничто не угрожало.

И вот мне рассказывают о стоянке первобытных людей в Зарайске, к югу от Москвы. Стоянка существовала довольно долго – иначе как бы на раскопанной ее части удалось обнаружить 25 тысяч кремневых орудий? Сколько времени потребовалось небольшому племени (а большими племенами в то время люди еще не селились), чтобы изготовить эти орудия? Сто лет? Ну уж по крайней мере!

А в отчете экспедиции мне сообщают, что за это время (или даже за время в десять раз меньшее) охотники убили пятнадцать мамонтов! Как такими темпами они смогли уничтожить основное животное тундры? Ведь мамонтов насчитывалось сотни и сотни тысяч, а людей – куда меньше.

Ледник отступал к северу. После последнего ледникового периода, когда льды остались лишь в Сибири, туда двинулись и мамонты. Ведь там, где обживались люди, в теплых краях, волосатому мамонту делать нечего.

Мамонты ушли в Сибирь, а ледниковый период завершился.

Мамонты вышли к Ледовитому океану.

А климат становился все теплее.

Многие тысячи мамонтов бродили по сибирской тундре.

А людей там не было!

Были единицы, десятки, сотни, но населения не было! Некому было убивать мамонтов.

И вся красивая теория о мамонте как о кормильце и жертве оказалась пустой.

Примерно семь тысяч лет назад ледниковый период завершился

окончательно и наступил теплый период, куда более теплый, чем сегодня.

Во время этого вселенского потепления с юга тундру стали теснить леса. А в лесах неповоротливому мамонту делать нечего. Пришлось мамонтам продвигаться к северу. Вслед за ними шли пещерные медведи и носороги с метровыми рогами на носу, которыми они могли раскапывать снег или пробивать лед в поисках пищи зимой.

Жители тундр дошли до ее края – до Северного Ледовитого океана. В одну из зим стадо мамонтов по льду перешло на Новосибирские острова – гигантский полярный архипелаг площадью больше Крыма. Там для мамонтов сложились отличные условия – обширные пастбища и никаких врагов: саблезубых тигров уже не осталось, а других зверей мамонты не опасались. А главное, там не было человека! И следовательно, выдумки о том, что люди истребили мамонтов, не имеют отношения к действительности.

Уже двести лет назад с Новосибирских островов стали вывозить мамонтовую кость – бивни мамонтов. Ведь холодный климат сохранял кости в целости, а лежали они на поверхности. На Новосибирских островах разбогатевшие на мамонтовой кости промышленники находили целые завалы скелетов древних слонов. В XIX веке мамонтовая кость в России была дешевле слоновой. Из нее резали украшения, статуэтки и даже бильярдные шары.

Но вернемся в древние времена. Потепление продолжалось, и ледники наконец освободили самую северо-восточную часть нашей страны – Чукотку и остров Врангеля, крупный остров, большая часть которого была покрыта тундрой.

Туда тоже пришли мамонты и паслись там больше трех тысяч лет.

Когда совсем недавно ученые принялись изучать кости мамонтов на острове Врангеля, они сделали удивительное открытие: оказалось, что последние мамонты жили там менее четырех тысяч лет назад. Точнее – три тысячи семьсот лет назад.

Вы понимаете, что означает это открытие?

Это значит, что последние мамонты острова Врангеля были современниками египетских пирамид и вавилонской башни. Именно в те годы в лабиринте на острове Крит поджидал невинных девушек злобный Минотавр. А вот добраться до острова Врангеля греческие герои не сообразили.

Ближе всех к острову Врангеля находились русские деревни – там уже научились пахать землю и сеять овес. И рассказывали детям сказки о подземном звере Ендрике, рогатом и волосатом. И называли его мамутом.

Это финское слово – так мамонтов называли в Финляндии. «Ма» значит «земля», а «мут» – «крот». Так что мамонт – это земляной крот.

Кстати, память народная очень долговечна, особенно если она подкрепляется земными, вескими доказательствами.

Можно, конечно, предположить, как из поколения в поколение, от троглодитов, устраивавших себе шалаши из мамонтовых бивней, до наших дней, бабушки рассказывали о гигантском кроте, который бродит под землей так, что земля трястется, а если вылезает наружу, то помирает, не в силах вытерпеть солнечного света.

А если вы бабушке не поверите, то всегда найдется опытный человек, охотник или странник, который в обрывах над сибирской рекой видел торчащие кротовые зубья в два человеческих роста, а то и волосатую голову мамута. В 1901 году в Сибири был найден целиком «березовский» мамонт. Экспедиция Академии наук с невероятными трудами прошла по тайге три тысячи километров, добралась до вмерзшей пятнадцать тысяч лет назад в лед туши мамонта и, разрезав на части, привезла ее в Петербург. У исследователей, которые резали эту тушу, был соблазн поджарить отбивную из мамонтового мяса, но они не осмелились, хотя собаки без вреда для себя этого мамонта кусали и даже отгрызли у него кончик хобота.

Для разгадки тайны исчезновения мамонтов важна одна деталь: на острове Врангеля самые «молодые» мамонты были малютками, чуть больше лошади. И понятно почему: нет врагов, незачем быть большим и могучим. А маленькому животному куда легче прокормиться, чем горе€ в четыре метра высотой. Так что понятно – убийцей мамонтов стал не человек, а природа. Мамонты приспособились как могли. Выживали только самые мелкие и неприхотливые, но скорее всего эти малыши были болезненными и слабыми. А дальше наступил конец – толчок, которого оказалось достаточно, чтобы добить эту популяцию. Ведь зима на зиму в Арктике не приходится, и помимо ледниковых периодов случаются своеобразные микроледниковые периоды, похолодания на несколько десятков лет. Так, например, в Средние века случилось в Гренландии.

На рубеже второго тысячелетия викинги из Норвегии, заселившие Исландию, основали свои поселения в Южной Гренландии. Прибрежная полоса Гренландии была покрыта травой, и этих лугов было достаточно, чтобы пасти скот и заготавливать сено на зиму. А рыбная ловля и охота давали остальные, нужные для колонии продукты. По берегам Гренландии возникло несколько больших и малых поселений, даже с солидными каменными домами и каменными церквями. И вот в XIV веке началось резкое похолодание. Зимы стали морозными, летом над берегами висели

ледяные туманы, трава не родилась, рыбы стало мало... И викинги начали вымирать. Последняя свадьба в Гренландии (а ведь в переводе на русский это название означает «Зеленая Земля») была сыграна, если не ошибаюсь, в начале XV века. После этого те, кто смог, уплыли на родину, другие умерли от болезней, третьих в стычках убили эскимосы. И пропала целая страна.

То же самое случилось и с мамонтами. Сначала на Новосибирских островах, а потом и на острове Врангеля.

Гиганты Новосибирских островов погибли раньше – им и пищи требовалось больше, и хуже они оказались приспособлены к островной жизни. Кстати, отсутствие хищников тоже плохо оказывается на животных. Нет санитаров, некому уничтожать больных животных, и они распространяют болезни дальше. И вот наступил микроледниковый период. В Сибири в древности тундра была так велика, а мамонтов так много, что они могли мигрировать, то есть передвигаться южнее. А когда стужа наваливается на остров, куда денешься? Так и погибли последние мамонты. Они не смогли пробить снег в морозную снежную зиму, чтобы добыть себе пропитание.

А так как это случилось не столь давно, то фантастические рассказы нашего современника о встрече с последним мамонтом в Восточной Сибири не так уж далеки от истины.

ПЛАСТИНЧАТЫЕ ПАНЦИРИ. Амазонки русских степей

Как глубоко проникает народная память? Через сказки, легенды, предания...

Вначале мы думаем, что слышим именно сказку, выдуманную от начала до конца историю, а потом приходит какой-нибудь ученый муж и доказывает нам, что любая народная сказка, любой миф – это отражение древней истории народа, его первобытной веры и заклинаний. И тогда оказывается, что избушка Бабы-яги – Костяной ноги вовсе не избушка, а мужской дом, в котором юноши проходили инициацию, а сама старуха – образ Смерти.

И ты уже относишься к сказке с опаской. А вдруг золотое яичко Курочки Рябы – память о древнем обычай?

Например, разве не стоит задуматься над тем, почему в русском фольклоре столько независимых и воинственных женщин? Ведь в Древней Руси строй был вполне патриархальным и женщины чаще всего сидели дома и пряли пряжу, а если оказывались в лесу, то, как правило, в роли страдающей, кинутой, обиженной и заброшенной девицы.

А если обратиться к былинам и более древним песням, окажется, что они так и кишат странными женщинами.

С одной стороны, Баба-яга в древнейших былинах далеко не всегда выступает в роли старухи на помеле. Она ездит по степи верхом, у нее есть свое войско, а подземные жители куют ей мечи и кинжалы. С Бабой-ягой скачут ее дочери. Как писал академик Рыбаков, «эти описания... навеяны, очевидно, какими-то областями, расположенными за горами, с которых нужно спуститься вниз, в долину. Долины эти населены воинственными и многочисленными женщинами-всадницами...».

На юге, «за тридевять земель, за подсолнечным морем живет Царь-девица. У нее есть целое войско девиц, удалых полениц, с которыми она тешится в зеленых лугах».

Далее Рыбаков пишет: «Наличие женского воинства является главной отличительной чертой богатырских сказок... В сказках нас поражает обилие женских воинственных персонажей... Все это находится близ моря или за морями».

Но особенно интересным мне кажется то, что для русских былин

совершенно обыден и привычен образ поленицы – женщины-богатырши, которая не уступает мужикам-богатырям. Причем такая поленица любит сразиться с богатырем, а порой и выйти за него замуж. Кстати, недурно тут вспомнить, что женой Добрыни Никитича, одного из основных богатырей, была поленица. Да и само слово чудесное: поленица – девушка с поля!

Вспомните легенды о короле Артуре. Вы там встречали всадниц-богатырьш? Английская женщина должна трепетать в замке в ожидании вестей о своем рыцаре или, в крайнем случае, варить вредное зелье, чтобы, как поганая волшебница, сестра Артура Моргана, кого-то заколдовать или отравить.

Может быть, у нас в степях водились какие-то всадницы?

Причем из былин и древних сказаний видно, что эти поленицы, чудо-девицы или родственницы Бабы-яги – не одного поля ягодки с нашими российскими, славянскими богатырями. Они им противостоят, хотя скачут по одной и той же бескрайней степи.

Могут ли за этими столь необычными для фольклора образами скрываться исторические реалии?

Ведь в бытовых, внеисторических сказках женщина никуда не скачет, а сидит лягушкой в болоте и ждет, когда рядом шлепнется княжеская стрела.

Теперь пришла пора обратиться к древним грекам, причем не к сказочникам, а к трезвым ученым, например к Геродоту, который в век сказок изо всех сил старался в сказки не верить.

Геродот следом за другими греческими авторитетами, не говоря уж о сказителях и слагателях мифов о Геракле и других героях, немало рассказывает об амазонках.

Амазонки – существа сказочные, нереальные. Они дали толчок к такому количеству песен, сказок и романов, что с ними могут поспорить по популярности лишь русалки.

Пожалуй, самые ранние упоминания об амазонках можно отыскать в «Илиаде», написанной в VIII веке до нашей эры. Там Гомер говорит об «амазонках, которые ходят войной, как мужчины».

Немало повоевал с амазонками сам Геракл, которому в числе двенадцати подвигов было приказано добить пояс Ипполиты, царицы амазонок. Не зная, как добить пояс, Геракл принял выступать перед царицей, как文化旅游ist на помосте. При виде таких мышц Ипполита заявила, что влюблена в Геракла и тут же готова развязать свой пояс и отдать его бесплатно.

Она начала снимать пояс, чем привела в ужас своих подданных. Те решили, что царицу собираются украсть, накинулись на Геракла, он стал

отбиваться, и ни в чем не повинная Ипполита погибла. Пришлось Гераклу с позором бежать. Правда, его друзья из команды корабля успели похитить несколько амазонок.

И что же сделали амазонки в ответ на эти безобразия?

Они объединились с дикими, воинственными скифами и напали на Грецию. Амазонки опустошили Элладу, и лишь Тесею с большим трудом удалось остановить их вторжение.

Даже само название «амазонки» явно было плодом сплетен или недоразумений.

«А» по-гречески означает «без», а «мазос» – «грудь». Греки были уверены, что амазонки в детстве вырезают девочкам правую грудь, чтобы она потом не мешала стрелять из лука. Жестокая фантазия, но все греки в нее верили.

Мужчин для продолжения рода амазонки похищали у соседей, а когда те надоедали, отправляли обратно к маме с папой.

Родиной амазонок греки полагали области у Черного моря. Народы там селились странные, дикие и непонятные. Чаще всего указывали на реку Танаис к северу от Черного моря. Там, по мнению греков, проходила граница между Европой и Азией. Теперь эта река называется Доном, а граница сдвинулась к востоку.

Но что удивительно, обычно сказки отступают перед действительностью. Мне как-то давно попалась американская книга о посещениях нашей планеты пришельцами из космоса. И каждая вторая байка в этой книге начиналась словами «в Советском Союзе, на окраине города Москва...» или «города Ленинград...».

Прошло несколько лет. В наши дни город Москва для американцев уже не такая экзотика, сами там бывали. И неудивительно, что свежее издание этой книги претерпело изменения. И теперь те же самые байки начинаются словами «в Северной Корее, в районе города Пхеньян...». Попробуй проверь!

Но вот с амазонками так не получилось. Уже за несколько столетий до нашей эры греки начали активно осваивать берега Черного моря и основали свои города-колонии в устьях крупных рек. Именно в тех краях, где селились амазонки. Что бы стоило писателям, особенно таким дотошным, как Геродот, сдвинуть области проживания амазонок куда-нибудь к гипербореям! В тундру, к последним мамонтам?

Ничего подобного. Амазонки, по словам Геродота, так и живут в южнорусских степях. Больше того, они общаются с совершенно реальными народами – например, со скифами.

Послушаем самого Геродота: «...Эллины вели войну с амазонками. (Скифы называют амазонок „эорпата“, что по-гречески означает „мужеубийцы“, ведь „эор“ означает „муж“, а „пата“ – „убивать“.) После победоносного сражения при Фермополе эллины... возвращались домой на трех кораблях, везя с собой амазонок, сколько им удалось захватить живыми. В открытом море амазонки напали на эллинов и перебили всех мужчин. Однако амазонки не были знакомы с кораблевождением и не умели обращаться с рулем, парусами и веслами. После убийства мужчин они носились по волнам и, гонимые ветром, пристали наконец к Кремнам на озере Меотида. Кремны же находятся в земле свободных скифов. Здесь амазонки сошли с кораблей на берег и стали бродить по окрестностям. Затем они встретили табун лошадей и захватили его. Разъезжая на этих лошадях, они принялись грабить скифскую землю».

Не кажется ли вам, что все описание этих приключений выглядит слишком уж обыкновенным? Никакой сказки, никакой романтики. Табун, видите ли, захватили...

Да и места, где происходит действие, не отнесены куда-нибудь далеко, а лежат совсем рядом с греческими колониями. Ведь Меотида – это Азовское море...

Скифы, по словам Геродота, погнались за амазонками, полагая, что это какие-то местные бандиты. И только после боя и отступления противника они поглядели на трупы убитых врагов и поняли: «Мы же девушек поубивали!»

Видно, старшие скифы решили, что больше проблем с амазонками у них не будет, зато молодежь так не рассуждала. Наоборот, молодым воинам захотелось познакомиться с врагинями поближе. Они взяли палатки (или шатры), положили в рюкзаки колбаску и другие продукты, Стали лагерем поблизости от лагеря амазонок, развели костры и принялись готовить вкусный ужин. Такой вкусный (это мое предположение), что амазонки прибежали к ним и спросили:

– Можно посидеть с вами, мальчики?

Так и подружились.

Потом возникли некоторые языковые проблемы, но амазонки оказались способнее своих скифских друзей и наконец научились сносно болтать по-скифски. Юноши стали уговаривать подружек переехать жить в скифские селения. Любопытен ответ амазонок: «Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычай у нас не такие, как у них. Мы стреляем из лука, метаем дротики, скачем верхом на конях; напротив, к женской работе мы не привыкли. Ваши же женщины живут в кибитках, не охотятся

и вообще никуда не выходят. Не сможем мы с ними поладить».

В конце концов мужья амазонок отделились от своего племени и заселили степь за рекой Танаис (Дон).

От них и пошел народ – савроматы. Женщины этого народа сохраняют свои обычай и, как писал Геродот, «вместе с мужчинами и даже без них верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую с мужчинами одежду... Что касается брачных обычаем, то девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай».

Амазонки были совершенно обыкновенным (или почти обыкновенным) народом не только по описанию Геродота. Писали о них и Тацит, и Страбон. Но с гибелю античного мира пропали и амазонки. Впрочем, это и понятно – скифов в южнорусских степях сменили савроматы. Очевидно, впоследствии этот народ стали называть сарматами. Но потом пришли гунны, половцы, татары... Не осталось ни древних народов, ни памяти о них, если не считать, по большей части разграбленных, курганов на Северном Кавказе, Украине и по берегам Азовского моря. Амазонки перешли в область мифов. Исчезли из истории. Даже такой серьезный и авторитетный справочник, как «Оксфордский словарь античности», в 1949 году писал, что сведения об амазонках были «распространенной выдумкой путешественников о чужеземцах, которые живут в дальних странах и делают все иначе, чем обыкновенные люди... Попытки обнаружить социологическую значимость легенды об амазонках или другие объяснения, основанные на постулате существования амазонок, являются ошибочными».

А известный археолог Тирелл в одной из последних работ хоть и не так категоричен, как словарь, тем не менее пишет: «В сущности, с исторической точки зрения нет способа опровергнуть или подтвердить их существование... Археологи до сих пор не обнаружили остатков захоронений амазонок или их города».

А что, если мы поверим Геродоту? Ну хоть на минутку! Отложим в сторону английские словари и допустим, что в степях севернее Азовского моря жил народ, который, хоть в какой-то малой степени, соответствовал описаниям древних авторов.

Как это проверяется?

А очень просто.

Мы с вами должны узнать, что говорят об этом наши археологи. Ведь они раскапывали курганы и могильники в этом районе. И если хоть одна амазонка была там похоронена, может, они ее нашли?

Сначала зададим себе вопрос: а был ли такой народ – савроматы? Или это тоже выдумка путешественников во главе с Геродотом?

Я не буду пересказывать исторические труды, посвященные античности. Но последовательность заселения русских степей была приблизительно следующей (и это доказано раскопками археологов). Сначала там царили ираноязычные народы. Наиболее известны из них киммерийцы и скифы, которые порой совершали опустошительные походы на юг, докатываясь конными ордами до Египта. Затем, что важно для нашего с вами исследования, на востоке появились племена сарматов и савроматов. Они начали теснить скифов и частично их изгнали, а частично впитали. Последние скифские княжества оставались, очевидно, только в Крыму.

Сарматы несколько веков господствовали на юге России, одновременно дружа и враждя с иными племенами и народами. Но в первые века нашей эры начался закат могущества сарматов, которые, правда, никогда не становились, подобно скифам, грозой цивилизованного мира. Сарматов и иных «иранцев» сменили пришедшие с востока тюрки – люди иной расы, волны которых прокатились по всей Европе и практически сокрушили Римскую империю.

Частично сарматы смешались с предками славян.

И поэтому будет неудивительно, если мы в древних слоях славянского фольклора найдем воспоминания о степных кочевниках тех времен.

Городов у них, как и у скифов, не было – кочевникам они не нужны. Различия в материальной культуре со скифами и другими народами степи не настолько велики, чтобы всегда быть уверенными в том, что здесь жили именно сарматы. Хотя, конечно, археологи отличают захоронения сарматов от скифских.

Вот что сухо и деловито сообщают отчеты об археологических раскопках курганов в степи: «...Всюду у ранних сарматов в могилах много оружия. Сарматы – поистине вооруженный народ. Оружие богато представлено во всех мужских могилах, много его и в женских погребениях, особенно IV–III вв. до нашей эры». И дальше: «Некоторые богатые могилы принадлежали, вероятно, женщинам, которые занимали важное и почетное место... Особенno выделяются могилы богатых жриц и наездниц со сбруей... Сведения письменных источников об особой роли женщин в савроматском обществе блестяще подтверждаются археологическими данными».

И вот еще замечательная цифра: «Около 20 % женских савроматских могил VI–IV вв. до н. э. Поволжья и Приуралья содержали оружие

(главным образом наконечники стрел, реже – мечи, копья) и предметы конской сбруи».

Подводя итог открытиям археологов в южных степях, профессор Ролле из Гамбургского университета недавно писала: «Сравнительно большой и разнообразный арсенал оружия указывает на мастерство в различных видах боевых искусств. Тренировки и обучение верховой езде, необходимой для охоты и сражений, должно быть, происходили постоянно, начиная с раннего детства... Умение обращаться с разными видами оружия также требовало постоянных тренировок».

Так постепенно амазонки вышли из пределов легенд и сказок и стали исторической реальностью.

И Геродот, и другие греки не врали. Может, домысливали что-то ради красного словца, но теперь мы знаем, кем были амазонки. Это свободные и воинственные женщины сарматов, савроматов и подобных им народов степи.

Неудивительно, что ранние славяне, столкнувшись с ними в годы, когда они переселялись на равнины Средней России, встречали амazonок и запомнили их.

Не исключено, что амазонки выходили замуж не только за скифов, но и сближались с ранними славянами. Так что в женщинах русских селений, которых хлебом не корми – дай только коня на скаку остановить, тоже текла и течет сегодня кровь их пррабушек – правительниц древних народов, наездниц, командирш и жриц иранских племен.

Когда я принимался писать этот очерк, то решил проглядеть что возможно из греческих изображений амazonок. Греки были большими ценителями художественной точности.

По погребениям степняков известно, что именно амазонки русских степей ввели в оборот панцири из небольших костяных, бронзовых или кожаных пластинок. Тяжелые всадники выезжали на бой на конях, также частично укрытых панцирем. Оружием их было длинное копье. Таких кочевников греки называли катафрактариами. Страбон писал, что появление отрядов катафрактариев явилось результатом бессилия всяческого варварского войска против сомкнутой античной фаланги греков или римлян.

Об этих панцирях повествует и Тацит, когда описывает войско близких к сарматам роксоланов. Их панцири, пишет римский историк, «делаются из пригнанных друг к другу железных пластин или из самой твердой кожи: они действительно непроницаемы для стрел и камней. Но если врагам удается повалить человека в таком панцире на землю, то подняться сам он

уже не может».

Так вот, на греческих вазах, где изображены войны эллинов с амазонками, те отличаются от греков именно странной, на наш взгляд, одеждой. Они с головы до ног затянуты в «чешуйчатые» костюмы. И сразу становится понятно, что художник знал о том, что амazonки одеваются как катафрактарии.

И уж конечно славянскому охотнику или простому нашему богатырю такая девица в поле казалась существом нереальным, сказочным и зловещим. Впрочем, никто не мешал богатырю на ней жениться. Добрыне Никитичу это удалось, и не исключено, что, придумывая первую кольчугу, наши предки поглядывали на боевой наряд своих бабушек.

«ВЕЛЕСОВА КНИГА». Дощечки Изенбека

Вопрос о том, когда у древних славян появилась письменность, скорее политический, чем культурный. Народы редко изобретают собственную письменность. Чаще всего они заимствуют ее у соседей. Существует как бы несколько общих корней, от них и берут, как правило, начало алфавиты различных народов.

Обычно начертание букв диктует материал, на котором первоначально писали древние. Все виды клинописи Ближнего Востока схожи, потому что буквы выдавливали палочками на влажной глине. Папирус древних египтян позволял рисовать изящные иероглифы.

Наверное, половина, если не больше, населения Земли пользуется алфавитами, которые родились на Ближнем Востоке, в Финикии, а затем распространялись по странам Средиземноморья. В конце концов наибольшее распространение получил латинский алфавит. Вариант его и в какой-то степени предок – греческая азбука. В конце первого тысячелетия, а точнее, в конце IX века, она послужила основой для кириллицы – славянской письменности, разработанной просветителями Кириллом и Мефодием. Они руководствовались вполне реальными миссионерскими целями – обратить в христианство язычников-славян, дав им Библию и прочие религиозные тексты на их родном языке, который до того существовал лишь в устной форме.

И проникновение кириллицы, нашей родной азбуки, в русские земли происходило параллельно с распространением христианства, с крещением Руси. А за всей этой историей стояли византийские ортодоксы, то есть приверженцы православной церкви.

Наши с вами соотечественники, как историки, так и политические патриоты, вечно сердятся, когда им кажется, что кто-то хочет обидеть древних славян. Вы не представляете, сколько копий было сломано в научных и патриотических баталиях, когда решался вопрос, призывали ли славяне викинга Рюрика с братьями править ими, ибо «земля наша широка и обильна, но порядка в ней нет», или все это измышления наших врагов. Как будто не было вполне разумным решение старейшин славянских племен, которые рассчитывали на то, что викинги прибудут к нам со своими дружинами и станут охранять Гардарику – то есть страну городов, как викинги с очевидным уважением называли Русь. Да и не было ничего особенного в такой практике. Любимый нами герой Александр Невский

относился к числу князей, которых призывали, то есть нанимали, новгородские демократы. Правда, приехал он с востока, а не из Скандинавии.

Особенно обидно нашим патриотам признавать, что в то время русские горожане не умели еще писать. Не знали, как это делается. А вот у викингов уже была письменность, правда, довольно примитивная, и называлась она рунической. Ею чаще всего делались надписи на дереве, порой на камне, и потому начертания букв были простыми – «палка, палка, еще палка...».

Неудивительно, что у нас нашлись искатели славянских рун. Более древних, чем викинговские, и, может быть, даже старше, чем греческое письмо.

Найти царапины на черепках и стенах проще простого. Но это еще не означает возникновения письменности. А очень хочется...

Мы можем справедливо гордиться тем, что, как только византийцы привезли на Русь алфавит, научили ему нескольких монахов и ученых людей, обнаружилось, что социальное и экономическое развитие Руси столь высоко, что письменность не только прижилась и распространилась повсеместно, но и возникли районы и даже большие города, такие как Новгород, где почти все поголовно были грамотными. А так как бумаги еще не было, пергамент был сказочно дорог, то новгородцы, а следом за ними и жители других лесных городов придумали писать на дешевой бересте и принялись строчить друг другу письма и записки в таких количествах, что в одном только Новгороде экспедиция Янина уже достала и прочла их много сотен – от ученических тетрадок до деловых и любовных писем и религиозных текстов.

Так что Русь стала страной не только городов, но и грамотеев. Такого Европа не знала. Может быть, потому, что у них берез было недостаточно?

Но этот удивительный факт не остановил открывателей неизвестного чего. И пример тому – тайна дощечек Изенбека, или «Велесовой книги».

Жил-был полковник Изенбек, во время Гражданской войны служил в Белой армии. В 1919 году, по его словам, судьба забросила его в покинутую княжескую усадьбу. Правда, фамилию князей Изенбек не запомнил – то ли Задонские, то ли Донские, то ли еще какие. Было это во время боев «на курском или орловском направлении».

Настораживает уже одна туманность этих адресов. Человек не может забыть, на каком направлении сражалась его часть, и уж тем более не забудет он за несколько лет фамилию владельца усадьбы, в которой провел времени достаточно, чтобы отыскать, определить и прочесть

фантастический памятник русской письменности.

К тому же, как оказалось впоследствии, Изенбек, прежде чем стать деникинским полковником, был художником и археологом.

И вот в этом загадочном имении среди поломанной мебели в разоренной библиотеке Изенбек увидел разбросанные деревянные таблички, на которых было «что-то написано». Почему-то этот факт так возбудил полковника, что он собрал таблички, сложил их в мешок и возил с собой по всем фронтам Гражданской войны, увез в эмиграцию и лишь в тридцатые годы, беспокоясь о судьбах русской истории, показал таблички журналисту и филологу Юрию Миролюбову, который аккуратно переписал их текст.

Миролюбов, по его словам, пришел к заключению, что «текст оказался разрозненным, но он, вероятно, представляет из себя хроники, записи родовых дел, молитвы Перуну, Велесу, Дажьбогу и т. д.».

Затем Изенбек скончался, а таблички, которые он якобы «не выпускал из дома» и только в своем присутствии разрешал копировать Миролюбову, таинственно исчезли.

И неизвестно теперь, был ли полковник со странной восточной фамилией Изенбек или его вовсе не существовало.

Закончились войны, и в 1953 году случилась сенсация. Эмигрантский журнал «Жар-птица», нуждавшийся в подписчиках, опубликовал сообщение о том, что таблички Изенбека нашлись в Брюсселе и теперь перевод их, штука за штукой, будет присыпать в «Жар-птицу» неутомимый Миролюбов. Пять лет подряд Миролюбов присыпал в журнал табличку за табличкой, их переводил и комментировал специалист по ассирийской литературе А. Куренков.

В табличках он отыскал все – и языческих богов, и отрывки из древней славянской истории, и описания войн и быта славян.

Долгое время никто не обращал внимания на публикации в «Жар-птице», но в 1957 году известный эмигрантский историк С. Лесной опубликовал свою версию текста некоторых табличек и заявил, что они, без сомнения, подлинные, но пожаловался на Миролюбова, который никому не показывает оригиналов.

Наконец фотографию одной из табличек Лесной получил и даже смог отправить в Советский Союз, где эксперты без всякого сомнения заявили, что все это – наглая фальсификация.

Но история табличек Изенбека не закончилась.

Тот же Лесной в шестидесятых годах опубликовал большую книгу, посвященную табличкам. Она называлась «Русь, откуда ты?».

Лесной тщательно исследовал все, что получил из Брюсселя, и заявил, что язык, на котором написаны таблички, отличается от всех известных славянских языков. И доказательством подлинности табличек Лесной счел то, что «可以更好 быть известным исследователем, чем неизвестным фальсификатором».

Правда, такой аргумент кажется невероятно наивным.

Как раз опубликовав сенсационный документ, прославиться гораздо проще, чем долгие годы работать над серьезным исследованием. Причем автором сенсации был не мифический Изенбек, а сам Миролюбов, который якобы нашел таблички у Изенбека, потерял их, нашел снова, разрешал по частям публиковать и оставался их безусловным хозяином. Не было бы табличек, кто бы знал о Миролюбове?

Но и на этом история загадочных табличек не кончилась.

Ведь в последние годы стремление отыскать что-нибудь невероятное в русской истории распространялось очень широко. Расплодились целые коллективы жуликов, которые зарабатывают немалые деньги и политические барышни на исторических сказках. И чем больше серьезные ученые говорили о том, что автор табличек Изенбека не знает русской истории, тем отчаяннее сражались за него любители патриотических сенсаций.

Водораздел между сторонниками и противниками табличек пролег не только между учеными, академиками, профессионалами и любителями, но и между советскими исследователями и эмигрантами. И те и другие претендовали на знание истины.

Между тем множились переводы табличек и их публикации. Но затем украинский археолог Скрипник сравнил публикации Миролюбова, Лесного и других открывателей и выяснил, что в них упоминаются и исследуются разные таблички. То есть Миролюбов разным людям посыпал различные тексты. Причем вранье обнаружилось многослойное. Не только Миролюбов придумывал различные таблички за Изенбека, но и ассириолог Куренков в журнале «Жар-птица» не переводил таблички, а многие из них писал заново.

Наконец язык табличек исследовал известный лингвист Творогов, который подвел итог своим исследованиям следующим образом: «Анализ приводит нас к совершенно определенному выводу: перед нами искусственный язык, причем изобретенный лицом, с историей славянских языков не знакомым и не сумевшим создать свою продуманную языковую систему».

Думаете, после этого споры прекратились?

Да ничего подобного!

За последние двадцать лет таблички были опубликованы у нас десятки раз, и даже возникло их название – «Велесова книга». Историк-любитель Асов написал о них обширный труд.

Вывод этого автора заключается в том, что таблички были созданы в IX веке языческими жрецами в Новгороде.

Много страниц посвящает автор истинности табличек, после чего пишет так: «Главное же подтверждение подлинности невозможно точно выразить словами. Оно исходит из личного духовного опыта. О подлинности говорит сам дух Великой книги. Велесовой книги».

Алфавит, на котором написаны таблички, теперь объявляют независимым от кириллицы и намного более древним.

Однако серьезные ученые, обеспокоенные широким распространением у нас «Велесовой книги», обратились к первоисточнику – к Миролюбову, так как Изенбека никто и в глаза не видел. Миролюбов написал немало бредовых статей. Например, он утверждал, что «народ славяно-росы – это древнейшие люди на Земле». Они зародились в Двуречье, на Ближнем Востоке рядом с ассирийцами и иудеями, а потом, двинувшись на север в VIII веке до н. э. в авангарде загадочного ассирийского войска, пришли к Волге и Днепру и «захватили там земли, которые им понравились».

Этот же Миролюбов всюду твердил, что язык славяно-росов имел свою письменность, которую он и обнаружил на табличках Изенбека: «Частью буквы напоминали греческие заглавные буквы, а частью походили на санскритские».

Но стоило обратиться к трудам Миролюбова, опубликованным до его знакомства с Изенбеком, как стало ясно, что многое из содержания табличек он опубликовал еще до того, как впервые их увидел. Миролюбов уверяет, что эти древние легенды он подслушал у стареньких деревенских бабушек на Украине.

Раз так, то становится понятно, зачем было Миролюбову изготавливать эти таблички. Одно дело, когда он объясняет свои теории о происхождении славян и их языка на основе бесед со старушками, и совсем другое, когда он находит подлинные древние документы. Поэтому пришлось Миролюбову потратить несколько лет на то, чтобы выжечь на деревянных табличках бредовые тексты, у которых и сегодня в нашей стране есть немало сторонников. Главное – не правда и даже не правдоподобие, а желание «пойти другим путем».

Так что таблички, которые, забыв о славном Изенбеке, теперь называют «Велесовой книгой», будут и дальше тревожить покой любителей

сенсаций.

ЗАГАДОЧНЫЙ АНЕПСИЙ. Посольство княгини Ольги

В середине X века русского народа еще не было. Восточные славяне делились на племена полян, древлян, родимичей и другие. Центральная власть в Киеве держалась пока еще только военной силой, и князья не собирали налоги со своих подданных, а совершили на них походы и набеги. Потом, через тысячу лет, во время Гражданской войны в России, большевики точно так же будут обходить с городами и деревнями, называя свои действия продразверсткой. Специальные отряды и части особого назначения станут налетать на деревни, выгребать из амбаров и подвалов зерно, угонять скот. А попробуй возмутиться – долго не проживешь.

Точно так же вел себя в середине X века и русский князь Игорь.

Он совершил поход на подвластных ему древлян и собрал с них дань. Но через некоторое время ему опять понадобились деньги. Игорь решил, что с древлян еще не все собрано, и, убежденный в своей правоте, вновь как зверь кинулся на древлян.

И древляне, что вы, наверное, проходили на уроках истории, поймали жадного Игоря, привязали его к вершинам двух деревьев, отпустили их – и князя разорвало на две половинки.

Может быть, княгиня Ольга, молодая жена князя Игоря, и понимала, что ее мужа сгубила жадность. Но вернее всего, она не понимала ничего, кроме того, что надо отомстить древлянам. И жестоко. Потому что если не показать свою силу, то и другие племена откажутся платить дань.

Ольга всерьез готовилась к походу на древлян и на время затаила свой гнев, потому что известно, что в конце 945 года после убийства князя древляне прислали в Киев послов, надеясь замириться.

Княгиня Ольга готовила свое войско всю зиму, и к лету следующего года, когда на лесных дорогах просохла земля, она пошла на столицу древлян – обнесенный тыном из бревен город Искорostenь.

Осадив столицу, Ольга послала отряды во все стороны, чтобы занять городки и деревни древлян. Те признавали власть княгини, держался лишь главный город. И все лето княгиня никак не могла одолеть его стен. Известно даже, что она посыпала древлянам письма, в которых уговаривала их сдаться, потому что «все ваши остальные города уже сдались мне, и

землепашцы трудятся в полях, лишь вы одни уже все лето в городе сидите. До чего же вы хотите досидеться?».

Вместе с Ольгой был и маленький Святослав.

Его с пеленок воспитывали как воина. В пять лет, как говорит летописец, он метнул свое детское копье в древлянский город.

В конце концов древляне, у которых в осажденном городе вся еда кончилась, вышли из города и кинулись сражаться с отрядами Ольги.

Ей это и требовалось, потому что ее армия была куда многочисленнее и сильней.

Древляне были разбиты. Искорostenь пал. Стены древлянской столицы были снесены, сам город сожжен, и приказано там более никому не селиться. Часть жителей увели в рабство, а на остальных наложили тяжкую дань. Многих казнили...

Ольга, надо отдать ей должное, уже поняла, что совершать набеги на собственных подданных неразумно.

Она установила для всех нормы налога, посадила в городах сборщиков и своих воевод, упорядочила «уставы и уроки». Полюдье, погубившее Игоря, было отменено.

Еще два года Ольга неустанно ходила в походы по собственным землям, добралась и до Новгорода, и всюду налаживала порядок и княжескую администрацию.

Следующим шагом Ольги было решение отправиться в Константинополь.

Русь лежала на полпути между Балтийским морем миром викингов и Византией. И отношения с обоими мирами у Руси были сложными. С годами, с ростом силы русских княжеств, отношения эти все усложнялись. Тем более что с юга и востока на Русь все очевиднее надвигалась угроза как со стороны хазар, царство которых занимало низовья Волги и Дона, так и со стороны степных кочевников – печенегов.

Враги Руси были традиционными врагами Византии. Северные пределы этой империи лежали на северных берегах Черного моря. Но викинги и русские князья тоже стремились к Черному морю, и в этом они становились соперниками Византии.

К тому же древняя могучая христианская Византия всегда считалась на Руси превосходящей силой, и не только в военном отношении, но и в духовном.

Когда Ольга строила свое государство, она тянулась к Византии, чтобы Русь стала похожей на центр христианского мира Востока.

Играли здесь роль и торговые интересы. Россия господствовала на

пути «из варяг в греки», по которому товары из Северной Европы и Северной Руси шли в Средиземноморье. А Византия являлась естественным поставщиком восточных товаров на русский рынок и в ту же Северную Европу.

Так что посольство Ольги, которая после долгих предварительных переговоров в 957 году отправилась в Константинополь, было для Руси событием знаменательным. На это посольство Киев возлагал очень большие надежды. И Ольга не могла отправиться в далекое и ответственное путешествие, пока внутренние дела в ее государстве не были налажены.

Об этом посольстве, к счастью, сохранилось немало документов. Во-первых, о нем рассказывается в книге «О церемониях», написанной императором Константином VII для своего сына именно в те годы. Кроме того, оно описано в «Повести временных лет» – основной русской летописи, в которую включен текст договора Руси с Византией.

Так как по правилам византийского двора все члены посольства во время пребывания в Константинополе получали содержание, то мы точно знаем, сколько народа взяла с собой Ольга, а также их имена и должности.

Свита самой Ольги насчитывала более ста человек, в том числе тридцать знатных бояр и друдинников, в основном викингов, которые составляли ближайшее окружение княгини. Кроме того, в Константинополь прибыли сорок четыре купца разных национальностей, свита наследника престола Святослава, переводчики, горничные, служанки, парикмахеры, повара, врачи – кого только не было! В порту Ольгу ждали ее корабли с командами. Всего более тысячи человек.

В списках посольства имеется загадочная личность без имени.

Эта личность везде, где указывается состав посольства, стоит второй. То есть во главе посольства – государыня Руси Ольга, потом человек, названный по-гречески «анепсием». Сказано о нем только то, что он родной человек княгини.

Посольство прибыло, его встретили. И тут что-то застопорилось.

Вопреки всем правилам и обычаям император русскую княгиню принять не пожелал.

Как полагают историки, все это время продолжалась дипломатическая торговля, связанная с церемониалом приема. Ольга, и в ее лице Русь, требовала если не равноправия с кесарем, то хотя бы достойного уважения.

Только через два месяца император принял посольство.

Это действие происходило в тронном зале. После первой встречи император дал обед в честь высокой гостьи. Причем на обеде произошли

важные нарушения этикета в пользу княгини, которые сегодня кажутся мелочами, но в то время были очень важными знаками ее положения.

На следующий день Ольгу приняла императрица, а после обеда у нее Ольга наконец-то смогла усесться с императором в отдельном зале и обсудить с ним все важные вопросы. Причем монархи беседовали сидя, тогда как по византийским правилам приехавший из-за рубежа князь должен был стоять.

В течение недели шли обеды, встречи, переговоры. Почему же русское посольство пользовалось таким вниманием? Византии нужна была Русь как соратник в войнах с хазарами и болгарами. Ей нужны были отряды русских (или варяжских) воинов для войн с арабами, ей нужен был мир с Россией и безопасность от набегов – то есть спокойствие на северных рубежах.

Ольга согласилась креститься.

Еще не шло речи о том, чтобы крестить всю Русь, – языческая страна не была готова к переходу в православие. Но сама Ольга из политических соображений на крещение решилась.

Но что же пожелала получить княгиня в обмен на свои обещания?

В летописи говорится, что она высказала императору все, чего желала. И император остался ее желанием недоволен настолько, что этого не скрывал. Хотя и не объяснил, в чем дело.

Сегодня ученые склоняются к мысли, что Ольга «желала» женить своего сына Святослава на принцессе византийского двора. Это было важно Руси и политически, и для престижа молодого государства.

В те годы породниться с Византией было пределом мечтаний ее соседей. Незадолго до того хазарам удалось отдать свою принцессу замуж за принца Константина, а болгарский князь Петр женился на принцессе Марии.

Но Константин VII, который правил тогда в Византии, относился к подобным бракам резко отрицательно. То есть он не возражал бы против династического брака с Германией или империей франков, но не с Русью же породниться!

Поэтому все двухмесячное ожидание встречи, крещение, уступки и обещания посыпать военную помощь закончились отказом в главном – в династическом браке.

И тут возникает новый вопрос: кем же был таинственный родственник княгини, второй человек в посольстве, не названный по имени?

Известный русский историк А. Сахаров, как и некоторые другие специалисты, приходит к выводу, что под этим псевдонимом скрывался принц Святослав, сам «жених». Тем более что в списках посольства

упоминалась его свита. А чего ей без князя приезжать?

Афронт Руси был чувствительным, и он отражен по крайней мере в двух источниках. Константин по горячим следам встречи с Ольгой написал, не называя имен: «Не следует идти навстречу варварам с их просьбами о заключении браков с членами императорского дома, не надо, как часто случается, идти навстречу их требованиям...»

С другой стороны, Ольга уехала из Константинополя недовольной, и когда из Византии прибыло встречное посольство с просьбой о присылке обещанной военной помощи, его приняли далеко не сразу и заставили ждать у Почайнинской пристани на Днепре два месяца, ровно столько же, сколько тянулось ожидание приема в Константинополе. Причем Ольга передала послу Византии: «Передай послу, что он у меня постоит в Почайне столько, сколько мне пришлось не сходить с судна у вас».

Ученые полагают, что именно унизительный отказ византийского императора в значительной степени определил враждебность Святослава к Византии. Он бросался на Византию как волк, снова и снова старался разрушить византийские планы. И если был у Византии отчаянный и неукротимый враг – так это Святослав, проведший всю жизнь в походах. Причем его гибель явилась результатом происков византийцев, которые, несмотря на мирный договор с русским князем, подкупили печенегов на днепровских порогах, чтобы они устроили засаду и убили Святослава.

Талантливый боевой вождь, неукротимый воитель, бешеный враг – Византия умела избавляться от таких недругов.

А византийская царица появилась на Руси лишь в XV веке, когда вслед за падением Византийской империи, из соображений преемственности, то есть желая показать всему миру, что Русь – наследница Византии, Иван III женился на Софье Палеолог.

Но тогда уже некому было возражать. В Константинополе господствовали турки-сельджуки.

ЗБРУЧСКИЙ ИДОЛ. Христианство и язычество

Так его принято называть. Как только его нашли, кто-то назвал его идолом. Вот и приклеилось. Даже в самых научных трудах его иначе не называют.

У нас редко печатают его фотографии. Вроде бы это славянский памятник, но каких славян – западных или восточных, – трудно решить.

Дело в том, что до князя Владимира Святого, который в 988 году крестил Киевскую Русь, славяне на Руси и в западных землях, то есть предки поляков, сербов и чехов, поклонялись своим собственным богам. С точки зрения христианства они были язычниками, хоть и не подозревали об этом. Их пращуры поклонялись Велесу, Роду и рожаницам, Перуну, Микоше, приносили им жертвы. Были у славян жрецы, то есть священники, и звали их волхвами. Леса там населяли лешие и ведьмы, в домах обитали домовые, в реках жили водяные и русалки.

Но почти ничего от этой многовековой веры не осталось. Лишь упрямая человеческая память сохранила приметы и праздники. Есть у нас Масленица, а ведь блин – это горячее Солнце! А Солнце было одним из главных славянских богов.

Когда христианство пришло на Русь, далеко не все и не сразу склонились перед новой верой. Много упрямых голов было порублено, много капищ (то есть святых мест) было сровнено с землей и практически все статуи богов, то есть идолы, были разбиты. Ведь новая религия была религией княжеской, религией власти. Князь был один, бог был один. И подчиняться надо было им, а не старым племенным святыням.

Христиане были так упорны в своем желании истребить саму память о русских богах, что даже изображений этих богов не осталось. И мы толком не знаем, как они выглядели: то ли как люди, то ли, подобно богам египетским, были схожи с животными.

Сто пятьдесят лет назад речка Збруч, которая впадает в Днестр, из-за засушливого лета почти пересохла. И в некоторых местах ее можно было перейти вброд.

Збруч был тогда границей между Австро-Венгрией и Россией. И неудивительно, что именно австрийские пограничники, проходя вдоль реки, увидели, что на поверхности воды видна круглая штука – то ли

шляпа, то ли пирог. Каменная чечевица размером с человеческую голову.

Пограничники заинтересовались, один из них спустился в воду и увидел, что на этом пироге изображено человеческое лицо. А далее идет четырехгранный столб.

Пограничники сообразили, что нашли что-то старинное и, возможно, ценное. А почему бы не подзаработать бедному австрийскому поручику? И начальник заставы в тот же день сообщил о находке местному помещику. Тот осмотрел столб, потом пригнал из соседней деревни шесть волов, и они с трудом вытащили столб на берег. Длиной он оказался почти три метра.

Шляпа покрывала голову с четырьмя лицами. Лица располагались над гранями столба. Изображения на каждой грани разделялись на три яруса. И нетрудно было догадаться, что верхняя треть вместе с лицом – это изображение бога, то есть небожителя. Средняя часть столба – это человеческий мир, то есть поверхность Земли, а нижняя треть – подземный мир, мир смерти.

Вскоре, узнав о находке, к помещику приехал знаток древностей князь Потоцкий, который купил идола и отвез его в Krakowskij музей, где он стоит и по сей день. Я сам его видел – удивительное зрелище!

Как только идола увидели ученые, они принялись спорить. Дело в том, что река Днестр делила земли различных славянских племен, как восточных – волынян, так и западных. А так как изучали идола ученые австрийские и польские, они заявили, что это статуя бога Святовита. Такому богу поклонялись славяне, которые жили на севере нынешней Польши.

Русские ученые считали, что это русский идол. Но ведь у славян до христианства не было своей письменности, и никаких надписей на идоле, найденном в Збручче, не оказалось. Других таких же изображений не существует.

Представляете, даже до сих пор ученые не могут прийти к единому мнению о том, какой из русских богов за что отвечал и чем ведал.

Крупнейший специалист по славянской истории академик Рыбаков считал, что на Збручском идоле вырезаны верховная богиня Макошь, великий бог Перун, бог Белое и богиня Лада. В среднем ярусе находились простые люди, а внизу – духи загробной жизни.

Тайна Збручского идола не была разгадана до наших дней, но десять лет назад известным археологам, докторам наук Русановой и Тимощук, пришла в голову простая мысль: а не поискать ли в тех местах святилище, в котором когда-то стоял идол. Почему мы должны соглашаться с исследователями прошлого, убежденными в том, что идол происходит из

других мест? Правда, сто пятьдесят лет назад первый исследователь идола граф Потоцкий облазил окрестные холмы и предположил, что это святилище когда-то находилось на холме Богит.

С тех пор прошло столько лет, что все тропинки на тот холм исчезли, а местные жители туда не ходили, потому что были уверены – это опасное, зловещее место, и там обитают привидения.

Археологов привидения не испугали, и они провели несколько дней, разыскивая следы святилища. А когда на вершине холма нашли поросшие мхом и спрятанные в кустах большие камни, то начали тщательные раскопки.

И их усилия были вознаграждены!

Расчистив на вершине холма плоскую поляну, археологи поняли, что некогда посреди нее находился каменный постамент диаметром девять метров и высотой полметра. В центре постамента было вытесано квадратное отверстие, точно соответствовавшее размерами Збручскому идолу. Вокруг него цепью тянулись восемь жертвенных ям, в которых сохранились следы жертвоприношений, совершенных волхвами волынян своему богу.

Почему я написал волынян? Потому что за пределами священного круга находились общие дома – длинные постройки, где жили волхвы, а далее целое село, которое обслуживало священное место, куда стекались верующие с разных концов того края. Так вот, повсюду археологи отыскали немало предметов славянского происхождения, характерных для Волыни.

На соседнем холме тоже обнаружились следы капища и длинных домов. Здесь же нашли утрамбованную площадку, куда кидали свои приношения паломники. Среди таких приношений нашлись женские украшения, ценные домашние предметы и даже христианский крест.

Ну уж это совсем непонятно!

Ведь раньше считалось, что язычество на Руси погибло в X веке, и только жалкие его остатки сохранились в праздниках и суевериях. Кто же и почему кинул свой крест в языческое святилище?

И тогда археологи вспомнили о странном явлении, давно известном специалистам. Именно в XII веке, к которому и относится большинство вещей, найденных в святилище, появляется несколько гневных памфлетов и разоблачительных «статьй», направленных против русского языческого бога плодородия Рода и богинь-рожаниц.

Мы теперь уже не помним о том, что такие боги были у наших предков, но слова «Род» и «рожаницы» нам отлично известны. Ведь от этих богов пошли важнейшие русские слова – род, родственники, родина,

рожать, роженица.

Почему же двести лет христианство существовало на Руси без соперников, а потом начало уступать свои позиции, да так, что христианские писатели обрушивались на Рода и рожаниц, как на злейших и опаснейших врагов? Достаточно открыть такие известные памятники христианской литературы XII века, как «Слово о твари» и «Слово об идолах», чтобы в этом убедиться.

А происходило вот что: XII век, как вы, может, помните по школьным урокам, – тяжелейшее время для Руси. Удельные князья как безумные нападали друг на друга, предавали, убивали, грабили, шли на союз с половцами, с кем угодно – только бы захватить город, престол, добычу! Великая русская поэма «Слово о полку Игореве» полна страданий и плача по русской славе, которую губили князья. За сто лет население Руси уменьшилось, границы сократились, никто не чувствовал себя в безопасности. Вскоре дело дошло до того, что совсем не такая уж гигантская татаро-монгольская армия – фактически один из отрядов Чингисхана, который он поручил своему внуку Бату, – разгромила по одиночке всех русских князей, чьи войска в несколько раз превышали силы кочевников.

В отчаянии крестьяне бежали в леса, старались укрыться от княжеских отрядов, от непосильной дани. И среди них росло понимание того, что новые христианские святые и христианский бог – это бог княжеский, а если вернуться к надежным славянским богам, то они защитят от гибели. И вот начали повсюду возрождаться капища с идолами старых богов.

Монахи испугались и обрушились на язычников с гневными посланиями, а князья – с казнями и преследованиями.

Вот и на западной границе Руси, в непроходимых тогда лесах и горах образовались селения. Мы не знаем, подчинялись они кому-нибудь или нет, но боги там были старые. И кто-то вырубил из камня трехметровую статую Рода и рожаниц, крестьянских богов. И неудивительно, что кто-то из крещеных славян пришел на капище Рода, сорвал с себя крест и подарил его идолу.

Больше того, теперь известно, что идола сделали там же, из местного песчаника уже после X века, а простоял он на постаменте до XIII века, то есть больше двухсот лет. А потом, когда надвинулась какая-то неизвестная нам опасность, волхвы аккуратно стащили идола вниз к Збручу и спрятали его в самом глубоком месте реки, надеясь со временем возвратить на место.

Но сделать этого им не удалось.

ИМЕНА БОГАТЫРЕЙ. Исчезновение

Добрыни

Мне кажется, что многие мифологические персонажи имеют прототипы. То есть когда-то обязательно жил человек, память о делах которого, причудливо изменяясь, превратила его в сказочного героя.

Представьте себе, что в древней деревне жила обыкновенная семья: старенькие бабушка и дедушка, внучка, которую им подкинули из города мама с папой, и какое-то количество домашних животных. Дед выращивал овощи.

А уж одна репа у него выросла такая здоровая, что старенький дедушка ее вытянуть не смог. Чуть не надорвался. Прибежала бабуся, принялась помогать, да больше мешала, а тут еще и внучка стала советы давать.

А сосед посмотрел через забор на эту суматоху, рассмеялся и закричал:
– Вы бы еще кошку на помощь позвали!

А другой ему вторит:
– Я им свою Жучку одолжу!

Дед, конечно, репу вытащил, а она чуть ли не с арбуз величиной. Соседи потом приходили поглядеть. Даже, говорят, помещик заходил, дал за репу серебряный рубль и отвез ее в Санкт-Петербург на выставку Вольного экономического общества.

И еще со смехом рассказал своему приятелю, собирателю сказок Афанасьеву:

– Эту репу, скажу я вам, сударь мой, тащили всем семейством! И не смогли вытащить. А тут мышка мимо бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось.

– Какое еще яичко?! – завопил Афанасьев. – Я уже записывать начал!
– Ах, маразм, маразм! – расстроился помещик. – Я же другую сказку вспомнил. Там тоже баба, дед и круглый предмет.

Как вы понимаете, я почти пошутил. Хотя уверен, что в истории часто происходит нечто подобное. Главное, что со временем при пересказе история все больше уходит от правды и становится легендой, мифом, то есть сказкой для взрослых.

Вернее всего, в Англии в VI веке жил военный вождь Артур, а у него была небольшая дружина молодцов, которые славно бились с саксами. А в

Ноттингемском лесу баловался разбойник Робин Гуд. О нем много рассказывали несчастные крестьяне, которых не пускали в королевский лес. И оказалось, что Робин Гуд совершил подвиги, на самом деле совершенные другими. Он стал воплощением благородного разбойника. Робин Гуд – это нарицательное имя. Робином Гудом можно назвать любого отважного, неподкупного, благородного разбойника.

Недавно английским археологам удалось отыскать надпись VI века с именем короля Артура. Теперь известно, где он жил и, возможно, родился. А вот рыцари Круглого стола короля Артура – это собрание витязей из разных земель. Их можно отыскать в легендах Франции и Германии. Они практически одновременно сражаются с драконами во Франции, ищут чащу Грааля в Шотландии и знают на удивление много языков. Впрочем, рыцари – народ бродячий. Иначе как отыщешь дракона или красавицу в небольшом уединенном замке? А уж подобного себе любителя сразиться на копьях и мечах можно найти только в дороге.

Как вам известно, «круглые столы», то есть верные князю дружины из храбрых и умелых рыцарей, существовали не только в Англии. Такие рыцари были и на Руси. Звались они богатырями. Даже обеды у них были общими, как в Англии, только нашего короля звали иначе – Владимиром Красное Солнышко.

И хоть чудесных приключений на долю русских рыцарей выпадает куда больше, чем английских, и порой богатыри кажутся нам равными языческим богам, на самом деле они наверняка живые люди.

И даже, подобно Робину Гуду, некоторые из них сохранили настоящие имена.

Поэтому мы с вами можем совершить небольшое путешествие в глубь русской истории вслед за одним из богатырей и постараться разгадать тайну его происхождения.

Кого мы помним из рыцарей русского «круглого стола», который, кстати, отличался от английского тем, что между сиденьями были сделаны барьеры, чтобы, напившись бражки, богатыри не лезли драться?

Главный – Илья Муромец. Затем его спутники по знаменитой картине художника Васнецова: Алеша Попович, юный, лукавый, хитрый, и Добрыня Никитич, самый старший из богатырей (судя по картине).

Пожалуй, больше всего мы знаем о Добрыне, который исторически тесно связан с самим князем Владимиром Святославичем. Князя Русская православная церковь объявила святым, так как при нем Русь приняла христианство.

Беда Владимира на первых порах его жизни заключалась в том, что он

был низкого происхождения.

Когда-то князь Святослав полюбил ключницу Малушу, дочку жителя городка Любеча Малка. Вот и родился от этой любви мальчик Володя. А как вы знаете из истории, мальчики по имени Володя и совершают на Руси идейные перевороты. Через тысячу лет после Владимира, сына Малуши, рождается Владимир Ульянов. Тоже в небольшом городке...

У прекрасной ключницы Малуши был брат по имени Добрыня. Видно, князь Святослав от своих любеческих родственников не отрекался, а Добрыню взял к себе в дружины, где тот дослужил до офицерского чина и пользовался среди воинов авторитетом. Когда новгородцы просили Святослава дать им князя из своих сыновей, Добрыня смог убедить послов, что лучшим князем будет мальчик Володя, его племянник.

Судя по всему, Добрыня всегда оставался рядом с племянником, оберегая его и выполняя самые ответственные и далеко не самые приятные поручения.

Добрыня из политических соображений присмотрел Владимиру невесту – дочь полоцкого князя Рогнеду. Но Рогнеда, хоть Владимир и правил в Новгороде, отказалась выходить замуж за незнатного и незаконного княжича. Она предпочла ему Ярополка, который был законным сыном Святослава.

И тут приспела печальная весть – Святослав попал в засаду к печенегам и погиб.

Тогда и Владимир, и Ярополк подняли свои полки и поспешили к Киеву, чтобы занять столицу Руси и там короноваться.

И вдруг отряд Владимира, вместо того чтобы поспешать к столице, свернулся с пути и накинулся на ничего не подозревавший Полоцк. Владимир взял город штурмом, отец и братья Рогнеды были убиты, а над Рогнедой издевались на глазах у жителей города. А затем ее заставили выйти замуж за Владимира. Потом армия Владимира и Добрыни двинулась к Киеву, брат Владимира Ярополк был подло убит, и столица покорилась.

И после этого Добрыня продолжал верно служить родственнику. Именно ему Владимир поручил крестить новгородцев. В 989 году он заявил в Новгород, чтобы разрушить священные места и статуи древних русских богов. Когда новгородцы поднялись на защиту своей веры, Добрыня жестоко подавил восстание и поджег непокорный город. Христианство пришло в Северную Русь с кровью и лязгом мечей.

После этого о Добрыне в русских летописях не упоминается.

Неизвестно, когда и где он умер.

И это кажется историкам странным, так как русские летописи,

относящиеся к X веку, уже внимательно следят за судьбами наиболее известных героев Руси. А Добрыня чуть ли не второй человек в Киеве после князя.

Что же говорят о Добрыне былины, легенды русских рыцарей?

В былинах Добрыня – простолюдин, однако смелый, грамотный, даже на гуслях играет. Может, поэтому в одной из былин говорится:

Во-первых, старый казак Илья Муромец,

Во-вторых, Добрынушка Никитич млад...

«Млад» он, видно, не возрастом, а положением в дружине. В былинах говорится, что в княжескую «старшую» дружины он смог попасть только на десятый год службы, а до того был просто «конюхом и ключником».

В другой былине рассказывается, как Добрыня добывал князю невесту литовскую, Полоцк – город западный, а потом истребил все невестино племя. Автору былины не хотелось напоминать о русских междуусобицах. Ну а если это литовцы – их не так жалко. Иностранцы все-таки...

Существует такая былина «Добрыня и змей». Современные ученые уверены, что здесь отражена борьба исторического Добрыни с язычеством, которое выступает под видом Змея.

После крещения Новгорода Добрыня исчезает со страниц исторических летописей. После битвы со Змеем он исчезает со страниц былин. Будто ему не осталось больше подвигов.

Нет ли в этом какой-то связи?

Историк А. Медынцева выдвинула гипотезу, согласно которой обыденное, языческое имя боярина Добрыня исчезло, потому что он крестился. А крестившись, получил новое имя.

При крещении Руси язычники получали новые имена. Князь Владимир (а это имя славянское, по происхождению языческое, как Святослав или Ярополк) получил имя Василий, и в церковных святыцах, хоть об этом мало кто знает, он числится как святой Василий, а не Владимир.

И историк предположила, что христианское православное имя Добрыни – Ильиных не указывает на то, что Илья Муромец, крестьянский сын, но старший богатырь, совершал подвиги в языческое время, чем славен Добрыня. Зато, как христианин, Илья защищает Русь от язычников и степняков. Низкое происхождение Добрыни известно, его карьера при Владимире отражена в былинах, а Илья выступает преемником Добрыни, будто подхватывает меч из рук исчезнувшего боярина.

Гипотеза Медынцевой перекликается со словами академика Рыбакова, который в свое время писал, что былины «Владимира» цикла группируются вокруг двух героев – княжеского дяди Добрыни и

крестьянского сына Ильи Муромца. Это два разных круга былин, разделенных тематически и хронологически: рубежом между ними является 988 год, год крещения Руси, год создания широкой сети богатырских застав».

Поэтому-то просидевший сиднем неизвестно где Илья Муромец появляется на богатырском поприще в солидном возрасте и в расцвете сил.

И в том же году исчезает Добрыня, также в солидном возрасте и расцвете сил.

Так ли это было – мы вряд ли узнаем, но гипотеза А. Медынцевой кажется очень любопытной и правдоподобной.

ПОЖАР НАД ВОЛХОВОМ. Крещение Новгорода

Крещение Руси не было мгновенным. А ведь по разным книжкам и фильмам можно представить, что Владимир проснулся как-то утром и понял: нельзя больше Руси жить без христианства. И крестил ее жителей. Ко всеобщему удовольствию. За исключением, может быть, жрецов Перуна.

На самом деле крещение Руси было процессом долгим и тяжелым для его участников и жертв, а последних тоже получилось немало.

Введение новой религии подобно изобретению паровоза. Паровоз изобретали немало раз, начиная чуть ли не с античных времен. Но в истории остается лишь тот изобретатель, после работ которого паровоз больше не забыли и смысла изобретать его снова не осталось. Если же считать, что его изобрели на Урале братья Черепановы, то куда он делся и почему о нем забыли? Значит, он был или не очень хорошим, или еще не был нужен.

А при жизни изобретателя Стефенсона были изготовлены тысячи паровозов, и железные дороги протянулись через всю Европу.

Вам приходилось слышать об Андрее Первозванном?

Это один из спутников и учеников Иисуса Христа, который проповедовал христианство в Европе, в том числе, как уверяют, посетил просторы будущей Руси и склонил ее жителей в новую веру.

Потому он у нас и зовется Первозванным, так как первым пришел к нам и принес Слово Божье.

Казалось бы, склонил, крестил... А потом что?

Оказывается, ни единого следа его деятельности не осталось, ни одной церкви его последователи не построили... Впрочем, как люди бедные, они могли молиться в пещерах и дневников не вели.

Правда, здесь есть еще одна сложность – никто толком вам не скажет, кто же жил в то время на Днепре и по Волге.

В любом случае, когда Русью стала править варяжская династия, славяне уже имели свой пантеон богов, алтари и капища, но храмов не воздвигали. А у варягов, которые правили нашей страной, тоже была своя языческая вера.

В то же время к концу I тысячелетия н. э. славяне построили немало

городов. Не зря же викинги звали Русь Гардарией, то есть страной городов. Некоторые из этих городов, как Киев и Новгород, были крупными торговыми центрами, и население там было смешанным. А раз так, то и религий в них существовало немало.

Следующим шагом к крещению Руси стало посольство княгини Ольги в Константинополь, где она намеревалась просить руки византийской принцессы для своего сына Святослава, но из этого ничего не вышло. Из политических соображений, намереваясь поднять престиж своей страны, княгиня приняла в Константинополе крещение, но, вернувшись домой, крестить своих подданных не стала – не были они еще готовы к этому...

Наверняка в Киеве были мечеть и синагога, не говоря уже о христианских храмах. Были там алтари Перуна и иных славянских богов. Ольга так и осталась христианкой для внешнего мира, но настаивать на том, чтобы подданные последовали за ней, она не посмела. Может, еще и потому, что ее сын Святослав, не выносивший надменных византийцев, христианство связывал именно с господством Константинополя. А сам, хоть и без особого успеха, много лет воевал с византийцами и погиб, так и не примирившись.

А Владимир, низкого происхождения друдинник, воюя с законными наследниками престола, решил сделать христианство своим союзником. Точнее, сначала он хотел было модернизировать, то есть обновить, язычество славян, навести порядок среди драчливых и темных богов. Но когда понял, что такая религия ему не поддержка, а лишь помеха, собрал в Киеве «специалистов» ведущих религий того времени и попросил их изложить свои аргументы. Выслушал иудаистов из Хазарии, мусульман, римлян и византийцев и выбрал византийский вариант. Впоследствии после полного раскола христианства эта вера будет названа православной.

Удивительно, если бы он сделал иначе: все резоны – и политические, и житейские – были на стороне православия. Но вежливость была соблюдена.

Дальше все пошло не так гладко.

И если в Киеве христианство уже широко распространилось и, может, даже было сильнее язычества, то чем дальше от киевских башен, тем меньше сторонников оставалось у византийской религии.

А в городах – соперниках Киева оппозиция была еще решительней.

Тайна, о которой пойдет речь, связана с Новгородом.

Новгород находился дальше от Византии, чем Киев, и тяготел к Балтике, к Северной Европе. Как в большом торговом городе там жили представители разных религий, и конечно же православие тоже пустило

здесь свои корни. Но почитание собственной религии в Новгороде было не только более распространено, но и стало знаменем сопротивления Киеву.

Известно, что крещение Новгорода было поручено княжескому дядьке, известному по былинам богатырю, а на самом деле влиятельному воеводе Добрыне Никитичу.

И Добрыня отправился в Новгород в сопровождении не столько священников, как во главе внушительного войска.

Летописи, как правило, сообщают о том, что новгородцы предпочли кончить дело миром, хорошо приняли Добрыню и миссионеров и тут же кинули в Волхов деревянного идола Перуна.

Но в летописях есть странная деталь.

Там говорится, что, когда поверженный идол проплыval под мостом через Волхов, он закинул на мост, где толпились любопытные новгородцы, две деревянные палицы и предсказал, что новгородцы отныне всегда будут драться палицами на этом мосту.

Затем он поплыл дальше и скрылся среди волн озера Ильмень.

Как видите, Перун реален, его предсказания принимаются всерьез, и в то же время новгородцы совершенно не расстраиваются от того, что киевляне утопили их бога. А потом хранят в церкви его заколдованные палицы и покорно дерутся на мосту через Волхов. Более того, известно, что палицы Перуна хранились в Новгороде до середины XVII века, почти семьсот лет! Лишь в 1652 году патриарх Никон приказал их сжечь как бесовские выдумки.

Но сегодня мы знаем, что русские летописи часто горели, изменялись и редактировались в зависимости от того, по чьему приказу их переписывали. Да и переписывали их благочестивые монахи. Зачем им описывать трудности и неприятности, если Господь велел всем креститься и все крестились? Так что если какая-то из местных Новгородских летописей и сообщала что-то неугодное патриарху, вряд ли она сохранилась.

И все же оказалось, что одна такая рукопись была цела еще в XVIII веке, когда замечательный русский историк Татищев писал свою историю России – первый научный исторический труд в нашей стране. Для этого Татищев приказывал свозить к нему из дальних монастырей забытые летописи. И вот из одного украинского монастыря Татищеву попала Иоакимовская летопись, из которой он сделал выписки, а потом отоспал ее обратно настоятелю. А монастырь сгорел или еще что случилось. В общем, летопись сгинула. И остались у нас лишь выписки из нее, сделанные Татищевым.

На эти выписки обратил внимание академик В. Янин, руководящий раскопками в Новгороде. Он давно уже сомневался в мирной картине, нарисованной почти всеми летописями. Они противоречили тому, что доказывали раскопки.

В Иоакимовской летописи приведены слова одного из киевских миссионеров, вернее всего, монаха, из тех, что сопровождали войско Добрыни. Этот монах сообщает, что, узнав о подходе к городу Добрыни, новгородцы собрались на вече и постановили: своих богов в обиду не давать!

Они разобрали мост и не пустили Добрыню в город.

Но некоторое число монахов в город все же проникло. Они стали ходить по дворам и «учить людей христианской вере». Им помогали новгородские христиане, которых уже было немало и которые жили вокруг церкви Преображения.

Пока шли переговоры и хождения, пятьсот дружинников Добрыни ночью тайно переправились на лодках через реку и напали на штаб сопротивления, захватив в плен главных новгородцев. Но новгородцы вовремя спохватились, окружили киевлян, и разгорелся отчаянный бой. Видно, в нем на стороне единоверцев выступали прихожане церкви Преображения, потому что, как пишет летописец, дома новгородских христиан были сожжены за предательство, а церковь Преображения разобрана по бревнышку.

Бой догорал. Начался рассвет...

Опытный Добрыня понимал, что если он не придет на выручку остаткам своего десанта, придется отступать от Новгорода.

И тогда он послал через реку команду поджигателей.

Они подожгли дома вдоль реки, в то время как хозяева этих домов сражались в центре города.

Когда деревянные дома в тесном городе занялись, многие новгородцы, покинув поле боя и посты у реки, бросились спасать добро и отстаивать свои дома, которым тоже угрожало пламя.

Именно в тот момент Добрыня обрушился на город. После отчаянного боя на улицах Новгород пал.

Добрыня привел новгородцев к покорности, разрушил капища, свалил статуи истуканов, а новгородцев погнал к реке креститься.

Эта версия Иоакимовской летописи настолько противоречила принятой истории крещения, что ее мало кто рассматривал всерьез. Летопись считали подделкой. Правда, непонятно кому понадобившейся.

Проверить эту версию было невозможно. Тайне так и суждено было

остаться неразгаданной.

Но Янин подумал иначе.

Перед ним лежал город, в котором он вел широкие раскопки. Иоакимовская летопись давала некоторые отправные пункты.

Сначала следовало узнать, была ли в Новгороде древняя церковь Преображения.

Архивы сообщали: в Новгороде было две церкви Преображения. Одна была построена только в 1264 году в Кремле. А о второй известно лишь то, что в XV веке она была каменной. Раз так, вернее всего, раньше на ее месте стояла церковь деревянная. В этой церкви был придел, посвященный святому Василию, а это уже говорило о многом. Каждый историк России знает, что в святынях князь Владимир фигурирует под именем Василий. Владимир – это его славянское, языческое имя. А имя Василий он получил при крещении, то есть это его православное имя. Придел в честь святого Василия скорее всего говорит о том, что он существует с X века.

Допустим, рассуждал Янин, что церковь в 989 году разобрали по бревнышку. Затем построили заново. Значит, она должна быть окружена домами новгородских христиан, которые, как и все религиозные меньшинства, селились вокруг своего храма.

Начали копать вокруг церкви.

И сразу же нашли там деревянные бревенчатые мостовые, которые методом дендрохронологии определили 990 годом. В том же году вокруг церкви было возведено несколько усадеб. И знаете почему? Да потому что все дома вокруг церкви сгорели в 989 году! От них осталась лишь зола.

Это замечательно подтверждало слова летописи. Но все же сомнения оставались. Ну и что, скажете вы, мало ли в деревянном городе было пожаров! А мостовые могли положить по случайному совпадению: в Новгороде мостовые раз в несколько лет клади поверх старых, как слои асфальта в современном городе.

Но тут судьба улыбнулась археологам. Сразу в двух сгоревших усадьбах под половицами домов отыскали большие клады монет – мешки с деньгами. И ни одна монета не была моложе 989 года.

Понимаете? Эти мешки не были закопаны как тайные клады. Они лежали под половицами, как всегда хранили деньги в Древней Руси. Достать можно в любой момент, а случайный вор никогда не отыщет – ему пришлось бы все половицы в доме поднимать.

Клады были спрятаны в конце 80-х годов. И хозяева сгоревших усадеб не сделали попытки достать их на пожарище. Ну благо бы один клад, а то ведь два! Значит, в 989 году хозяева кладов и усадеб были убиты.

Янину захотелось поставить точки над i.

Археологи пришли на то место на берегу Волхова, где, по преданию, лазутчики Добрыни подожгли дома новгородцев, чтобы отвлечь их внимание от переправы.

Там ученые определили следы большого пожара примерно 989 года, а новые дома на пожарище построили, судя по бревнам, в 991 году.

Когда-то монах, участник жестокого крещения Новгорода, унесшего жизни сотен новгородцев, записал или продиктовал воспоминания о том, как все это происходило. Чудом его показания дошли до нас. И как ни старалась церковь и официальные летописцы изобразить крещение как мирное и радостное свершение, правдивый голос монаха все же дошел до нас.

А соратники Янина доказали, что все так и было.

СБЫВШЕЕСЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ.

Древнейшие тексты

Я давно уже не был в Новгороде на раскопках у почтеннейшего академика Валентина Янина. Никуда не деться, мы стареем, труды наши, ежели плодотворны, принимают форму регалий, званий и почетных президиумов. И как трудно тому, кто в самом деле стал великим, вести себя точно так же, как двадцать, тридцать, сорок лет назад, а значит, оставаться молодым.

И, говоря «почтенный», я на самом деле не вкладываю в этот эпитет завистливой иронии или душевного трепета. Ведь каждый из нас, как бы ни менялась прискорбно его внешняя оболочка, остается в определенном судьбой или самим собой возрасте. Мне приходилось видеть десятилетних старичков, каковыми они останутся до смерти, и столетних юношей. И для меня примером остается Лев Разгон, писатель, общественный деятель, который около двадцати лет провел в самых страшных лагерях, сохранил человеческое достоинство, доброту и талант и прожил более девяноста лет, оставаясь истинно, непритворно молодым человеком. Это было видно и понятно через несколько минут после начала беседы с ним. Его мозг был готов и рад впитывать новую информацию, а совесть – бороться за справедливость...

Я прошу прощения за то, что так отвлекся от рассказа о славянской письменности и загадках первых русских текстов. Но герой моего очерка – человек молодой, несмотря на возраст, и таковым останется. И уж не мог я не отдать дань почтения Льву Разгону, если хочу воскликнуть: «Только неустанный и веселый труд может сохранить молодость! И только люди, которые сберегли в себе молодость, способны творчески трудиться до глубокой старости!»

За десятилетия, прошедшие со дней моей жизни в Новгородской экспедиции, там многое изменилось, но скорее количественно, чем качественно, хотя сами археологи со мной, вернее всего, не согласятся.

Но тридцать лет назад там царил дух первого дня Открытия. Честно говоря, я не знаю другой такой счастливой экспедиции, в которой щедрая земля десятилетиями дарит невероятные, неожиданные, непредсказуемые находки. И не устает.

Я помню сказочные дни, когда одна за другой появлялись берестяные

грамоты, связанные с усадьбой Онцифора и ученическими прописями мальчишки Онфима. Валентин подарил мне на прощание срез бревна, из которых складывали мостовые Новгорода. Дерево было срублено в XI веке, а еще через сто лет на этот слой бревен легли новые стволы. И на какое-то время улица стала подтянутой и вполне проезжей, даже в осеннюю распутицу. Говорят, что именно тогда хан Батый остановился у дороги, что вела к Новгороду, и долго размышлял, воевать ли ему Северную столицу Руси. А потом, испугавшись русских дорог, пространств и упрямства новгородцев, повернул в более теплые и доступные края.

Берестяные грамоты, тогда еще хоть и многочисленные, но не обыкновенные, каковыми они стали за последние десятилетия, обнаружившись и далеко за пределами Новгорода, показали, что это был чудесный город, в котором все были грамотными, писучими и обращались с записками так же, как мы сегодня – прочитав, новгородцы их мяли и выкидывали. Надо же было изобрести такой дешевый материал вместо бумаги – бересту!

Если мы хотим приблизиться к решению важнейшей задачи – определению времени появления письменности в России без сказок «Велесовой книги» или рун, нарисованных любителями старины, то искать конечно же следует в Новгороде. Культурное богатство этого города было спасено двумя факторами – постоянством города и неизбывной сыростью.

В жизни Новгорода за тысячу лет не было роковых катаклизмов. Это не значит, что не случалось там пожаров или разграблений. Но в целом город существовал из века в век, до немецкого вторжения в 1941 году, в своих границах, и последовательные напластования культурного слоя происходили подобно наращению древесных колец. И даже мостовые, сложенные из могучих бревен, лежали одна на другой десятками, как бы специально оставленные, чтобы можно было, загибая пальцы, подсчитать, сколько столетий прошло со дня, когда на той или иной улице был построен первый дом. Но никогда сюда не приезжают изобретатели новых хронологий и не хотят смотреть на эти слои мостовых, потому что тогда рушатся все их фантастические построения. И недаром академик Янин, научный повелитель Новгородской экспедиции, наливается справедливым презрительным гневом против агрессивных нелюбителей истории, которые так успешно морочат головы обывателям.

А известная новгородская сырость спасла ту же бересту и прочие погибающие в обычной почве вещи от гибели, потому что, вопреки распространенному мнению, в воде ничего не гниет. Гниение не может происходить без доступа кислорода. Так что, попадая в мокрую почву,

словно в вечную мерзлоту, предмет – береста ли, кожа или дерево – консервируется, подобно тому как в египетских гробницах в первые минуты после того, как их открыли, можно было увидеть свежие цветы, положенные на саркофаг безутешной вдовой фараона. Но через три минуты они чернели и превращались в прах. Их убивал кислород.

Извлеченные из мокрой земли клочки бересты или кожи некоторое время сохраняют форму. И если их законсервировать, то они сохранятся надолго. Берестяных грамот – демократического, доступного всем слоям граждан средства сообщения – в Новгороде найдено куда больше, чем в других городах. Ведь это была торговая республика, и грамотность там была обычной и всеобщей. Но сегодня берестяные грамоты находят повсеместно. Раньше археологи порой просто не обращали внимания на грязные клочки коры.

Когда же и в какой форме появляется на Руси письменность?

Очевидно, именно в Новгороде перспективнее всего отыскать памятники ранней письменности, которые можно датировать, то есть уверенно сказать, когда они появились на свет.

Но в отличие от «Велесовой книги», эти надписи должны быть настоящими, не вызывать сомнения.

Мы с вами не знаем еще первой русской надписи. А что же мы уже знаем?

В 989 году киевский князь Владимир наконец-то выбирает византийский канон – православие. Вскоре происходит уничтожение идолов – языческих славянских богов – и массовое крещение киевлян.

Эту операцию Владимир не мог бы произвести, не будь у него помощников – константинопольских миссионеров, причем в значительном числе. Далеко не все в Киеве хотели креститься, к тому же существовало мощное языческое жречество.

Радостной добровольности не получалось, о чём речь уже шла в прошлом очерке.

Но важно отметить, что христианство нигде не утверждалось без соответствующей литературы духовного содержания. Библию и Псалтырь необходимо заранее перевести на язык дикарей, то есть туземцев.

Я думаю, что обращение Руси в христианство прошло так быстро и относительно безболезненно, потому что почва для этого была подготовлена. В том же Киеве уже существовали христианские церкви. К тому же известно, что попытки перехода в православие совершались задолго до Владимира – ведь княгиня Ольга наверняка крестилась в Константинополе.

Возможно, к моменту крещения Руси появились и первые книги, переведенные на русский язык и изложенные кириллицей в Византии. С ними появились в Киеве миссионеры.

В какой же форме существовали эти книги?

Допустим, это были пергаментные свитки. Страшно дорогие, да и трудоемкие в изготовлении. Но, разумеется, ничего такого простого, как берестяные грамоты, появиться не могло. Потому что берестяная грамота появляется тогда, когда грамотность всем доступна, когда русской грамоте учат в школе и уже есть эти школы...

Следовательно, у нас есть нижний предел – крещение Руси. Конец X века.

Когда была написана самая ранняя из известных нам грамот на бересте?

Обратимся к книге Янина «Я послал тебе бересту...». Ей уже четверть века, но ее данные не устарели. Хоть число найденных грамот удвоилось, процентное расположение их по годам осталось прежним. Основная масса грамот относится к XIII–XV векам. Десять процентов – к слоям XII века, несколько – к веку XI.

В большинстве своем берестяные грамоты написаны в конце XI века, но написаны уже уверенно, беглым почерком, что говорит о том, что писать на бересте новгородцы умели отлично и занятие это было обыкновенным. Да и содержание грамот достаточно сложное. Грамота № 246, которая сохранилась целиком, отражает сложнейшее гражданское дело, где некий знатный господин Стоян уже девять лет не отдает долг, и автор грамоты намерен ославить его перед всем городом. Эта грамота написана во второй половине XI века, между 1025 и 1096 годами.

Можно предположить, что самой ранней из грамот, найденных по сей день, была грамота, где на одной стороне изображена фигура Христа, а на другой – великомученица Варвара, рядом с которой есть дата: 1029 год.

Итак, мы уже опустились в слои, близкие к времени крещения.

В 1029 году еще были живы многие язычники, окрещенные в конце X века.

Обращаясь к самым ранним образцам русской письменности, археологи стали искать не бересту, а деревянные таблички. Но не с выжженными буквами, которые изготовил старательный фальсификатор «Велесовой книги», а с воском. На воске, по примеру древних римлян, новгородцы должны были писать заостренной палочкой – стилем.

Откуда же у археологов появилась такая уверенность? Вот что четверть века назад, в 1975 году, писал об этих надеждах академик Янин:

«В 1954 году в слое двадцать четвертого яруса^[1] (1025–1055 годы) в Неревском раскопе найдена не доделанная резчиком дощечка для писания по воску. В слоях первой половины XI века в разные годы археологи нашли три костяных писала. Но самые важные находки связаны со слоями X века. Одно костяное писало удалось обнаружить в слоях двадцать седьмого яруса (972–989 годы), другое найдено буквально на материке, в слоях двадцать восьмого яруса, а этот ярус датируется 953 – 972 годами. И если уж мы нашли орудия письма, то наверняка найдем и самые тексты, этими орудиями написанные».

До христианства в Новгороде вряд ли писали друг другу берестяные письма. Не знали еще, какими буквами их писать.

Самые ранние тексты должны быть на воске...

Такие таблички привезли из Византии миссионеры.

Пришлось ждать четверть века, прежде чем случилась сенсационная находка, которая пролила свет на важную тайну – когда же русские начали писать по-русски?

13 июля 2000 года на стол Янину положили деревянные таблички из Троицкого раскопа. Они были размером 19 на 15 сантиметров, в сантиметр толщиной, сделанные, как квадратные тарелки, с углублением в середине, заполненным воском. Две внешние таблички служили обложкой тетрадки, а восковые странички находились на их внутренних сторонах. А вот третья, внутренняя, табличка была покрыта воском с обеих сторон. Воск обсыпался и держался лишь на первой табличке. Но было его достаточно, чтобы у Янина, как он сам признавался, «потемнело в глазах».

Находка была извлечена из достоверно датированных слоев конца X – первой четверти XI века.

Сейчас уже можно с уверенностью говорить, что текст был нанесен на воск раньше 1030 года.

До этого на Руси самым ранним датированным текстом считалось «Остромирово евангелие», написанное в 1056 году по заказу новгородского посадника Остремира.

Значит, сразу на тридцать лет «постарела» славянская письменность. И не только русская, но и болгарская, сербская и македонская – ведь и в эти страны принесли святые Кирилл и Мефодий свою азбуку.

Янин посмотрел на табличку и постепенно пришел в себя. «Посреди страницы глаз усмотрел первую понятную фразу: „От запрещения Твоего Боже Ияковль...“

Стало понятно, что перед археологами лежит Псалтырь – самый распространенный христианский текст.

И что важно, изучив его, распознав псалмы, археологи увидели на бортиках табличек и под воском дополнительные надписи, которые позволили утверждать, что мы имеем дело с учебником письма. Именно такие таблички и стали основным орудием миссионеров. Недаром на бортике было процарапано: «Сия книга – Псалтырь – сиротам и вдовицам утешение мирное...»

Эти таблички, которые теперь официально именуются «Новгородской псалтырью», неоценимо важны для того, чтобы определять по ним возраст любой рукописи или иной письменной находки первых лет славянской письменности. Текст Псалтыри достаточно обширен, чтобы понять особенности грамматики и написания слов в первоначальном славянском письме, о котором раньше лишь гадали. А потому придумывали немало чепухи.

ПАМЯТНИК НА ПЛОЩАДИ. Основатели Москвы

Много лет после революции о всяких там царях и князьях старались говорить поменьше, а то и вообще о них забывали, потому что историю творит народ, а короли ему только мешают, так как все время стараются подавить народные восстания.

В 1941 году на нас напали гитлеровские войска. Правительство большевиков и особенно сам Сталин так надеялись, что Гитлер нас не обидит (ведь мы с ним договор о дружбе подписали!), что дали фашистским армиям дойти до Москвы и погубить много миллионов советских людей.

Вот тут-то Stalin и вспомнил, что мы и раньше были врагов, которые нападали на Россию. Припомнили Кутузова и Багратиона, Барклая де Толли и Ушакова. Дошла очередь и до царей. Героями России стали не только Петр Первый и Александр Невский, но и князья, о которых раньше, кроме специалистов, никто и слыхом не слыхивал.

Досталось славы и Юрию Долгорукому.

Особенно его полюбили после войны.

Потому что он основал нашу родную столицу.

Приехал на берег Москвы-реки, пообедал и сказал: «Здесь будет город заложен назло коварному соседу...» Впрочем, это сказал другой царь...

Летопись относит его визит в Москву к 1147 году.

Поэтому в 1947 году наша Родина шумно и торжественно отпраздновала этот обед, а на площади напротив Моссовета, где когда-то возвышался памятник славному «белому генералу» Скобелеву, а потом не очень понятный коммунистический памятник Свободе (как будто ее там похоронили), а затем несколько лет ничего не возвышалось, если не считать коричневого мраморного Ленина, сидящего перед институтом собственного имени, поставили конную статую Юрия Долгорукого.

В то время в Москве совсем не осталось конных статуй. До революции они были, но не тем людям, а после революции все памятники стали пешеходными. Во всех столицах мира конники стояли, а в Москве – нет. Это так расстраивало московских патриотов, что сатирики Ильф и Петров предложили соорудить в Москве конный памятник Тимирязеву с морковкой в руке.

Идея была понятной, ибо Тимирязев был биологом и сабли отродясь не держал. Впрочем, сатириков никто не послушался. Тимирязеву создали нечто задумчивое и пехотное и поставили на другом конце Тверского бульвара – так что поэт и биолог стояли спинами друг к другу и думали.

Конной статуи Москва дождалась только в 1947 году.

Юрий Долгорукий в шлеме более поздних времен, чем сам носил, указывает на середину Тверской. Видно, ему хотелось, чтобы Москву заложили именно там. Но не вышло: самая старая часть Москвы лежит на берегу Москвы-реки, которая, как выяснилось, вернее всего, называлась Смородиной.

А в спину Юрию Долгорукому смотрит мраморный Ленин.

Прошли торжества, всем, кому положено, раздали памятную медаль, на которой лицо Долгорукого было изображено в профиль, благо ни портретов, ни фотографий от него не сохранилось.

Мальчиком меня папа возил вечером по Москве, всюду гремели оркестры, сверкали фейерверки, окна домов, еще недавно закрытые черными шторами светомаскировки, горели, как на карнавале. Народ гулял по ярко освещенной улице Горького и Красной площади. Было очень весело.

Но я помню, как уже тогда меня смущил один простой вопрос:

– А куда приезжал Юрий Долгорукий в 1147 году?

– Как куда? – Мама поразилась моей тупости. – Конечно же в Москву!

– Так что же он основал?

– Ну, когда он приехал, – мама пыталась втолковать мне простые истины, – там была крепость, деревня, незначительное место. А он построил дворец.

У мамы было богатое воображение, но я ей не поверил.

И теперь понимаю, что поступил правильно.

Когда я научился толком читать и даже полюбил исторические книги, то смог узнать кое-что об основателе нашей столицы. Постепенно тайна основания Москвы стала приобретать новые очертания.

Всю жизнь Юрий Долгорукий бился за престол в Киеве. И чего только не натворил в своей гордыне и жестокости! Причем ради личных интересов шел на любые подлости и часто выступал вместе со смертельными врагами Руси – половцами. Русские летописи подробно описывают войны князей, в которых Юрий проявил себя человеком подлым и жестоким. И хоть до вторжения монголов еще оставалось несколько десятилетий, ясно, что при ожесточенности сvar и войн внутри Руси страна, полностью разоренная и обескровленная, не смогла бы противостоять сильному врагу. Достойным

наследником Юрия Долгорукого был и его сын Андрей по прозвищу Боголюбский. Прозвище это было дано не народной памятью, а льстивыми придворными. Ведь во времена, когда не было не только телевизора, но и газет, летописи становились главным идеологическим оружием – их исправляли, подчищали, переделывали, и постепенно процент правды в них сходил к нулю. А при Иване Грозном были созданы колоссальные труды – Лицевой Летописный свод и Степенная книга, целью которых было создание истории заново в таком виде, в каком ее хотел видеть царь.

Тут на сцену выходит Степан Кучка, феодал, боярин, вассал Долгорукого, глава могучего рода, который мог поспорить богатством и знатностью с самим князем. Одно из сел Степана Кучки лежало на берегу реки Смородины и звалось Москвой.

Там стояла усадьба боярина.

И вот что пишет о дальнейших событиях историк Татищев, который основывал свою «Историю» на ряде утерянных впоследствии летописей: «Юрий, хотя и имел княгиню, любви достойную, и ее любил, но при том многих жен подданных навещал и с ними более, нежели с княгинею, веселился... чем многие вельможи его оскорблялись... Между всеми полюбовницами жена тысяцкого сузальского Кучка наиболее им владела...»

Боярин Кучка решил спасти свою семью.

Времена были древние, диковатые, даже ЗАГСов еще не придумали, а местный священник, надо понимать, не привык спорить с боярами и князьями.

Так что никто не стал спорить, когда Кучка посадил свою жену в домашнюю темницу, вернее всего, в чулан.

Детали никому не известны. Летописи сообщают только о событиях, не о их деталях.

Но из этих скучных сведений становится ясно, что ни о каком обеде в 1147 году и речи не было. Причина, которая привела Юрия Долгорукого в московскую усадьбу Кучки, была совершенно определенной.

«Юрий, уведав о том, что Кучко жену посадил в заточение, – пишет Татищев, – оставил войско... сам с великой яростью наскоро ехал с малыми людьми на реку Москву, где Кучко жил. И, пришед, не испытуя ни о чем, Кучка тотчас убил...»

А мы с вами с этого момента отсчитываем историю нашей славной столицы. И любуемся памятником убийце.

Известно, что после смерти Кучки схватили его сыновей и отправили в Сузdal, а дочку Улиту насильно выдали замуж за сына Юрия, Андрея

Боголюбского. Затем Андрей выгнал Улиту из дворца и женился вторично. А брата юной жены Андрей приказал замучить.

На этом трагедия не закончилась.

Прошло четверть века, и Андрей Боголюбский, продолжая борьбу отца за киевский престол, в 1171 году взял столицу Руси штурмом и отдал громадный город на разграбление своим дружинникам и союзникам-половцам. Летопись сообщает о страшном разорении Киева: «...И грабили... и никому не было пощады: церкви горели, христиан убивали, других вязали, жен уводили в плен, насильно разлучая от мужей своих...»

Через несколько лет во дворце Андрея под Владимиром образовался заговор ненавидевших его приближенных и родственников. Ночью убийцы накинулись на князя. И нам важно сейчас узнать: кем же были его убийцы?

«Главарем же убийц, – сообщает летопись, – был Петр, зять Кучки, Анбал, осетин родом, да Яким, да Кучковичи – всего числом двадцать». А за убийцами стояла Улита, дочь Степана Кучки.

Значит, через тридцать лет после того, как Юрий Долгорукий убил владельца московской усадьбы и обесчестил его дочь, оставшиеся родные боярина во главе с Улитой жестоко отомстили сыну убийцы.

Из всего этого рассказа мы с вами можем сделать вывод.

К тому времени, когда в 1147 году Юрий Долгорукий напал на Степана Кучку, Москва была достаточно крупным населенным пунктом, ведь недаром же ее выбрал себе резиденцией один из самых важных людей на Руси.

Но когда она была основана на самом деле, мы пока не знаем.

Раскопки в Москве, хоть и многочисленные, никогда не были такими же плановыми и организованными, как в Новгороде. Да и почва московская не сохраняет предметы подобно новгородской. К тому же в центре Москвы, который бурно и часто перестраивался, горел, разрушался, уничтожался и строился вновь, мало что могло сохраниться. Вернее всего, первоначальная Москва и терем Кучки давно уже исчезли, тем более если стояли на месте Кремля.

Кроме того, московские власти никогда не заботились по-настоящему о сохранении старины. Раскопки ведутся спешно, а затем что можно уничтожить – уничтожается то ради торгового центра, то ради новой мостовой.

Словом, тайна основания Москвы еще не раскрыта, и неизвестно, удастся ли ее раскрыть.

Но наверняка можно сказать, что Москва куда старше, чем принятый ее возраст. И второе: Юрий Долгорукий никакого отношения к основанию

Москвы не имеет.

Так что на площади перед Моссоветом стоит конный памятник узурпатору и убийце.

Зато стоит отметить: за последние годы другие конные монументы уже появились. Издали от Исторического музея на Долгорукого смотрит вставший в стременах маршал Жуков, а на Кутузовском проспекте поднял позолоченную сабельку Багратион. А еще дальше, у Бородинской панорамы, уверенно восседает на коне фельдмаршал Кутузов.

ХИЩНОЕ МОРЕ. Куда делась Хазария?

Есть в истории Земли несколько государств, существование которых бесспорно, но либо неизвестно, когда они процветали, либо нет уверенности в том, какую территорию они занимали и на каком языке изъяснялись их жители.

До сих пор ученые не могут расшифровать язык этрусков, которые владели Италией до римлян. Совершенно непонятно, когда было создано и когда погибло огромное государство кушанов к северу от Индии. Но особенно много неясного в истории кочевых народов. Обычно от них не остается или почти не остается письменных памятников – не нужны были письма в вечном движении по степи, и теперь приходится пользоваться сведениями, которые оставили нам враги кочевников.

Даже на территории нашей страны были народы, названия и дела которых нам порой известны, но если захочешь узнать больше, наталкиваешься на стену исторической тайны.

Много ли мы знаем о скифах? А ведь порой их даже считают нашими предками! Больше всего о них рассказали греки. Они же изображали скифских царей и воинов на вазах, блюдах и украшениях, которые изготавливали по заказу скифских царей. Скифы не только кочевали по южнорусским степям, но и совершали дальние боевые походы и доходили чуть ли не до Африки. Перед ними трепетали целые страны.

А что вы можете сказать о стране Хазарии?

Если в школе вы учились давно или не любили историю, то, наверное, вспомните только строки из «Песни о вещем Олеге» Пушкина:

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам.
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.

Если Пушкин не ошибался, из этих строчек следует, что хазары были беспокойными соседями Русских земель и войны между соседями шли с переменным успехом.

Внук Олега, воинственный Святослав, гроза средневекового мира, с кем только не воевавший, в 965 году пошел вниз по Волге, разгромил

волжских булгар, спустился в дельту, сжег столицу хазар Итиль, разрушил на Дону их крепость Саркел и проследовал к берегу Каспийского моря до хазарской крепости Семендер, которую тоже уничтожил. По крайней мере, так утверждают некоторые летописи.

Становится понятно, что даже в X веке на закате своей истории хазарское государство занимало немалую территорию, включая низовья Волги, бассейн Дона, а также часть Каспийского побережья. Арабские источники утверждали, что кагану хазар платили дань племена от Дуная до Урала, Хазары, судя по армянским и грузинским хроникам, не раз вторгались в земли Закавказья. Однажды, как говорится в грузинской хронике, каган, который желал получить руку грузинской принцессы, но не получил ее миром, взял штурмом и разрушил Тбилиси.

Сложные отношения были у хазар с Византией. Был случай, когда трон в Константинополе занимал Лев Хазар, посаженный туда хазарским каганом. Византийский историк писал, что хазары «обладают военной силой и могуществом, полчищами и войсками».

И тем не менее о хазарах известно мало, в русской истории о них почти не упоминается, а наши археологи уделяли местам их поселений явно недостаточное внимание.

В советской исторической науке, где царствовали советские патриоты, принято было считать, как писал академик Рыбаков, что «международное значение Хазарского каганата нередко чрезмерно преувеличивалось. Небольшое полукиевическое государство не могло даже и подумать о соперничестве с Византией или Халифатом... паразитарное государство, жившее за счет транзитной торговли... таможенная застава... небольшое ханство кочевников-хазар». В общем, лучше бы хазар не было вообще.

Презрительное отношение к Хазарскому каганату имело под собой причину.

Оказывается, в свое время, когда многонациональное хазарское государство только становилось на ноги, у местной власти возникла проблема, которая вскоре станет актуальной и для Руси. Какую религию принять?

Подобно русскому князю Владимиру хазарские вожди призвали к себе священников из разных земель и устроили конференцию или диспут. Священнослужители должны были публично рассказать о преимуществах своей религии.

На самом деле Владимир в Киеве больше заботился о политических выгодах. Недаром за несколько десятилетий до того княгиня Ольга, прибыв с политическим визитом в Константинополь, уже приняла христианство по

православному образу. Правда, укрепить веру на Руси она не сумела, но отношения с Византией не прерывались. Хазары же формально предпочли иудейскую веру, и в течение нескольких столетий на южных рубежах нашей родины существовало и даже процветало государство с чуждой Советскому Союзу идеологией.

Этим в основном и объясняется плохое отношение к хазарам со стороны российского православия, а после революции и со стороны официальных академиков Советского Союза.

Но если в идеологической окраске хазар тайны нет (хотя, конечно, загадочны движения тюркской души кочевых ханов, избравших для своего народа такую экзотическую религию), то все остальное – таинственный туман.

Пределы хазарской державы и время ее существования приблизительно известны, названия городов тоже знакомы. Но реальные следы хазар до удивления ничтожны.

Видно, сомнения были и у современников, потому что любознательный арабский писатель отправил в X веке хазарскому кагану письмо с просьбой рассказать о его царстве. И каган хазар Иосиф написал по-арабски такое письмо, где перечислил свои города, сообщил расстояния между ними, поведал о крепостях и о том, как хазары соорудили «ворота», чтобы воины из Руси не прорывались с набегами в хазарские земли. Он признал, что хазары совмещают кочевые передвижения и оседлую жизнь в городах, которых было немного, и крупным считать можно было только столичный. Вернее всего, осью существования хазарского царства была Волга, и их поселения располагались в дельте, на островах, а также по Дону и на Северном Кавказе.

Долгое время это письмо, попавшее в Испанию, где и жил любознательный араб ибн-Шафрута, у нас считали фальшивкой. Но тут в Каире обнаружились другие письма от того же араба, который просил у византийского императора кораблей, чтобы достичь хазарского царства и убедиться в его существовании. Кораблей ему не дали, потому что в те годы Византия с хазарами воевала, но переписка сохранилась.

В нашей истории широко освещается факт похода на хазарский каганат неутомимого Святослава. Помимо этого в сознании намертво засела крылатая фраза Пушкина, в которой князь Олег решил «отмстить» неразумным хазарам. Но зачем им мстить? Буйные хазары – это что, буйные евреи?

Походы русских дружиинников (очевидно, викингов) на хазарские земли отмечены в наших восточных летописях неоднократно. Например,

известно, что в 913 году пятьсот русских ладей с командами по сто человек на каждой вошли в устье Дона и, натолкнувшись на хазарские посты, послали сообщить кагану, чтобы их пропустили на Волгу и Каспийское море. Хотелось им побезобразничать по городкам на побережье. Каган не возражал. Тогда русы волоком перенесли ладьи в Волгу и начали грабить местных жителей. Жители пытались отогнать русов, но ничего из этого не вышло. Через три месяца нагруженные добычей ладьи вернулись в устье Волги и оттуда послали кагану положенную ему за пропуск долю добычи. Но тут в дело вмешалась хорезмская гвардия кагана, которая была возмущена поведением русов, обижавших их единоверцев. Специфика хазарского каганата была такова, что противиться наемникам каган не пожелал. Приняв добычу, он передал через посланников, чтобы русы осторегались хорезмийцев. По сведениям летописца, к хорезмийцам присоединились и христиане из Итиля – столицы хазар. Войска набралось более пятнадцати тысяч человек. Бой продолжался трое суток, и хазарское войско победило. Часть русов была убита, другие потонули, а тех, кому удалось бежать, в пути перебили волжские булгары и мордва.

Прошло тридцать лет, и снова русы отправились в поход на Каспий. На этот раз они поднялись вверх по реке Куре и внезапно появились под стенами армянского города Бердаа, который считался одним из богатейших городов арабского халифата. Так как жители Бердаа были настроены враждебно и не желали цивилизованно сдаваться, русы осерчали и разграбили город. Затем, страдая от болезней (очевидно, дизентерии), русы продолжили грабить и разорять соседние города, пока правитель Азербайджана Мерзебан не заманил их в засаду и не перебил. Лишь малая часть разбойников вырвалась из засады и спустилась по Куре к морю.

Вернее всего, в документах речь идет о вольных дружинах, может, чисто варяжских, а может, и славянских, но пришли они с запада и ушли к Киеву. Ни слова об участии в них ни княгини Ольги, которая тогда правила от имени Игоря, ни ее воевод наши летописи не сохранили.

Зато в 965 году во главе дружины встал киевский князь Святослав. Скорее всего его появление в хазарских краях было связано с походом на волжских булгар. Некоторые летописи говорят о том, что Святослав пограбил хазарские города Итиль и Саркел. Насколько этот поход был болезнен для хаза, неизвестно. Ведь Святослав ходил и на Византию, но Византия это благополучно пережила. Кто только на нее не ходил!

Что представляло собой взятие Святославом хазарских городов, включая столицу каганата Итиль, можно представить себе, поняв, что же это были за города. Насколько Хазария была кочевническим государством?

Может, это было объединение кочевников, подобное скифскому и сарматскому государствам или напоминавшее державу половцев, для которых города особой ценности не представляли?

Если не было городов, храмов и дворцов, то следует подвергнуть сомнению переписку кагана с испанским путешественником и полагать хазар скопищем разбойников, странным местом, куда бежали «буйные» евреи из Палестины и откуда потом они приехали в Киев, чтобы склонить к иудаизму князя Владимира. По текстам, созданным переписчиками более поздних лет, князь Владимир врезал этим послам по первое число.

И все же города были.

И мечети в них стояли, и христианские храмы, и синагоги.

В одном из таких городов, Саксине на Нижней Волге, двадцать лет провел арабский путешественник аль-Гарнати.

Мы не очень внимательны к городу, в котором живем. Я сам тридцать лет не был в Третьяковке, зато в каждый приезд в Питер обязательно иду в Русский музей. Так и аль-Гарнати городу, откуда он совершил свои путешествия, посвятил всего несколько страниц. Своебразен облик города, принадлежащего огузам, одному из хазарских «колен». Жилища там большей частью – обширные юрты, в каждой размещается по пятьдесят человек. Есть в том городе кварталы болгар и аланов. Другие путешественники отмечали, что в хазарских городах были не только юрты – там возводили мечети, христианские церкви и синагоги. Кочевники в силу образа жизни, несущего в себе движение, всегда терпимее оседлых земледельцев относились к чуждым верованиям. Монголы признавали право иных народов на свою веру, и их союзники принадлежали к разным конфессиям. А вот Иван Грозный приказал снести в Казани все мечети.

И хочешь не хочешь, но приходится поверить многим восточным документам, которые доказывают, что после отчаянной вековой войны хазарам удалось отстоять Европу от арабского нашествия, которое надвигалось из Закавказья.

Очевидно, южной границей хазарского царства можно считать город Дербент на Северном Кавказе, уместившийся между горами и Каспием и оседлавший главный путь в Закавказье. Еще в VI веке персами была построена в Дербенте могучая крепостная стена, перекрывающая долину. Она и сегодня пересекает город и уходит далеко в море.

Несколько сот лет назад московский купец Котов писал об этой стене: «А стоит концом в горы, а другим концом в море. А длиной в горы больше трех верст. И сказывают, что с того города море взяло башен с тридцатью».

Эта стена скорее всего и таит ответ на тайну хазар. Куда делись их

города? Почему до сих пор не могут отыскать их столицы?

Известный историк Лев Гумилев проводил раскопки в Дербенте и проследил стену в море на много сот метров. У подножия стены в морской глубине он откопал немало кувшинов и других глиняных сосудов. Это означает, что при возведении стены не перегораживали море, а ставили башни на суше. В VII–VIII веках, когда Северный Кавказ попал под власть хазарских каганов, наиболее плодородными землями были обширные плоские степи по берегу Каспия, а также многочисленные острова дельты Волги. Это и было экономической основой государства, которое конечно же не могло прожить только за счет поборов с транзитной торговли.

Хазары как народ вряд ли составляли значительную долю населения каганата. Впрочем, неизвестно толком, что это был за народ. Вернее всего, речь может идти лишь о множестве племен и народов, объединенных общим названием. В большинстве своем это были тюркские племена, сохранившие ислам.

И вот в конце I тысячелетия климат начал меняться.

На севере выпадало все меньше дождей, и степи высыхали. Кочевники, населявшие те просторы, тяготели к Волге и стремились к югу, где выпадало больше дождей и степь оставалась плодородной. Хазары с трудом сдерживали написк с севера, потому что их собственное государство быстро ослабевало. Причиной тому стал вчерашний кормилец Каспий.

С конца тысячелетия уровень моря начал подниматься. Даже средневековый итальянский географ отмечал: «Каспийское море год от года прибывает, и многие хорошие города уже затоплены». Очевидно, он имел в виду города северного Ирана, порты на южном берегу Каспия. Уровень моря поднялся настолько, что вода буквально сожрала обширные степи Хазарии. В то же время подъем воды в несколько раз уменьшил волжскую дельту и затопил города хазар, которые занимали ее острова.

«С юга неуклонно наступала мощная вода, – писал Лев Гумилев. – Она губила посевы и сады, набегами разрушала деревни. К середине X века уже две трети хазарской территории оказались под водой... Море и засуха продолжали давить с двух сторон... В конце XIII века уже вся страна была покрыта морем... Да, Хазария – это в полном смысле русская Атлантида».

Прорыв в изучении Хазарии произошел в летний археологический сезон 2001 года.

Именно тогда на одном из островов в дельте Волги на холме у села Самосделки были найдены следы древнего поселения.

Фермеры выбрали холм, чтобы держать на нем сено в паводок. Когда стали его окапывать, из земли появились обломки обожженной глины,

кирпичи, керамика, человеческие кости. Сельский учитель истории отвез некоторые находки в Астрахань, в музей. Ученые были поражены тем, что сбылись их многолетние ожидания. Нахodka явилась для них полной неожиданностью.

Первые же пробные раскопы показали, что на острове некогда был большой, по средневековым меркам, город. Площадь его превышала два квадратных километра.

Вскоре к селу Самосделки съехались крупнейшие специалисты по истории Руси и степей.

Первым предположением было, что нашелся именно Саксин, воздвигнутый на развалинах разрушенной столицы хазар.

Но сказать наверняка, какой это из крупных хазарских городов, пока нельзя.

Зато с уверенностью можно утверждать, что это хазарский город. Наконец-то он появился из небытия.

Теперь стало ясно, почему его не видели столько лет.

Доказательство лежало на поверхности. Как только начались пробные раскопки, в полах домов нашли захоронения. Такой обычай, возможный для древней Финикии, для Хазарии был абсолютно неприемлем.

А возникли такие нелогичные погребения по горькой нужде.

Хазарию и в самом деле сожрало море.

Каспий поднимался, начиная с X века. И к началу XIV века, когда этот город захирел и погиб, хоть его не жгли и не уничтожали враги, сельскохозяйственных земель уже не оставалось – дельта Волги ушла под воду. Морские волны подбирались к стенам города. Холм, на котором он стоял, превратился в остров. Залило даже кладбища. И насколько мог достать взор, расстипалось Каспийское море. Жители сопротивлялись еще много десятилетий. Видно, все же основной функцией города была торговля, а торговля шла в значительной части морем. Главная артерия тянулась с юга, из Ирана к Волге и дальше по ней на Русь и в Европу. То есть такого рода город мог существовать, даже потеряв земельные угодья и пастбища.

Взглядам археологов предстала история нескольких столетий жизни хазарского города. Видно было, как сантиметр за сантиметром поднималось море, и в один несчастный день оно скрыло под собой вершину холма – ничто не помогло хазарам против всесилия Каспия, славного частыми и сильными колебаниями уровня воды. Город полностью исчез под водой, как и другие города хазар.

Археология подтвердила то, о чем догадывались историки.

Хазарский каганат, лишенный земли, не мог быть более могучей державой и распался на откочевавшие в степи племена и орды. Каждое из племен знало свое название и свой язык, а принадлежность к хазарскому единству забылась быстро и окончательно.

А когда море отступило снова, догадаться, что холм когда-то был увенчан городом, стало уже невозможно.

В ближайшие годы он откроет неизвестные еще тайны Хазарии – Атлантиды русских степей.

У НОГ БАТЬЯ. Непокорный князь

К началу XIII века разложение Руси, не только географическое (в смысле разделения ее на самостоятельные государства), но и моральное, зашло так далеко, что воевали все со всеми. Как будто нарочно истощали силы, чтобы врагу, если он придет на Русь, было легче с русскими справиться.

Ужас жизни в те годы заключался еще и в том, что для простого человека практически не было безопасного города или деревни. Некуда было бежать. Князья, которых развелось немало, не только боролись за города, но и предавали друг друга. Отцы воевали с сыновьями, племянники казнили теток и дядьев, жители городов, если оставались живы, попадали в плен, в рабство. Малые и редкие монастыри не могли дать убежища беженцам, да и сами становились жертвами разбоя. Особенно гадко было то, что князья обезумели настолько, что легко призывали на помощь любых союзников – половцев, литовцев, поляков, венгров... Только бы уцелеть, обогатиться, покуражиться. Историю последних лет независимой Руси перед монгольским нашествием невозможно выучить или понять – ну почему они с таким озлоблением, как бешеные псы, рвали друг другу глотки?

Это одна из гнетущих тайн нашей истории.

Ведь подумать только, по населению Русь была в десятки раз людней Монголии, даже со всеми ее вассалами! Крепости и укрепленные города в ней были могучими, и взять их штурмом было бы нелегко. Да стоило русским князьям объединиться и ударить по монголам, те убежали бы обратно в свои степи! Знаете ли вы, что маленькая Венгрия смогла остановить монгольское войско? Что за пределами Руси ни одно европейское государство не покорилось монголам?

Или посмотрим иначе. Ведь каждый народ выбирает память о своих святых и героях. Им прощаются просчеты и недостатки ради основного дела их жизни. Это и князь Владимир на Руси, крестивший русский народ в конце X века, это князь Александр Невский, живший через четверть тысячелетия, это Дмитрий Донской, победитель татар в 1380 году. А каких героев подарила нам губительная эпоха раздробленной Руси? Да никаких не подарила!

За малым исключением, мы с вами не знаем князей, которые по-настоящему воевали с монголами. В большинстве своем они поспешили не

только покориться врагу, но и вступить с ним в союз.

Накануне нашествия монголов на Руси было четыре сильнейших княжества: Владимиро-Сузdalское, Смоленское, Волынское и Черниговское. Помимо них в стране стояли большие города – Новгород, Галич, Полоцк, Псков... В Чернигове правил Михаил Всеволодович, Галичем и Волынью владел Даниил. В Киеве сидел Владимир Рюрикович, а затем сменивший его после битв, измен и всевозможных интриг младший брат Михаила – Ярослав. Впрочем, не будем перечислять князей и их родственные отношения, тем более что в них легко запутаться и еще труднее затем отыскать смысл в их поступках и действиях.

Третий брат Михаила, Юрий, стал в 1238 году первой жертвой монголов, которые подошли к Владимиру и разорили его так же, как перед этим Рязань. Юрий Всеволодович бежал за Волгу и таинственно исчез в лесах.

Тем временем князь Михаил Всеволодович вел переговоры с венграми о браке своего сына с венгерской принцессой.

Когда читаешь летописи и иные документы той поры, создается, пожалуй, такое впечатление: русские князья не такие уж были трусы и идиоты. Наоборот, они были расчетливыми мерзавцами и поэтому с удовольствием подставляли под монгольскую саблю своих соперников, а сами думали, что монголы – разновидность половцев, степной народ, с которым можно повоевать, а потом породниться домами и посостязаться в грабежах родной русской земли. Затем усесться на кошму и любоваться половецкими плясками. Они не могли понять, что монголы, хоть и грабят и убивают подобно самим русским князьям, не противник, а злая судьба Руси, ее смерть.

Мы с вами учим в школе, как тяжелым катком прокатилась по русским городам и деревням чугунная волна монгольского завоевания, как горели города, как уводили в полон женщин и детей, как весь народ на сотни лет попал под тяжелое иго.

А ведь было совсем не так.

Монголам не было никакого смысла оккупировать Русь. Ведь они были кочевниками. Они могли напасть, увести добычу, продать рабов, но оставаться и владеть захваченными землями они не хотели. Поэтому монголы везде создавали то, что в наши дни зовется «протекторатами», то есть оставляли у власти в побежденной стране ее собственных властителей, по крайней мере тех, кто успел вовремя покориться и облизать сапоги завоевателей.

Пускай сами русские собирают дань, наказывают, присылают подарки,

а время от времени на коленях приползают в столицу монгольского хана и подвергаются там унижениям. За это их отпускают домой живыми, а князья уж на месте срывают гнев на холопах.

Надо сказать, что когда монголы завоевали Русь, то беспощадные зверские войны между князьями сократились. Зачем монголам были беспорядки? Беспорядки мешают вовремя собирать дань с новых рабов. Теперь, набедокутив, князь спешил в Орду ябедничать.

Военная кампания 1238 года, во время которой пали Владимир, Рязань и иные города, всю Русь не задела. Больше того, основные силы и ресурсы Руси остались нетронутыми. И еще не поздно было объединиться и отбросить монголов.

Но чуда не произошло.

Таинственным образом, несмотря на уроки прошлого года, князья занялись чем угодно, только не защитой Русских земель.

Весной 1239 года началось генеральное сражение за Русь. 3 марта монголы штурмом взяли Переяславль, затем пал и Чернигов. И тут завоеватели предложили русским князьям мир. Ведь им не нужна была разоренная земля – с нее и дани не получишь. Достаточно устрашить, покорить, а потом двигаться дальше, в Европу, к сказочной добыче. И тут же князья Черниговский, Смоленский и Галицкий – главные властители Руси – капитулировали.

Не было сопротивления!

Неужели, спросите вы, не нашлось на Руси ни одного смелого князя?

Нашелся.

Князь Михаил Всеволодович, который правил Киевом.

Будущий святой православной церкви, человек-загадка.

Дальше я изложу по порядку, что нам известно об этом князе и почему его признали святым, хотя в летописях для него и доброго слова не нашлось.

Итак, лето 1239 года. Тумен полководца Менгу стал лагерем на берегу Днепра напротив Киева. Менгу отправил послов, которые заявили Михаилу, что все прочие князья сдались – зачем мучить свой народ, сдавайся, князь!

Михаил «не послушал» послов.

Менгу прислал второе посольство, которое вело себя еще наглее. Киевляне послов убили. Но взять Киев Менгу не смог и отступил в степь.

После этого, как говорят летописи, Михаил убежал с сыном в Венгрию. С чего бы? Монголы отступили, показан пример другим князьям, близка победа!

Но оказывается, что в эти дни брат и соперник Михаила, князь владимирский Ярослав Всеволодович, неожиданно привел свое войско не на помощь Михаилу и Киеву, а к городу Каменцу, где Михаил укрыл свою семью, схватил жену киевского князя и «множества полона привел въсвояси».

Итак, победа Михаила оказывается фиктивной. Никакой надежды на помошь единоверцев не осталось. Больше того, родной брат захватил его семью и забрал в плен всех жителей Каменца.

Что мы знаем о закулисных переговорах? Монголы могли и, вполне возможно, предложили Киеву мир, если отважного Михаила там не будет.

И тогда тайна раскрывается. Михаилу ничего не остается, как уехать к будущему тестю его сына, венгерскому королю.

Зимой 1240 года Михаил попадает в Венгрию, где его встречают плохо. Видно, поработали послы других князей и монгольские лазутчики. В руке принцессы было отказано, и Михаила попросили удалиться из Венгрии. Михаил кинулся в Польшу. Но и там не нашел ни помощи, ни союзников, хотя, судя по всему, надеялся заключить военный союз против монголов. Ни поляки, ни венгры не хотели и думать о том, какая страшная опасность надвигается на них.

И тогда Михаил, раздавленный предательством и неудачами, возвращается на Русь, где его родственники и друзья детства уже благополучно подружились с монголами. Он вынужден был признать главенство Даниила Галицкого и молить его о том, чтобы ему вернули жену и родных. Затем он поселился в деревне неподалеку от Киева. И о нем почти забыли.

Но тут судьба догнала и жестоко наказала одного из предателей. Даниил Галицкий, так поспешивший покориться монголам, отправился в Венгрию брать за своего сына другую дочку тамошнего короля. И пока он там этим занимался и пировал, один из монгольских генералов решил поживиться и невзначай взял штурмом и разгромил столицу Даниила, город Галич. А когда князь-предатель подъехал к своей столице, он увидел громадные толпы людей, убегавших от монголов.

И вы думаете, что он собрал свои дружины и пошел на оккупантов? Ничего подобного! Он тут же приказал развернуть коней и снова поехал в Венгрию – догостевать.

Прошло еще три года. Михаил, разбитый и униженный, соблюдал все условия договора с прочими князьями и конечно же с монголами. В 1243 году он переехал на родину, в Чернигов.

А на следующий год хан Батый приказал всем русским князьям

съехаться в Орду, в его степную ставку. Причем особое приглашение было прислано Михаилу Всеволодовичу – все-таки по «чину» он был одним из четырех главных князей Руси.

Что случилось дальше, кратко сообщено в разных летописях. И подробно в записках Плano де Карпини, папского представителя в стане монголов, которому не было смысла лгать, он был лицом нейтральным.

Карпини рассказывает о том, что татары не оказывают покоренным им государям никакого почета, а считают презренными личностями, все время требуют от них подарков. «Даже рабы пристают к ним», – пишет он.

Русские князья покорно подчинились этим унизительным правилам. Они уже сообразили, что натворили своим слабодушием, и теперь тщательно оберегали собственную жизнь и возможность вернуться домой представителями интересов монгольской державы.

Всем русским князьям было приказано проходить между очистительными кострами, а затем поклониться идолу Чингисхана. Все, как один, князья послушно брякнулись на колени перед идолом.

Все, кроме князя Михаила.

А ведь понятно, что основное внимание монголов было обращено на него. Мало его наказывали! Надо было окончательно добить.

Михаил отказался поклоняться идолу, сказав, что его религия этого не позволяет. Тогда-то монголы и сообщили князю, что если он не покорится, то будет убит. И дальше передадим слова Карпини: «Князь ответил, что лучше умрет, чем сделает то, что не подобает. И Батый послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока князь не скончался. А один из воинов князя, что стоял рядом, ободрял его: „Будь тверд, так как эта мука не долго для тебя продолжится, а тотчас последует вечное спасение“. После этого ему отрезали голову ножом, а у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом».

В Галицкой летописи уточняется, что это был не простой воин, а близкий спутник князя, боярин Федор.

Православная церковь причислила князя Михаила к святым мученикам, но боярину Федору такой чести не досталось.

Остальные князья покорно и с дрожью смотрели на эту казнь.

В этой истории остается много неясного. Начиная с того, почему Михаил оставил Киев, почему четыре года жил в изгнании, почему покорно поехал в Орду, но там вдруг взбунтовался?

Мне кажется, что ему все надоело – и прятаться, и сдаваться на милость победителей, и, главное, видеть вокруг бесконечное предательство тех, кто должен был оберегать Русь.

Я думаю, что Михаил Всеволодович знал или по крайней мере подозревал, что монголы не выпустят его из Орды живым и припомнят ему оборону Киева. Им нужен был урок для прочих князей.

И они его преподали.

И много лет ни один русский князь не смел воспротивиться воле монгольского хана. А венгры и поляки устояли перед монголами.

У нас устоял один, приняв на себя вину многих.

Впрочем, что сегодня можно сказать? Лишь Карпини оставил записки, но он не вдавался в психологические детали. Главу о Михаиле он заканчивает следующим образом: «Для некоторых они находят случай, чтобы убить их, как это было сделано с Михаилом».

СТОЯНИЕ ПОД ЕЛЬЦОМ. Что остановило Тамерлана?

В 1980 году праздновалась шестисотая годовщина Куликовской битвы. Было немало официальных мероприятий, торжеств, заседаний и даже анекдотов. Никита Михалков собирался снять фильм о сражении. Думал об этом и режиссер Ричард Викторов. Он обратился ко мне с предложением написать сценарий.

— Каким ты видишь финал? — спросил я.

— Апофеоз — победа русского оружия, — ответил Ричард. — Иного от нас и не ждут.

— Я согласен работать, — сказал я, — но при одном условии. Если фильм будет начинаться на следующий день после Куликовской битвы.

Я не шутил.

Я и сейчас убежден в том, что сама Куликовская битва, как бы ни была она знаменательна, не определила последующую историю Московского княжества и Руси в целом. Наоборот, она, на мой взгляд, послужила началом самых кровавых и несчастливых десятилетий нашей истории. Мы видим, знаем и изучаем то, что выгодно было знать, видеть и изучать правителям России как тогда, так и в наши дни. Настоящая драма разыгралась теми же действующими лицами, что сошлись на Куликовом поле, но играли они совершенно иные роли.

В 1957 году, после того как Хрущев на XX съезде партии, ломая отчаянное сопротивление партийной элиты, заявил о культе личности Сталина и ужасных трагедиях, разыгравшихся в СССР, яркий, противоречивый и очень умный писатель Илья Эренбург быстро написал и смог напечатать повесть «Оттепель», в которой предугадал, что весна в Советском Союзе еще не наступила. Ох и колотила же прозорливая партийная печать Эренбурга за такое нетактичное название повести!

Я думаю, что в XIV веке на Руси было немало умных людей, которые понимали, что побитый Дмитрием Донским Мамай, тем более сумевший уйти на юг со значительной частью своего войска, это не последний и не самый страшный враг Руси.

Овеянное славой торжествующее русское войско возвращалось домой. Всем казалось, что отныне Русь будет свободной. Но на деле, как пишет мудрый историк Карамзин, Куликовское сражение «не имело тех важных

прямых последствий, каких Дмитрий и народ его ожидали... Оно еще не прекратило бедствий России, но доказало возрождение сил ее».

Дмитрий, будучи в первую очередь умелым политиком, простил предателя Олега Рязанского, не стал обострять отношений с литовским князем Ягайлом.

И тут на политическую сцену выступил Железный Хромец, великий завоеватель Тамерлан, из тех же племен монгольских, что и Чингисхан. В те годы, когда Дмитрий вывел русские войска к Дону, Тамерлан сблизился с ханом Тохтамышем, изгнанным из волжских улусов. Тохтамыш вначале решил вернуть себе власть над Золотой Ордой и воспользовался тем, что Мамай был обескровлен и авторитет его упал достаточно низко. Ведь в глазах соотечественников он был побит рабом, вассалом.

Неудивительно, что Тохтамыш разгромил Мамая наголову. Тот бежал в Крым, в Кафу, где генуэзцы его на всякий случай отравили. Никому не нужны бывшие властители.

Тохтамыш воцарился в Орде и послал сообщить в Москву, что победил «общего врага». Дмитрий был рад возобновлению добрых отношений с Ордой. Воевать с ней он не намеревался. Он отправил Тохтамышу богатые дары. Но для татар ни о какой дружбе и речи быть не могло. Чтобы утвердиться на престоле, Тохтамышу было совершенно необходимо поставить русских на место, унизить их, сровнять с землей.

Многие понимали это и в Москве. И вечный соперник Дмитрия предатель Олег Рязанский уже поспешил к Тохтамышу, предлагая ему союз против Москвы.

Согласия в русском стане не было. Даже тесть Дмитрия, князь Димитрий Нижегородский, послал в Орду сыновей с дарами. С каждым днем уверенность в своих силах падала. Русь в те годы могла единожды подняться против господства татар, но через два года не в силах была повторить этот подвиг.

И главное, не было уверенности в своих силах у главных вождей Руси, к которым и были обращены взоры населения.

Восстав против татар, Москва взбесила слабнувшего, но еще грозного ордынского зверя. Тем более что за спиной его стоял сам великий и непобедимый Тамерлан, который в то время ломал одно за другим азиатские государства.

Москва, куда двинулся со своей армией Тохтамыш, была большим городом, окруженным крепостными стенами и густо населенным. Так что при организованном сопротивлении врагу, при решимости защищать город никто бы Москву не взял.

Но в наших с вами учебниках истории не принято писать о том, что случилось с героями Куликовской битвы. И я передам слово осторожному монархисту Карамзину, который никогда лишнего дурного слова о русских властителях себе не позволил. И вот что получается в его «Истории», даже когда он хочет быть предельно вежливым: «Великий князь, потеряв бодрость духа, вздумал, что лучше обороняться в крепостях, нежели искать гибели в поле. Он удалился в Кострому с супругой и детьми, желая собрать там более войска...»

Последние слова – чистая ложь, потому что Дмитрий Донской сидел на краю непролазных костромских лесов и никакого войска не собирал. Да и не совсем понятно, почему в слабой крепости Костроме обороняться удобнее, чем в укрепленной Москве?

Вслед за Дмитрием из Москвы убежал митрополит Киприан, глава Православной церкви. Он скрылся в Твери.

А за ними столицу покинули все воеводы, командиры, бояре – все, кто только мог.

И знаете, кто принял на себя оборону Москвы, когда следом за вождями оттуда убежала половина жителей? Юный литовский князь Остей! Самое удивительное, что, брошенный князьями, оставленный церковью, город умело сопротивлялся Тохтамышу. Три дня продолжался отчаянный штурм, и Москва устояла.

Тохтамышу стало ясно, что город ему не взять. И если даже падет Белый город, защитники могут отступить в Кремль.

И тогда Тохтамыш прислал в Москву посольство с предложением почетного мира. Во главе посольства стали КНЯЗЬЯ Нижегородские, которые послушно приехали в татарском обозе. Князья поклялись, что ручаются за татар. Собралась Дума – все там были старше и родовитей литовского юноши. И конечно же проголосовали за мир. И князя Остяя послали с депутацией к Тохтамышу на переговоры об условиях сдачи.

Тохтамыш пригласил Остяя войти в свой шатер первым. И вы бы видели, с каким наслаждением на юношу накинулись охранники хана! Сам хан исполосовал Остяя кинжалом и отрезал ему голову.

Ну а потом город был отдан на разграбление войску. Передадим вновь слово Карамзину: «Сия многолюдная столица кипела прежде богатством и славой, в один день погибла ее красота, остались только дым, пепел, земля окровавленная, трупы и пустые обгорелые церкви».

Единственный из князей, кто осмелился сражаться с татарами, был нелюбимый Дмитрием его младший брат Владимир, который с небольшим отрядом спешил на помочь Москве и разгромил один из отрядов хана. И

сам Тохтамыш, обоз которого был безмерно отягощен добычей и рабами, сразу после того боя стал отступать.

Тут явился Дмитрий Донской, ужасно расстроенный тем, что произошло, и велел выдать гробокопателям по рублю за каждые восемьдесят похороненных тел. А всего он дал им триста рублей. Умножьте и поймете, сколько погибло в Москве людей через год после Куликовской битвы. А потом утройте эту цифру, потому что в нее не вошли десятки тысяч пленников и много тысяч утонувших и сгоревших.

Наверное, после этого Дмитрий Донской поспешил догнать и примерно наказать Тохтамыша?

Ничего подобного! Он собрал войско и пошел на город Рязань, который также разграбили татары, но где правил его враг Олег. И чем же занялось войско Дмитрия Донского? Слово Карамзину: «Войско Дмитриево, остервенелое злобой, вконец опустошило Рязань, считая оную гнездом измены и ставя жителям в вину усердие их к Олегу».

Затем Дмитрий примерно наказал митрополита, сообщив в Тверь, что меняет Киприана на Пимена.

Ну а после этих решительных шагов он отправил в Орду своего сына Василия просить Тохтамыша о дружбе и милости. Честное слово!

Во всем, что я вам рассказал, никакой тайны нет, если не считать того, что в школе вы об этом не узнали.

Но вот в последующих событиях тайна есть.

И вы можете узнать о ней из любого исторического труда.

Дело в том, что великий завоеватель Тамерлан с некоторым удивлением обнаружил, что хан Тохтамыш, которого он пригрел, которому помогал в войне с Мамаем и которого поддерживал в интригах внутри Орды, вдруг вышел из-под контроля и заявил, что пришла пора разделаться с Тамерланом. Он собрал войска со всей Орды и вскоре потерпел от Тимура решительное поражение, настолько решительное, что даже рядовые воины Тамерлана получили по сто голов скота на душу. Это случилось в 1391 году. Награбленное на Руси перешло в казну Тамерлана. Разумеется, поражение Тохтамыша ничему не научило, и через три года он собрал войско больше прежнего, и на реке Тerek его опять разбили. Ему пришлось бежать с жалкими остатками своих войск.

Тамерлан решил, что не следует в третий раз наступать на одни и те же грабли. Придется пройтись по Орде огнем и мечом и лишить ее возможности возродиться. Тамерлан поднялся по Волге до нынешнего Саратова, а потом повернулся к Днепру. Он уничтожал войска полководцев Тохтамыша по очереди. Орда подверглась катастрофическому разгрому и

разорению.

А дальше начинаются загадки.

Если обратиться к арабским летописям, которые описывают поход Тамерлана по землям, подвластным Золотой Орде, то мы узнаем, что вскоре Тимур дошел до города Москвы. На описание добычи, захваченной в этом городе, у летописца ушло немало строк. «Целыми выюками блестели бобры, черных соболей также несметное число, горностаев столько связок, что не счесть...» И так далее. Особенно поразили летописцев русские женщины, подобные розам. После Москвы Тамерлан пошел на юг, к Азову, богатому торговому порту, где перебил всех немусульман, а потом кинулся на столицу Орды Сарай, от которой тоже ничего не оставил. В другом восточном источнике говорится, что Тимур, завоевав булгар на Волге, пошел на Москву и осадил город Владимир. Тут он задумался, стоит ли идти дальше до пределов Севера, и тогда к нему явился святой Хызр и велел показать русским свою необоримую силушку. Тимур поднял двухлетнего жеребца и метнул его на крепостную башню Владимира. Башня конечно же рухнула, а Тамерлан при этом крикнул так, что у всех воинов «отнялся язык от страха и бледность страшная все лицо покрыла».

Что же сообщают о таком походе Тимура на Русские земли наши летописи?

Оказывается, они толком об этом походе и не помнят. В разных летописях даже указываются разные даты.

Хотя если обратиться к источникам того времени, то окажется, что при известии о разгроме Тохтамыша и появлении на Волге Тамерлана Русь охватил ужас. Не хватало еще нового Батыева нашествия! Тем более что конечно же после разгромов последних лет Русь не успела восстановить силы.

Дмитрий Донской к тому времени уже умер, будучи еще относительно молодым человеком. Престол занял юный Василий, его сын, долго просидевший в заложниках в Орде, а потом вернувшийся домой через всю Европу. Василий начал собирать войска, но настроение в Москве было удручающим. Никто не верил в победу. Тогда по совету бояр Василий отправил людей во Владимир, где в соборе хранилась чудотворная икона Владимирской Божьей Матери, и ее перенесли в Москву. Владимирцы были в горе и трауре, но по всему пути до Москвы люди стояли вдоль дороги на коленях – икона казалась им последней защитницей отечества.

Что происходило дальше, с точки зрения москвичей, описано в летописи тех дней: «Тамерлан увидел сон – высокую гору и с нее идущих к нему Святителей с золотыми жезлами. Над ними в сиянии лучезарном

явились жена благолепия и величия неписаного, окруженнная тьмами молниеобразных воинов, которые все грозно устремились на Тамерлана. Он затрепетал, проснулся и, созвав вельмож, спрашивал их о смысле такого сновидения. Сия величественная жена, ответствовали они, есть Богоматерь, защитница христиан. И так мы не одолеем их, сказал монарх Чагатайский, и велел полкам своим идти обратно».

Так что Богоматерь (а вернее всего, это и была Владимирская икона) подействовала на Тамерлана на расстоянии.

И ни на какую Русь он вообще не ходил.

Значит, существует три версии. По одной Тамерлан взял Москву и разорил Русь, по второй он ограничился метанием жеребца в стену Владимира, и по третьей он так испугался, увидев во сне Владимирскую Богоматерь, что повернул обратно.

Неужели нельзя установить, что же случилось на самом деле?

Оказывается, можно.

Внешняя сторона событий все же разгадывается, потому что при войске Тамерлана работали «журналисты», которые записывали события день за днем. И тогда становится ясно, что существует и четвертая версия.

По ней, разорив Золотую Орду, Тамерлан двинулся на северо-запад, к Руси.

Он дошел до города Ельца.

Елец был небольшим городком, который лежал в степи между Русью и Ордой. Он был настолько незначительным, что его князья даже не внесены ни в один список русских летописей. Хотя известно, что сидел там князь Федор, данник Олега Рязанского. Но от Рязани до Ельца надо было добираться по пустынной земле. О ней в «Путешествии митрополита Пимена из Москвы в Константинополь» говорится: «Бяше бо путное шествие печально и уныло зело всюду, ни града, ни села... пусто же все и не населено».

Елец громадная армия взяла без труда, вернее всего, он и не сопротивлялся. Но никаких ценностей татары там не нашли.

И тогда Тамерлан остановился.

Замер.

Не было в истории его походов такого, чтобы гигантское войско бесцельно стояло на месте две недели под проливными дождями ранней тогда осени. А потом Тамерлан приказал поворачивать на юг...

Когда весть об исчезновении Тамерлана добралась до трепещущей Москвы, там начались торжества. Было официально объявлено, что Владимирская икона спасла Москву. А чтобы сомнений не оставалось,

начали тут же воздвигать каменный храм в ее честь.

Но тайна осталась.

И никто, кроме несчастного елецкого князька Федора и его немногочисленных подданных, так и не увидел страшного Железного Хромца.

Если собрать воедино существующие теории, то можно представить наиболее вероятное объяснение поведению Тамерлана.

Конец августа. Дожди. Впереди густые неизвестные леса. Городок Елец, пожертвовавший собой ради спасения всей Руси, оказался таким бедным захолустьем, что и завоевывать его не имело смысла. В то же время с севера лазутчики доносят, что московиты собирают войска и намерены дать бой. В холода. Под дождями, на раскисших дорогах... А ради чего? Тамерлану отлично известно, что Тохтамыш полностью разграбил Русь тринадцать лет назад, вывез все, что можно, сжег все, что не смог вывезти.

И зачем, спрашивается, вести армии на север, когда на теплом юге ждет столько богатых царств и городов?

Тамерлан был очень расчетливым и холодным мыслителем.

Две недели он взвешивал все «за» и «против». Две недели выслушивал лазутчиков и «аналитиков».

И ушел грабить Азов, жечь Астрахань и Сарай.

И продолжал этим заниматься еще десять лет, до самой своей безвременной кончины.

Есть предел терпению и генетическому выживанию нации. И страшно подумать, что было бы с разоренной, униженной Русью, если бы по ее бедным селениям и полусожженным городам прокатился еще раз каток безжалостных убийц.

А может быть, Тимур все же увидел вещий сон?

ОЛЛО, ХУДО, БОГ, ДАНЪГРЫ! Купец Афанасий в Индии

Когда я был маленьким, в жизни нашей страны произошло печальное событие. Решено было, что все великие изобретения сделаны в России, и все достойные внимания события произошли именно у нас.

Мы учили в школе: паровую машину изобрел Ползунов, паровоз – братья Черепановы, радио – Попов.

Разумеется, в России было немало ученых и изобретателей, нам есть кем и чем гордиться. Но мало нам было Менделеева и Лобачевского, Павлова и Сикорского, решено было доказать, что «Россия – родина слонов». Такая шутка ходила в то время. И еще я помню шутливый вопрос:

- Где открыты рентгеновские лучи?
- В России. В XV веке Дарья сказала мужу: «Я тебя, мерзавец, насквозь вижу!»

Тогда же стали много говорить о русских первоходцах. Конечно, Колумба сделать калужанином не удалось, зато вспомнили об Афанасии Никитине. Ведь он же Индию открыл!

Тверскому купцу Афанасию Никитину поставили памятник в городе Калинине, многократно издали с картинками и без картинок его записки «Хождение за три моря», о жизни путешественника писали диссертации и романы, может, и оперы. Был даже очень дорогой кинофильм, в котором Афанасий Никитин не только добрался до Индии, но и боролся там с европейскими колонизаторами, которых в Индии в то время еще не водилось.

Честно говоря, мне казалось, что Никитин – фигура выдуманная. И может, он даже в Индии не был.

Оказалось, что все было иначе, не так, как я подозревал.

С тех пор, когда снимали фильм и ставили памятники, прошло много лет. И об Афанасии Никитине у нас благополучно забыли. Тем более что как-то выяснилось, что паровоз изобрел Стефенсон, а паровой двигатель – Уатт.

Это не означает, что до Стефенсона и Уатта никто не изобретал паровых машин. Да сотни раз! Есть основания полагать, что машину знали уже в античные времена. Ведь и Америку не раз открывали до Колумба. Мы отдаем должное Можайскому, но считаем изобретателями самолета

американцев братьев Райт, потому что их самолет летал много раз и именно его «дети» стали господами неба. Викинги основывали поселения в Америке, но потом эти поселения сгинули без следа.

Морской путь в Индию и на Дальний Восток был открыт еще в Средние века. Тогда в столице Кореи существовал даже целый арабский квартал – так часто приходили туда корабли из Аравии. Когда венецианец Марко Поло добрался с караваном в Китай, оказалось, что он там далеко не первый и уж точно не последний европеец. Но путешествие Марко Поло не изменило наш мир. А путешествие Васко да Гамы повернуло историю Индийского океана на новый путь. Поэтому мы и называем его «открывателем» путей в Индию.

Русский купец Афанасий Никитин жил в Индии за тридцать лет до появления у ее берегов каравелл Васко да Гамы. И, прочтя его дневники, великий историк Карамзин совершенно справедливо писал: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших описаний европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века... В то время как Васко да Гама единственный мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара».

Для нас совсем не важно, купечествовал или нет Афанасий Никитин. Купечествовали там сотни торговцев, причем среди них были и выходцы из русских княжеств, и арабы, и англичане, и французы. А уж венецианцы и генуэзцы жили и интриговали там дюжинами. Ничего мы о них не знаем – ни имен, ни прозвищ, ни места рождения. Потому что они не оставляли материальных следов – от них не осталось СЛОВА. Марко Поло славен не самим путешествием, а книгой о нем. Афанасий Никитин отличался от иных купцов тем, что вел дневник и свои записки, чуя приближение смерти, успел переслать в Москву.

Поэтому мы можем вместе с ним отправиться в Индию второй половины XV века, когда ни Колумб, ни Васко да Гама еще и не планировали своих великих путешествий.

Начнем сначала.

О путешествии Никитина известно из нескольких источников, то есть «списков». В одном он именуется «Афонасием Микитина сыном». Есть другой вариант: «Офонасей Микитин сын Тверитин». То есть везде он выступает без фамилии – зовут его Афонасием Никитичем из Твери. Никитич, вернее всего, не фамилия, а отчество, а фамилия неизвестна. Фамилию ему придумали уже в наши дни.

Но так как русские фамилии зачастую образовывались от отчества, то особого греха в «Никитине» нет.

Может быть, он был лицом незначительным, и потому фамилии ему, как смерду, не положено было иметь?

Вряд ли.

Судя по дальнейшему рассказу, Афанасий – непростой человек.

Он начал свое путешествие в 1466 году из Твери.

Тверь, основная соперница Москвы, терпела в те годы окончательное поражение, хотя не всем это было очевидно.

Формально между Москвой и Тверью отношения были почти дружескими. Тверской князь Борис даже послал своего лучшего воеводу Бориса Захарьевича, чтобы изгнать из Москвы узурпатора Шемяку и вернуть престол ослепленному им Василию Темному. Однако умный и сильный Борис рано умер, и Тверь досталась его маленькому сыну Михаилу, так что московской знати удалось окружить мальчика своими людьми. Даже епископом Твери поставили владыку Геннадия, московского ставленника. Но время гибели тверской независимости еще не наступило, и тверяки не оставляли надежды, что их город станет столицей Руси.

В разгар скрытой борьбы вниз по Волге отправился купец Афанасий.

Фигура, на взгляд многих историков, загадочная.

Представьте себе купца, который отправляется вместе с тверским послом Василием Папиным к ширванشاху (правителю Азербайджана), но даже фамилия которого неизвестна. Купец имеет при себе охранные грамоты от епископа Геннадия и от воеводы Бориса Захарьевича, а также грамоту от самого великого князя Михаила. Он берет с собой какие-то товары, о сути их не упоминает, но известно, что они много места не занимали, так как умещались вместе с пожитками купца на «малом судне», тогда как основной багаж купцов и посла погрузили на «большое судно», где и разместились все пассажиры. Зато точно известно, что Афанасий везет с собой сундучок с книгами, судя по всему, религиозными. Впрочем, других в то время и быть не могло.

Первый этап путешествия был вполне благополучен и предсказуем. Вот что (в переводе на современный русский язык) пишет Афанасий: «...Пошел на Углич, а с Углича на Кострому, к князю Александру, с другой грамотой великого князя, и отпустил он меня свободно. Так же свободно пропустили меня и на Плесо, в Нижний Новгород к наместнику Михаилу Киселеву...»

Итак, по Волге движется вполне достойный господин, все его знают, и он всем знаком. «Я ждал еще в Новгороде две недели ширваншахова посла Хасан-бека. Он ехал от великого князя Ивана с кречетами, а их у него было девяносто».

Дальше отправились с послом и «проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекезан».

Татарско-русский мир доживает последние годы. Через десять лет в 1480 году будет последнее противостояние на Угре, после чего татарское войско уйдет в степи, и иго завершится. Но и само иго в те годы – давно установившаяся система отношений, которые обеспечивали нормальную жизнь в пределах Руси и Орды.

На окраинах порядка куда меньше. Особенно у Каспийского моря, где начинаются владения чужих князей и шахов. Местные феодалы не всегда подчинялись правилам общежития.

Так или иначе, но под Астраханью бандиты ограбили малое судно с добром Афанасия, а уже на выходе в Каспийское море большое судно село на мель, и его пассажиры и грузы попали в лапы местным жителям.

Когда ограбленные купцы, не говоря уж о послах с кречетами, добрались до ширваншаха, началась долгая тяжба по поводу возвращения пленников и товаров. И если людей отпустили, то товары не вернули, и попытки получить компенсацию у правителя ничего не дали. Купцы, «заплакав, разошлись кто куда: у кого было что на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен там, тот пошел куда глаза глядят, а другие же остались в Шемахе, а иные пошли работать в Баку».

А что же Афанасий?

«А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, а из Баку пошел за море...»

Странный купец?

Полностью ограбленный, даже книг лишившийся, в 1468 году он оказывается в Персии.

Почему-то о том, где он был и что делал целый год, в дневнике ни слова.

О Персии Афанасий пишет кратко и, я бы сказал, невыразительно. Словно она остается на периферии «нерушимого напутствия». Он отмечает, что «из Рея пошел к Кашану и тут был месяц. А из Кашана к Найнину, потом к Йезду и тут жил месяц... Из Сирджана к Таруму, где финиками кормят скотину...». И это все, что он заметил или считал нужным записать.

И так проходит еще год.

В конце года Афанасий меняет имя.

Дальше на Восток отправляется хорасанский купец Ходжа Юсуф Хорасани. Больше того, из самого текста Афанасия следует, что купец уже отлично владеет персидским языком. Впрочем, с одним русским языком на

Востоке Ходже Юсуфу делать нечего.

Но что самое удивительное – Афанасий прибывает в Индию с породистым жеребцом и пишет, что переезд в Индию стоил ему сто рублей.

На этого самого жеребца он извел 68 футунов – целое состояние из золотых монет.

Разумеется, все бывает, но маловероятно, чтобы простой русский купец провел два года в Персии и четыре в Индии. Большей частью он свободен в средствах, без сомнений и опасений принимает мусульманское имя, не изменяя христианской вере, о чем в его дневнике есть любопытные размышления. Афанасий приходит к выводу, совершенно греховному с точки зрения православной морали: всякая вера хороша, если это искренняя вера в единого бога. Впрочем, и индуисты, и буддисты его не возмущают. В нескольких эпизодах книги Афанасия рассказывается о попытках властителей склонить его к басурманской вере. Ничего из этого у них не получается, но, ввиду того что книг у путешественника нет, он не знает дней недели, «и я позабыл всю веру христианскую и праздники христианские: не знаю ни Великого дня, ни Рождества Христова, ни среды, ни пятницы. И среди вер молю я Бога, чтобы он хранил меня... Бог един». Чтобы укрепить себя в христианской вере, Афанасий соблюдает пост. Но не христианский, потому что не может определить его сроки, а мусульманский.

Еще пример. В городе Дунире местный хан позарился на жеребца. «Хан взял у меня жеребца. Когда же он узнал, что я не басурманин, а русский, то сказал: “Жеребца отдам и тысячу золотых дам, только прими нашу веру”. Афанасий обратился к хорасанскомуnegoцианту Ходже Мухаммеду за помощью. Тот отправился к хану, уговорил его, чтобы меня в веру не обращали, он же и жеребца моего у него взял».

У Афанасия были влиятельные друзья-мусульмане.

Это еще ничего. Но так как обычно современные читатели знакомятся с книгой Афанасия по переводу, мало кто знает, что все размышления о Боге, посте, молитвах и т. д. написаны Афанасием не по-русски. А вот так: «А промежу есьми вер тангрыдань истремень...», что означает «молю я Бога, сохрани меня...».

Долгие годы многочисленные иноязычные вставки в тексты Афанасия считались шифром. Словно он не желал, чтобы кто-то прочел некоторые страницы его дневника. И эти страницы тщательно переписывали из рукописи в рукопись. Теперь понятно, что кое-что Афанасий записывал персидскими и татарскими словами, но русскими буквами. Почему? Забыл русский? Чепуха – он был одним из лучших «прозаиков» своего времени.

За четыре года жизни в Индии Афанасий объехал много княжеств. Но из его записок трудно понять, что же его интересовало на самом деле. Он много пишет о драгоценных камнях, даже посещает рудники и копи, возможно, не только в Индии, в Голконде, но и в Бирме, в царстве Пегу.

Пытаясь разгадать тайну Афанасия, некоторые журналисты и историки приходят к выводу, что он был агентом тверского князя, который искал поддержку Твери и старался найти для Михаила драгоценности.

Вряд ли для этой версии есть основания.

Но все равно у меня записки Афанасия оставляют ощущение недоговоренности, незавершенности и даже порой сознательного умолчания.

А уж противоречий в них – тьма-тьмущая.

До сих пор исследователи не договорились, писал ли эти записки Афанасий по следам событий или потом, в конце путешествия. Даже не знают, существовал ли один экземпляр или Афанасий по крайней мере дважды написал их, чтобы быть уверенным, что они доберутся до Москвы.

Как понимать такое пожелание: «Итак, русские братья-христиане, кто из вас хочет идти в Индийскую землю, тогда ты оставь свою веру на Руси и, признав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю»? И буквально через две строчки – противоречие: «Меня обманули псы басурманы: они говорили про множество товаров, но оказалось, что нет ничего для нашей земли. Весь товар белый, только для басурманской земли».

Что же он делал в Индии четыре года? Ведь для последнего вывода подобных сроков не требовалось.

Нет сомнений в том, что путешествие в Индию было для Афанасия не первым и язык восточных торговцев, на котором записаны некоторые абзацы рукописи, был ему знаком еще до путешествия в Индию. Но остается вопрос: почему надо было писать на этом языке рассуждения о России? Почему в тексте появляется абзац «на восточном языке», звучащий вызовом порядкам, царящим на родине: «...На этом свете нет страны, подобно Русской земле, хотя бояре Русской земли несправедливы и злы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость»?

Конец путешествия Афанасия Никитина не совсем ясен.

Лишь в одной русской летописи говорится о судьбе Афанасия: «Сказывают, что, до Смоленска не дошел, умер. А писание сие своей рукой написал, иже его руки тетради привезли купцы Мамыреву Василию, дьяку великого князя, в Москву».

Тверичанин Афанасий послан с грамотами Михаила, тверского великого князя. Чуть-чуть не дойдя до дома, в нескольких днях пути, у

Смоленска, он от чего-то умирает.

После этого его записку увозят не в Тверь, а в Москву, и не к кому-нибудь, а к начальнику московского сыска, главному «чекисту» княжества. Может быть, смерть Афанасия была неслучайной...

Видно, до смерти Мамырева тетради хранились в архиве, и лишь потом до них добрались любопытные летописцы. И тогда опубликованная многократно рукопись Афанасия стала бестселлером.

Умер (или погиб?) Афанасий Тверичанин в 1475 году.

В 1485 году москвичи осадили Тверь, и юный князь Михаил бежал в Литву.

Россия была независима. Россия была объединена.

СТАРШИЙ БРАТ ГРОЗНОГО. Кукла в колоде

Древний Сузdalь громадным полукругом высокого берега Каменки обегает низину, на которой среди деревенских домиков вольно лежит старинный монастырь Покрова Богородицы. Белокаменный собор с колокольней, каменные кельи для монашек да какие-то служебные помещения... Все это обнесено каменной стеной с невысокими башнями. Когда-то монастырь был знаменит на всю Россию, но потом потерял свое значение и стал чем-то вроде тюрьмы – сюда ссылали на вечное житье знатных женщин, о которых следовало забыть, да раскольниц «на исправление».

И еще монастырь был славен тем, что там когда-то томилась и умерла святая Соломония, которую в монастыре знали под именем Софии.

Сразу после революции монастырь закрыли, монашek – кого арестовали, а кого просто выгнали на все четыре стороны. Долгие годы в монастыре были разные учреждения, а потом решили устроить туристический центр для иностранцев с барами, ресторанами и концертным залом. И только четыре года назад монастырь вернули Церкви, и сейчас в нем снова живут монашки.

Если сегодня туристы попадают в этот монастырь, они обычно спрашивают:

- А кто такая эта Соломония? Русская или нет? Почему она святая?
- Святая женщина, русская царица, – отвечают монашки.

И оказывается, что не знаем мы такой царицы.

История эта началась еще при жизни великого московского государя Иоанна III. При нем Россия стала державой могучей, с которой уже считались в Европе. Сам Иоанн III женился на скрывавшейся в Риме дочери последнего византийского императора Софии Палеолог, женщине умной,ластной, сделавшей немало для того, чтобы Московское княжество стало центром великого государства: она привезла с собой память о величии погибшей империи и хотела сделать Русь наследницей Византии. Ее окружали священники, художники, зодчие и философы. Москва должна была стать Третьим Римом.

Но как только Москва называлась Третьим Римом, возникли трудности, ведь Русь унаследовала от Византии православие, а ее соседи были

католиками. Иоанн отдал было свою дочь Елену за литовского князя Александра. Римский Папа потребовал, чтобы она перешла в католицизм, а отец из Москвы запретил наотрез. После этого скандала оказалось, что устраивать браки детям Иоанна нелегко. А очень хотелось, чтобы сын Иоанна и Софьи, Василий, нашел достойную невесту – ведь время шло, родители старели, а внучонка все не было.

Медленно тащились посольства в соседние страны, отстаивали в спорах византийскую веру монахи при посольствах, а невеста все не находилась. И вот когда старый Иоанн уже совсем занемог, решено было выбрать невесту по древнему византийскому обряду.

По всему государству были разосланы послы, которые привезли в Москву полторы тысячи самых красивых девушек, и из них по красоте, а не по знатности должен был выбрать молодой царь себе жену.

Василий выбрал Соломониду (принято называть ее Соломонией) Сабурову, девушку из незнатного рода. Невеста была красива и отличалась добрым характером.

На следующий год после свадьбы Иоанн умер. Василий принялся править Россией и делал это, как и положено великому князю Московскому.

В отличие от Софьи Палеолог, Соломонида в дела государственные не вмешивалась и жила у себя в тереме. И все бы было хорошо, если бы не бездетность царицы. Шли годы, а ребенка у нее все не было.

Есть документы, в которых рассказано, как она искала всяких знахарей и колдунов, каких врачей выписывала – и все зря.

И так прошло почти двадцать лет.

А положение осложнялось тем, что у Василия было два брата. Старшего, Юрия, он не выносил и враждовал с ним. С младшим, Андреем, отношения были приличные, но взаимной любви братья друг к другу не испытывали.

Василию, которому уже было за сорок (возраст по тем временам солидный!), не хотелось оставлять престол Юрию, человеку ничтожному и неспособному к управлению государством.

Что делать? Разводиться с женой, как советовали бояре? Но в России это не было принято, да и Соломониду жалко... И неизвестно, чем бы кончилась эта грустная история, если бы при дворе не появилась знатная литовская девица – княжна Елена Глинская, воспитанная по-европейски, красивая, умная... И государь в нее без памяти влюбился.

И вот тогда все проблемы, которые казались ему неразрешимыми, стали простыми.

– И для батюшки-царя я рожу богатыря, – наверное, сказала

прекрасная Елена, если цитировать сказку Пушкина.

Царь пришел к Соломониде и заявил, что в интересах государства она должна постричься в монашки, а он женится на красавице.

Наверное, в то время Соломонида уже не была так красива, как прежде, но сдаваться она не собиралась.

Она заявила царю, что детей у них нет по его, а не по ее вине, что она скорее погибнет, чем пойдет в монастырь.

А что происходило дальше, описано у разных авторов совершенно по-разному. Одни, которые писали для себя или своих друзей, рассказывали, какие жуткие сцены разыгрывались, когда бояре, ворвавшиеся к царице, стали срывать с нее одежду и обрезать чудесную косу. Царица билась, кричала, царапалась. Она была так неукротима, что дружок и верный лакей царя боярин Шигоня-Поджогин, который командовал этим издевательством над царицей, выхватил плеть и начал полосовать несчастную женщину...

Интересно, что в официальной летописи, которую составляли по приказу Василия, вся эта история изложена с придворным лицемерием: «...Великая княгиня Соломонида... начала молить государя, да позволит он ей облачиться в монашеские одежды. Царь же возражал: “Ну как я могу брак разорить и во второй вступить?” Княгиня же со слезами на глазах начала молить государя и митрополита...» И так далее. В общем, получается, что она умолила.

Но в народе никто не поверил в сказку о добровольном разводе княгини. Даже сложили песню:

...Уж как царь на царицу прогневился,
Он ссылает царицу с очей дале,
Как в тот ли город Сузdalъ,
Как в тот ли монастырь во Покровской...

Вот куда – в глушь, в безвестье привезли царицу. И по повелению Василия монастырь обнесли каменной стеной с башнями по углам. А царь тут же отпраздновал свадьбу с литовской красавицей и так влюбился в нее, что даже из походов и поездок обязательно слал ей любовные письма, что для царей, согласитесь, необычно.

Но прошел год, два, три, а никакого сына у Елены Глинской не рождалось. И тогда по Руси поползли слухи, что права была Соломонида и не ее вина, а царя в том, что ребеночка у них не родилось. А вслед за слухами появились и другие. Что, оказывается, через несколько месяцев

после того, как Соломониду под именем Софьи заточили в Суздале, у нее родился младенец. Рассказывали даже, что его окрестили и назвали Георгием.

Эти слухи дошли до государя. Можете себе представить, как противно ему было об этом слушать. Он послал в монастырь одного из своих бояр, чтобы проверить, нет ли за слухами какой толики правды.

Боярин приехал в монастырь. Но там все уже было готово. Ведь настоятельница и церковные чины Суздаля не верили в то, что развод Василия был законным, и продолжали считать Соломониду законной царицей. Первую проверочную комиссию они отправили обратно несолено хлебавши. Прошло еще сколько-то времени, наследника от новой жены так и не появлялось, а слухи о царевиче Георгии распространялись все упорнее. Видно, и шпионы, оставленные в Суздале, тоже что-то прознали. В общем, туда приехала еще одна комиссия. Но к ее приезду монахини были готовы.

После долгих уговоров и переговоров царица наконец с благоволила признать, что да, родила младенца, но он сразу помер.

И тогда же бояр отвели в усыпальницу под Покровским собором, где находились могилы многих сосланных в тот монастырь знатных особ. И там в углу боярам показали небольшую каменную плиту без надписи. И все поклялись, что под ней лежит младенец Георгий. Однако вскрывать могилу нельзя, потому что мальчик умер от оспы, которая считалась смертельной заразной болезнью.

С этой вестью комиссия вернулась в Москву и, конечно, радости царю, так и оставшемуся бездетным, не прибавила.

И тут, через четыре года бесплодного брака, Елена Глинская вдруг родила мальчика, которого назвали Иваном. Следом родился еще один мальчик, и его назвали Георгием, так же, как умершего старшего царевича, сына Соломониды.

Ничем, ровно ничем, ни нравом, ни внешностью, царевич Иван не был похож на отца... Впрочем, это уже чистой воды догадка. Еще через три года Василий умер, и мальчик Иван остался на престоле, окруженный боярами, которые ненавидели его мать и родственников. Он вырос в окружении злобы и предательства, и получился из него страшный тиран и убийца – Иван Грозный. А что же случилось с его старшим братом, настоящим наследником престола?

Уж очень вовремя он умер. Эта тайна не разгадана и по сей день. Но существуют странные исторические факты, которые позволяют усомниться в том, что все было так, как принято считать.

Известно, что Иван Грозный никогда не верил в смерть брата и, когда вырос, искал его. И даже есть версия, что ему удалось выследить сына Соломониды и убить его. Но если он смог его убить, значит, не тот мальчик был похоронен в безымянной детской могиле среди монахинь Покровского монастыря?

В 1934 году усыпальницу под Покровским собором решено было ликвидировать. В те годы отношение к могилам знати, монахов, да и вообще памятникам христианства, было варварским. Могилы раскапывали, осматривали, кто похоронен, а потом уничтожали. Дошла очередь и до забытой детской могилки в углу подземелья. Рядом с могилой Соломониды Сабуровой.

Отодвинули плиту и обнаружили деревянную колоду – именно в таких долбленах колодах хоронили детей, а часто и взрослых в XVI веке. Колода была густо обмазана известью. Так делали, если человек умирал от заразной болезни. А в колоде обнаружилась тряпичная кукла размером с младенца. Кукла была одета в истлевшую, драгоценную по тем временам шелковую сорочку и завернута в пеленку, расшитую жемчугом.

Теперь попробуем порассуждать.

Допустим, что в женском монастыре случилось невероятное – родился и умер ребеночек. Тогда его тайно хоронят, возможно, даже за стеной монастыря.

Но зачем и кому могло понадобиться класть плиту на могилу куклы в драгоценной одежде?

Объяснение тут одно: кто-то должен был поверить, что похоронили настоящего младенца.

А на самом деле младенец остался жив.

А дальше... Документов нет. Осталось лишь написать исторический роман. В нем царем Руси становился бы Георгий – и Русь избавилась бы от многих страданий...

К сожалению, история не знает слова «если»...

КОРСАРЫ БАЛТИКИ. Русский капитан Роде

Недавно праздновали трехсотлетие Русского флота, и в памяти сразу вставали – ботик Петра Первого, строительство кораблей под Воронежем и взятие Азова...

Понятно, когда с именем Петра Великого связывают учреждение орденов в России или основание Петербурга. Но морские суда, в том числе и военные, в нашей стране строились издавна, хотя надо признать, что к XVI веку мы уже отставали в этом от Европы.

Морскими разбойниками испокон века считались западные славяне, жившие у южных берегов Балтики. Они были рыбаками, торговцами и конечно же пиратами. Пиратство начиналось там, где торговля давала меньшую прибыль, чем грабеж.

А так как к XII веку славянские пираты стали грозой основного торгового бассейна Европы – Балтийского моря, то европейские государи принялись ожесточенно их преследовать. И что характерно, часто из-за этого страдали новгородские купцы. Датчанам было все равно, кто из славян добропорядочные торговцы, а кто просто грабители. В 1157 году в Дании были арестованы все новгородские купцы, а их корабли и товары конфисковали.

Вряд ли можно считать просто пиратским набег на столицу Швеции Сигтуну в 1187 году. Добраться до столицы было нелегко, потому что город находился внутри страны и от моря к нему вел канал. Сигтуна была разорена и ограблена. Не имея флота, причем военного, сделать это невозможно.

Взаимные набеги продолжались с удивительным постоянством, что мешало оживленной торговле. В 1188 году новгородцы решили повторить набег, но к их появлению были готовы, и потому они потерпели поражение как в самой Швеции, так и на острове Готланд.

XIII век стал для Новгорода несчастливым. И не только потому, что Ливонский орден укрепил Ригу и Ревель, фактически отрезав Новгород от моря и заставив его искать обходные пути через северные берега русских княжеств, покоренных монголами. Новгород был посредником. Через него товары с запада поступали в русские города, а продукты, изготовленные на Руси, уходили на запад. С тех пор Новгород так и не поднялся. А так как

государства западных славян были покорены немецким орденом, то Балтийское море было потеряно для Руси окончательно.

Правда, походы русских морских судов в Ледовитый океан продолжались. В Средние века новгородские корабли достигали островов Колтуев и Вайгач, доходили до Новой Земли и Шпицбергена, который в русских летописях именовался Грумантом. По крайней мере в нескольких немецких и датских источниках говорится об этом открытии. А современные археологи открыли на Шпицбергене следы русских зимовок.

Но если на Белом море еще сохранялись традиции мореплавания и в море выходили широкие двухмачтовые ладьи поморов, то в самом Новгороде ничего подобного уже не было. И когда Иван Грозный захватил небольшой порт Нарву в надежде укрепиться на Балтике, в самой Нарве и на Балтике русских кораблей не было. Все корабли принадлежали местным и европейским купцам.

Россия рвалаась к Балтике, потому что иного пути для торговли с Европой, для сближения с западными странами у нее не было. Весь юг страны, Украина и все подходы к Черному морю жестко контролировались Турцией и Крымским ханством. Белое море выводило в Ледовитый океан, во льды. Поддерживать связи с западным миром, отправляя корабли через льды и вокруг Скандинавии, было слишком накладно. Ведь ладьи и боты поморов были хороши для небольших партий товара, а настоящих кораблей у России не было, и они не появятся еще двести лет. Так что Ивану Грозному хотелось захватить крупный порт на Балтике и открыть его для немецких и датских кораблей, чтобы таким образом стать членом балтийского торгового сообщества.

Но Нарва была слишком мала и не очень удобно расположена. Тогда Иван Грозный решил овладеть Ревелем. Ревель после распада немецкого Ливонского ордена попал в руки шведов и стал не только торговым портом, но и базой шведских каперов – то есть государственных пиратов, которые охотились за торговыми судами враждебных Швеции стран, захватывали их и приводили с грузами в свои воды. Особенно тяжело приходилось судоходству в Нарве. Корабли, шедшие туда, часто подвергались нападениям шведов и их союзников – поляков. Плохо приходилось и судам нарвских купцов – немцев, шведов и эстонцев, теперь ставших подданными русского царя.

Иван Грозный полагал, что если он сможет присоединить к России большой порт Ревель с его складами, судостроительными верфями и множеством торговцев, Россия сделает шаг на пути к статусу морской державы. Тогда и флот появится, и свои купцы.

Иван Грозный предложил Ревелю статус «вольного города», обещал не вмешиваться в его внутренние дела, но магистрат отказался подчиниться сумасбродному русскому царю. Тогда Иван Грозный двинул против Ревеля громадную по тем временам армию в двадцать пять тысяч человек и осадил город. В составе русской армии был и эзельский отряд. Остров Эзель, подвластный Дании и временно России, был основным союзником Грозного.

Семь месяцев длилась осада Ревеля. Взять его не удавалось, потому что русская армия была допотопно вооружена и организована. Она была хороша против Казани или иных восточных соседей, но могучие стены Ревеля оказались ей не по зубам. Опытные инженеры, возглавившие оборону, и постоянная помощь с моря, поскольку России не удалось блокировать Ревель со стороны Балтики, привели к срыву осады. Пришлось русской армии отступить. Это был конец смелых начинаний Ивана Грозного. То, что впоследствии сделает Петр, Ивану было не под силу, потому что он в силу своего характера и разумения не понимал, что, прежде чем двигаться к Балтике, следует реформировать русскую армию и создать свой флот.

Иван Грозный не любил опускать руки. Его ум продолжал искать выход. Если в руках осталась Нарва, а ее торговлю подрывают польские и шведские пираты, надо найти на них управу.

И тогда кто-то посоветовал Ивану Грозному нанять себе толкового капера, то есть пирата на жалованье. По тем временам это было обычным явлением. Предприимчивый бандит всегда мог найти, кому служить, топя и захватывая суда конкурентов. За это он получал документы, спасающие его от виселицы – ведь ты не пират какой-нибудь, а служивый человек датского короля...

Именно с этим решением русского царя и связано загадочное заявление властей вольного ганзейского города Данцига, лежавшего на польских землях: «Мы призываем все германские города предотвратить господство московитов на море, пока это зло не успело еще пустить слишком глубоких корней».

Ведь не было московитов на море, не могли они там господствовать!

Тайна раскрывалась просто.

По совету своего друга и формального вассала герцога Магнуса, владельца острова Эзель, Иван Грозный отыскал нужного человека. Им оказался датчанин Карстен Роде, очевидно, уже известный пират или капер. Русский царь выдал Роде каперский патент, который и сегодня хранится в копенгагенском государственном архиве. В нем царь поручил капитану

Роде защищать интересы русского мореходства от поляков, которые «разбойным обычаем суда разбивают, товары грабят и из многих земель в наше государство дорогу торговым людям затворяют». Там же Роде назывался слугой русского царя.

Со своей стороны, капер Роде обязался отдавать русскому царю каждое третье захваченное судно и десять процентов от проданного груза.

Разумеется, далеко не во всяком порту или при встрече с иными кораблями такой документ мог помочь пирату. Нов Балтийском море встречались и нейтральные корабли, например английские, которые права капера признавали. А что касается Дании, союзницы России, то в ее портах капер мог укрываться, торговать награбленным и ремонтироваться.

Карстен Роде получил звание царевого атамана, а сам он, побезобразничав всласть, стал именовать себя русским адмиралом.

Первое свое судно – пинку – капер приобрел в 1570 году. На острове Эзель он набрал команду из тридцати пяти человек и разместил вдоль бортов двадцать одну небольшую пушку. Все это было сделано, судя по всему, на русские деньги.

К тому же, чтобы стать настоящим страшным пиратом, Роде приспособил к своей пинке два выдвижных тарана – бревна, обшифтованные железными листами.

Первая добыча Роде оказалась невелика – судно с грузом селедки. Его привели в Данию, сняли часть пушек с пинки, перевели на него половину команды. Так у Роде образовалась небольшая эскадра. В последующие недели Роде захватил еще два судна, самое большое из них сделал своим флагманом, груз продал в Копенгагене и там же набрал команду на другие корабли эскадры. По правилам он должен был бы отвезти добычу в Нарву и сдать там десятину, но до Нарвы далеко и опасно.

Видно, пирату удалось убедить посла России в Копенгагене, что ему безопаснее оставаться в западной части моря.

С наступлением лета Роде со своим флотом перешел к Данцигу и захватил там целый караван польских торговых судов. Вот тогда-то Данциг и обратился к прочим прибрежным странам с требованием изгнать московитов с Балтики. Речь шла не о русских кораблях, а о наемниках.

Польский король выделил значительные средства для борьбы с русским судоходством у Нарвы, а Данциг снарядил целый военный флот, чтобы избавиться от Роде.

Началась эпоха каперских войн. И в результате данцигская эскадра напала на английский караван. Англичане оказались сильнее. Они не только разбили поляков, но и захватили их корабли и привели суда не куда-

нибудь, а в русскую Нарву, куда сами направлялись. Там пиратов судили и по крайней мере семьдесят человек повесили, не поглядев на патенты.

Тут уж и Швеция, и Польша всерьез взялись за русского капера. Его гоняли по всему Балтийскому морю, как борзые олени. Он скрывался в Копенгагене, на острове Борнхольм, на Эзеле. Спасаться от шведского и данцигского гнева ему помогало лишь то, что война продолжалась и в ней датчане были союзниками России.

И тут осенью 1570 года было заключено перемирие между Польшей и Россией. И Роде был арестован, потому что некому стало его защищать, а до Нарвы он доплыть не успел.

В роли арбитра этой истории выступил датский король Фридрих II. Он написал личное письмо Ивану Грозному, в котором сообщил, что Роде был плохой мальчик и обижал не только поляков и шведов, но нападал и на хороших датчан, о чем раньше датчане не догадывались.

Иван Грозный счел разумным не защищать своего капера. Ведь все равно никто его, русского царя, и слушать не пожелает. А так ему предлагаются некий компромисс – спаси лицо, государь, отрекись от плохого Роде, и мы останемся друзьями.

Как всякий тиран, Иван Грозный всегда оседал на задние лапы, сталкиваясь с сильным противником. На этот раз он быстренько ответил Фридриху, что и не подозревал о том, что Роде себя так плохо ведет. А как узнал, то согласен на любое наказание для этого мерзавца.

Получив ответ Ивана, датчане посадили Роде в тюрьму, а его корабли быстренько конфисковали. Команды передали шведам, чтобы те расправились с матросами, а сам Роде так и остался в датской тюрьме, потому что после конфискации оказался нищ и бос и выкупить себя был не в состоянии. Хотя официально в государственной грамоте Ивана Грозного признавалось, что Роде за одну навигацию захватил двадцать два вражеских судна, стоимость которых вместе с грузом превышала полмиллиона талеров.

Конечно, теперь легче всего винить Роде, как это в свое время сделали государи балтийских стран, к которым присоединился и Иван Грозный. Но пират добра не нажил и, видно, такого предательства не ждал.

После поражения под Ревелем Иван Грозный стал терять интерес к Балтийскому морю и больше каперов не нанимал.

ТИРАН В ЭМИГРАЦИИ. Иван Грозный опасается

Тираны трусливы.

Тираны подозрительны.

Чем злобнее и подлее тиран, тем сильнее он верит в то, что все вокруг хотят его убить. И единственный выход для него – убить врагов раньше, чем те успеют до него добраться.

Вся страна трепещет перед тираном, а он сидит в уголке и сам трепещет. Но таким всегда страшнее всего.

Я помню, как у нас везде висели репродукции картины «Товарищ Сталин на фронте под Москвой в 1941 году». Может, эта картина называлась несколько иначе, но изображен на ней был великий полководец в длинной шубе, глядящий на немцев, которые скрываются за снежной пеленой.

На самом деле Stalin никогда не был на фронте. И, единственный раз поехав туда, велел остановить кортеж при первых же звуках отдаленной канонады. И сразу же повернулся обратно.

Он считал, что себя, дорогого, надо беречь.

Иван Грозный был, наверное, одним из самых трусливых тиранов на свете. Известно несколько случаев, когда в ответственные моменты в судьбе страны он убегал куда-нибудь подальше от угрозы и старался пересидеть ее в безопасном месте. А когда все улаживалось, он приезжал, показывался в роли победителя и подводил кровавые итоги сражению или войне.

В 1552 году русские войска взяли город Казань и присоединили к России Казанское ханство. Обычно в книгах пишут о том, что после этого татарская угроза миновала. На самом деле ничего подобного не случилось. Наоборот, все последующие годы царь отчаянно воевал с собственным народом, хотя порой это выставлялось как прогрессивная борьба с плохими боярами. В конце концов такая политика Ивана Грозного привела к разорению государства. Некоторые города и области, например Новгород и Псков, Иван разорил и уничтожил сам, другие были потеряны и отошли к шведам, полякам, Ливонскому ордену и прочим врагам России. Среди них наиболее опасными и отчаянными были именно татары. На этот период центр татарской вражды переместился в Крым, и оттуда в Россию

приходили татарские отряды. В 1571 году татары пожгли многие русские города, в том числе и Москву. Сам же царь Иван отсиделся в Ростове.

На следующий год опасность еще больше возросла. Пришлось собрать все силы государства и встретить врагов на Оке у Коломны. Иван Грозный, чуя опасность, убежал в Новгород. И там в безопасности ждал вестей. После отчаянных боев князья Хворостинин и Воротынский смогли разбить татар у села Молоди. Было захвачено много пленных и добычи.

Царь возвратился в Москву. Командующие русской армией были щедро вознаграждены. Князь Воротынский был объявлен величайшим полководцем на Руси, но это для него было равносильно смертному приговору, потому что трусливые тираны всегда завидуют тем, кто за них сражался и побеждал. Царь приказал «организовать» заговор и во главе его поставить Воротынского, который конечно же ни о чем не подозревал, потому что его во главе войска отправили на Оку поджидать, не вернутся ли с набегом татары. Когда же Воротынский возвратился в Москву, дело уже было состряпано, и его немедленно арестовали, обвинив ни больше ни меньше, как в колдовстве. Будто он решил свести царя в могилу тайными заклинаниями. Вряд ли царь верил делу, которое сам и соорудил, но он очень любил пытать людей и поэтому приходил в пыточную, когда там мучили старого воеводу, и сам подгребал горячие угли под сковороду, на которой медленно поджаривали живого человека! Ничего не добившись, царь велел отпустить умирающего полководца, и тот сразу скончался.

Государство разваливалось, со всех сторон грозили враги, царь безумствовал, то отрекался от престола и передавал его кому-нибудь ничтожеству, чтобы потом это ничтожество замучить, то убивал самых близких себе людей. Он даже старшего сына, наследника престола, забил до смерти железным посохом.

И засыпал в страхе, что его убьют во сне.

И вот тут-то в голове Ивана Грозного родился план, который следовало держать в страшном секрете, чтобы о нем не узнала ни одна живая душа.

Выдумщиком плана был не сам Грозный, а его союзник, шведский король Эрик IV.

В чем-то два правителя были схожи. Эрик, подобно Ивану Грозному, всегда трепетал перед заговорами, изменой и покушениями. Подозрительность короля оборачивалась смертями для его окружения. Эрик, по словам русской летописи, стал бояться «от своих бояр убийства». И чем больше он свирепствовал, тем сильнее боялся.

И вдруг от него прибыл секретный посол, который на встрече с Иваном Грозным обратился к русскому царю с просьбой предоставить

шведскому королю, если тому придется бежать из страны, убежище в России.

Сначала эта просьба Ивана позабавила. Он рассказывал о ней своим ближним опричникам и говорил: «Вот у шведов порядка нет, даже король за свою жизнь боится! Хочет под мое крыло спрятаться!»

Но похвальба Ивана Грозного предназначалась для чужих ушей. Сам он сильно задумался. Тем более что ни опричнина, ни казни, ни зверства – ничто не могло убавить его страха.

И вот в первых числах сентября 1567 года Грозный приказал князю Афанасию Вяземскому, приближенному к нему дипломату, в страшной тайне привести к нему английского посла Дженкинсона. Причем за секретность визита Вяземский отвечал головой.

Поэтому Вяземский заявил в дом к послу с большим тюком, в котором лежала богатая русская одежда.

Посла переодели, привезли в Опричный дворец, который еще называли Арбатским замком. Замок был окружен стеной из тесаного камня, а выходившие в сторону Кремля ворота были окованы железными полосами. Над створками ворот на столбе сидел железный лев с разинутой пастью – он Кремлю, символу боярской власти, таким образом всегда грозил. На шпилях замка были укреплены черные двуглавые орлы, а на стенах круглосуточно несли караул сотни опричников.

Встреча с царем состоялась глубокой ночью, в запертой комнате.

При ней присутствовал Вяземский и переводчик, английский купец. И послу и переводчику было запрещено что-либо записывать.

Царь приказал передать королеве Англии Елизавете «тайные великие дела». Грозный просил английскую королеву предоставить ему убежище в Англии «для сбережения себя и своей семьи... пока беда не минет и Бог не устроит иначе».

Так как Грозный не мог выступать просителем, то его заявление было облечено в форму взаимного договора, и он обещал принять английскую королеву в случае опасности, ибо «изменчиво и опасно положение государей», которые наравне с самыми низшими людьми «подвержены переворотам».

Официально Грозный передал послу документ для королевы с рядом незначительных замечаний и предложением расширить права английских купцов в России.

Посол не сдержал слова и, прибыв в Лондон (впрочем, вернее всего, ему было приказано поступить именно так), составил подробный письменный отчет о разговоре с Иваном Грозным.

Так тайна Грозного стала известна придворным Елизаветы, а затем распространилась среди торговцев и дипломатов. Так что через несколько месяцев с началом навигации на английских кораблях она приплыла в Россию и добралась до Москвы в сильно искаженном и преувеличенному виде. К примеру, московский летописец записал, что некий злой волхв из англичан подучил царя перебить оставшихся бояр и бежать в английскую землю.

Известие это вызвало панику среди опричников, которые поняли, что в случае бегства царя их попросту перебьют родственники их жертв.

И тут из Стокгольма пришло известие: горожане предали Эрика, и его свергли с престола. Бежать в Россию он не успел.

И тут же пришла другая весть. Небольшой литовский отряд взял неприступную крепость Изборск, потому что среди ее защитников нашелся изменник.

Царь был в бешенстве.

Словно зверь, он накинулся на «гнезда измены» – Новгород и Псков. Опричники разорили богатые города и перебили всех видных горожан.

Одновременно в Вологде, которую Иван избрал для себя «опричной» столицей, началось строительство морских кораблей, для чего туда были срочно привезены английские корабельные мастера.

Иван решил подготовить корабли, чтобы можно было погрузить на них сокровищницу и охрану и плыть к Соловкам и далее, в Англию.

В 1569 году в Москву наконец-то прибыл новый посол от Елизаветы, Томас Рандольф. Ему было приказано обходить все вопросы, связанные с заключением военных союзов, и не принимать на себя никаких обязательств. На официальном приеме посол говорил о любви Елизаветы к своему «брату» и просил расширить права британской Московской компании.

Ночью после приема тот же Вяземский отвел посла в Опричный дворец, где Иван с нетерпением ждал решения королевы.

Посол сообщил, что и речи быть не может о том, чтобы Елизавета приняла приглашение бежать в Россию, ибо это признание слабости королевы. Но если русский царь намерен уплыть в Англию, ему там окажут гостеприимство.

После этой беседы строительство «эмигрантской эскадры» в Вологде еще некоторое время продолжалось, но постепенно Иван Грозный разочаровался в своей идее. К тому же он заподозрил Англию в корыстолюбии. Ему не понравился отказ заключить военный союз, а также покоробило то, что английская королева не пожелала бежать в Россию в

случае бунта.

Неудивительно, что в 1570 году торговые отношения с Англией были прерваны. Иван отменил привилегии Московской компании и захватил часть ее товаров.

В стране началась новая волна казней. Иван напился человеческой крови и почувствовал себя на троне надежнее.

А корабли для бегства так и остались гнить на вологодской верфи.

А БЫЛИ ЛИ МАЛЬЧИКИ? Студенты за границей

Россия в ходе истории то отворачивалась от внешнего мира и закрывала границы и глаза на то, что происходит за ее рубежами, то принималась налаживать связи и наводить мосты.

Закрывали границы и прерывали связи решительно и надолго, а вот тянули руки к внешнему миру изредка и нерешительно. Петр Первый был фигурой исключительной. С тех пор мы столетиями жили на инерции его подвигов.

Загадка загадок – куда делись русские студенты в начале XVII века. Интересна она не сама по себе, а как отражение психологии российских чиновников, которая далеко не во всем изменилась за четыреста лет.

После страшной камеры пыток, в которую превратил Россию Иван Грозный, правление Бориса Годунова кажется всплеском либерализма. Но Борис был несчастен и обречен на поражение, потому что Грозный настолько изуродовал и измордовал Русь, что эта травма не могла не отозваться крушением и катастрофой. И предотвратить ее Борис был бессилен именно потому, что не был извергом, а хотел исправить и объяснить, тогда как все привыкли казнить или идти на плаху.

Времени судьба ему не дала, о благоприятном стечении обстоятельств можно было лишь мечтать. На самом же деле его краткое правление стало временем катастрофических неурожаев, голода, брожения и всеобщего недовольства, которое концентрировалось вокруг его имени.

Борис Годунов хотел сделать Россию просвещенной страной, но сам был человеком непросвещенным и потому толком не знал, что и как делать. А советников у него не оказалось. Зато недругов было множество. Годунов думал, что если молодых людей обучить наукам, то они повернут развитие России. Он даже решил учредить в России университет и созвать в него профессоров со всей Европы.

Вы бы видели, как взбрыкнули бояре, а особенно бояре духовные – митрополиты и архимандриты! Университет в России! Да у нас такого отродясь не бывало! Общее мнение передал современник событий, немецкий офицер на службе у Годунова: «Попы и монахи сказали, что их государство обширно и велико, но единоверно и единонравно, и заморскими соблазнами единоверия они разрушить не дозволят».

Как все это знакомо!

Через четыреста лет католический престол в Риме решил переименовать свои представительства в России в епархии. Казалось бы, какое до того дело Православной Церкви в XXI веке? И тут же в газетах поднялся возмущенный гомон, вознегодовала Патриархия, а Министерство иностранных дел принялось рассыпать грозные послания! Не сметь! Прекратить! «Единоверия заморскими соблазнами нарушать не позволим!»

Так и остались мы без университета.

Остались неграмотными, но единонравными!

И это единонравие буквально через несколько лет вылилось в кровавую гражданскую войну, в которой благочинные бояре и епископы перебегали от католического короля к православному царю, а то и вообще к язычникам-казакам, которые жгли русские монастыри и мучили монахинь.

Говорят, что Борис направлял своих послов в европейские страны приглашать к нам учителей для юношества. Но, видно, для европейских профессоров приглашения из России были равносильны приглашениям от марсиан. Неизвестно было, вернешься ли из Московии живым. Так что желающих не нашлось.

Удивительно, но в те же годы в Москве обучались русскому языку иностранные студенты. Доподлинно известно, что в июне 1600 года на родину отъехали изучавшие русский язык «французский немчин» да «англичанин Ульянов». Иных же студентов, как немцев разных национальностей, так и своих, русских, Борис Годунов отпускать за границу не велел.

Вскоре за рубеж были отправлены молодые люди – в Германию (в город Любек), Стокгольм и Англию.

Что стало со студентами в Любеке и Стокгольме, известно смутно, хотя какая-то переписка, хоть и бессмысленная, между Германией и Москвой велась, а вот история с нашими студентами в Англии более-менее известна, хотя и остается во многом таинственной.

То, что известно, любопытно и похоже на удивительный приключенческий роман.

Дюма до такого не додумался!

Итак, 30 июля 1602 года на корабле из Архангельска, который был основным портом по торговле России с Англией, отправились четыре недоросля из дьяческих семейств, то есть представители тогдашней русской интеллигенции. Их отцы были дьяками или подьячими, то есть чиновниками. Значит, молодые люди были по крайней мере обучены грамоте. Вот их имена, что важно для дальнейшего рассказа: Никифор

Григорьев, Сафон Кожухов, Казарин Давыдов и Федька Костомаров. Ехали они «для науки латынскому и английскому и иных разных немецких государств языков и грамот». Все для нас тогда были немцами, потому что в русском языке не сильны.

Борис Годунов велел заботиться о них бывшему тогда в Москве английскому купцу Мерику и вручил ему личное письмо для королевы Елизаветы с просьбой дать студентам образование, но не склонять их к чуждой нам английской вере.

Времена тогда стояли голодные, и только по личному приказу государя из специальных запасов студентам выделили продуктов, в том числе четыре пуда соленой семги и четыре ведра вина. Виноградных вин у нас тогда не водилось, вино гнали из пшеницы.

До Лондона добрались без приключений. Англичане юношей встретили достойно, дружелюбно, сама королева, прочтя письмо своего русского друга, велела отправить их в лучшие университеты. Так что каждый попал в свой. Неясно, зачем их нужно было разделять, но, может быть, соображения были самыми разумными – пускай русским молодцам не с кем будет болтать на родном языке. Так они быстрее выучат английский.

С осени 1602 года студенты приступили к занятиям.

Они учились, доедали семгу, а о них благополучно забыли.

Борис Годунов умер, началось Смутное время, все воевали со всеми, какие уж тут университеты и студенты!

Но прошло одиннадцать лет, и в России все утряслось. На престол в 1613 году взошел Михаил Романов, чиновники уселись за столы и принялись разбираться в бумагах. И тут в приказе иностранных дел кто-то увидел грамоты о командировании за государственный счет четырех юношей.

А может быть, родственники забеспокоились?

За эти годы Борис Годунов превратился в фигуру, о которой лучше и не вспоминать, потому что именно из-за него получилась смута. Надо же найти виноватого. Вот Борис и стал виноватым.

И все его начинания казались русскому православному сердцу крамольными. Какие такие университеты?!

И тогда в чиновничьих мозгах родилась идея.

Раз недорослей отправляли в Англию за государственный счет и с государственными намерениями, то надо их рассматривать как нечто вроде долга – лыжи, выданные напрокат. Попользовались, поучили – и слава богу. Не важно, чему вы их там научили, нам это не к надобности. Верните

государственную собственность!

Притом головы чиновников работали активно, мысли кипели и бурлили, несмотря на полную их беспочвенность и даже идиотизм.

В 1613 году в Англию отправилось первое после Смутного времени посольство. Оно должно было объявить новому английскому королю Иакову, что в Россию вернулся порядок в лице государя Михаила. И надо ему срочно помочь деньгами, а может, и целым войском, чтобы разбить проклятых поляков, которые никак не утомляются на наших западных рубежах.

Перед отъездом послам выдали подробнейшую инструкцию на многих страницах, как себя вести в тех или иных обстоятельствах и что говорить в том или ином случае. В инструкции были специальные пункты о четырех недорослях, которые слишком уж задержались в Англии, как будто они могли вернуться без помощи англичан и словно их кто-то звал домой раньше.

Чиновники были людьми неглупыми, так что в инструкции предусмотрели возможность того, что за одиннадцать лет студенты могли пустить корни в чужой нам стране и не захотеть возвращаться домой. Послам предлагалось выступить с речью, из которой англичане должны были понять, что мы никогда не поверим в то, что русский человек может забыть свою православную веру и своего родного государя (хотя сколько их сменилось на троне за эти годы, причем значительную часть времени трон занимали люди сомнительной репутации и даже не православной веры). К тому же в инструкции утверждалось, что мы никогда не поверим в то, что студентам нравится жить в стране, где «ни службы велелепной, ни проповеди красной узрети и услышать неможно».

От такого чиновничье-пропагандистского лицемерия слезы наворачиваются на глаза!

В той же инструкции послам было велено секретным образом выйти на связь с бывшими недорослями и дать им понять, что их родственники живы, страдают в разлуке и ждут не дождутся студентов домой!

А если и это ничего не даст, то послы должны были со всей строгостью требовать у английского короля выдачи студентов посольству.

Мне в молодости приходилось работать переводчиком за границей и быть свидетелем того, как наши советские люди по каким-то своим причинам покидали стены родного посольства и отправлялись в поисках политического убежища к нашим идеологическим врагам. И я точно помню, насколько схожа была политика возвращения беглецов в 60-е годы XX века с потугами русского посольства в начале века XVII. Ну ничего не

изменилось!

Но и дезертиры с идеологического фронта в 1970 году были столь же хитры и непреклонны, как недоросли 1613 года.

Лондон – город большой, но порядок в нем был. И найти человека всегда возможно. Особенно если он кончал университет на деньги королевы Елизаветы.

И вот что выяснили русские послы. Выпускники Итона и Кембриджа Афонька Кожухов и Казаринко Давыдов уплыли «гостями», то есть торговцами, в далекую колонию Индию. Федька Костомаров поступил на службу к королю британскому и отправлен посланником в Ирландию. И лишь Никифор Григорьев пребывает в Лондоне, где-то продолжает учиться, но возвращаться в Москву не спешит. И больше того, без всякой боязни этот Никифор встретился с послом Зюзинным, благополучно три дня пил с ним русское вино, а потом откланялся и исчез.

Посольство вызвало англичанина Мерика, которому в свое время поручали заботу о недорослях, и потребовало, чтобы он обеспечил возвращение молодых людей. Тот спорить не стал. Всех, сказал он, вернуть не обещаю, но королевского посланника Костомарова и аспиранта Григорьева – пожалуйста!

Посольство удовлетворилось этим обещанием, но главного – войска и денег – от англичан не получило и вернулось домой с общими благими пожеланиями короля Иакова.

Прошло два года.

Недоросли не возвращались.

А это уже был невыносимый непорядок.

И поэтому, когда в 1615 году в Англию отправилось новое посольство Ивана Грязева, ему было сказано: чтобы без недорослей не возвращаться! Вам это может показаться смешным, но в те годы Россия встала на дыбы. Как так можно не хотеть возвратиться!

Приехал Грязев, проверил. И в самом деле, двое учредили фирму, и у них в Индии свой торговый дом. Даже между собой говорят на непонятном английском языке, а с индийскими дикарями на ихнем!

Костомаров все еще выполняет поручения английской короны в Ирландии, и также на английском языке. А вот с Никифором, который еще так недавно отечественное вино кушал, получился полный конфуз. Знаете, чему он учился, да не сказал предыдущему послу? Учился он вражеской вере, а от «веры православной отступил и неведомо, по какой прелести, в здешние попы стал».

Что ж, решил Грязев, хоть с Никифором разберемся по-нашему, по-

российски! Он знал, где живет отступник. Посольские охранники выследили Никифора, схватили и в закрытой карете привезли к Грязеву. Там его заперли и с утра до вечера рассказывали, как его накажут на родине. И требовали, чтобы он раскаялся.

Никифор сопротивлялся и возражал с сильным английским акцентом, что особенно распаляло посла, и тот уверенно тыкал кулаком в рожу отступнику.

Попросившись по большой нужде, Никифор через крышу сбежал из посольства и скрылся. Найти его не смогли.

Грязев осерчал и стал на аудиенции у короля объяснять, что русские парни совсем еще юные, незрелые несмышленыши. И по молодости искусились. Так что король обязан их заковать и доставить на корабль, иначе государь Михаил Романов будет с ним в ссоре.

Вот этого говорить не стоило! Не так уж боялся ссоры с Москвией английский король. Так что посольство, кинувшее на одну чашу весов судьбу всех государственных переговоров, провалилось и вернулось домой, к разочарованию московского двора, с пустыми руками.

На этом дело не кончилось. Ох уж и упрямые были наши предки! В 1617 году в Англию отправилось новое посольство. С хитрым приказом схватить беглецов, запереть в посольском доме, но «с великим осторожением, а тесноты и нужды им ни в чем не чинити, чтобы их тем не отогнati, во всем их тешить».

Следующий шаг посольства был такой. Оно обратилось в Королевский совет с требованием отдать беглецов. А Королевский совет ответил совсем уж непонятно. Если кто из русских хочет возвратиться домой, то никто их в Англии удерживать не может, потому что они – свободные люди в свободной стране. Но уж если они возвращаться не пожелают, тогда простите!

Послы были в полной растерянности. Какие такие свободные люди? Разве люди бывают свободными?

В 1621 году – через двадцать лет после отправки недорослей – в Лондон прибыло еще одно, последнее и решительное, русское посольство, чтобы уж совсем испугать этих британцев. Ему было приказано на приеме у короля «промышлять накрепко» о возвращении студентов! А если этот король станет упрямиться, то сказать ему так же решительно, что мы его не простим! И английским купцам тогда к нам лучше не соваться!

А «робяткам» было передано, что в Москве их ждет «царская милость». Можно представить, как затряслись поджилки у бывших студентов, когда они услышали эти ласковые словечки.

Но потом выяснилось – правда или нет, никто никогда не узнал, – что судьба торговцев в Индии неизвестна. Вернее всего, они убиты в боях, а посольский работник Костомаров уж года три неизвестно где. И только один Никифор Григорьев согласен встретиться с послами, но лишь в сопровождении английского официального лица.

И тут уж получился совсем конфуз.

Посол и посольские кинулись к Григорьеву с объятиями, но сорокалетний «ребенок» на иконы креститься не стал и сказал, что это дикое суеверие. С тем и ушел.

Так и кончилась эта история.

Остается только сказать, что ко времени последнего посольства Никифор Григорьев получил приход в Гетингдоншире. Четверть века он проповедовал там, родил восемьрых сыновей, не знавших по-русски ни слова, а умер уже в 60-е годы в глубокой старости, оплакиваемый своими прихожанами, которые знали его как пастора Майкифера Элфери.

Судя по всему, из всех студентов, отправленных за рубеж в либеральную эпоху Бориса Годунова, ни один домой вернуться не захотел. Ни из Любека, ни из Швеции, ни из Англии.

И на сто лет этот эксперимент прервался.

А впрочем, что было делать в Москве выпускникам Оксфорда? Уж разумнее стать королевским посланником в Ирландии, торговцем в Индии или знаменитым пастором. И человечеству польза, и жизнь не зря прожили. Так что никаких оснований сердиться на Бориса Годунова у них не было.

ТАЙНА С ПОСЛЕДСТВИЯМИ. Смерть в Угличе

В каждой стране есть главная тайна.

Например, в Англии – это тайна принцев в башне. До сих пор неизвестно, кто убил в Тауэре законных наследников престола и виноват ли в том их дядя, Ричард Третий.

Во Франции – это тайна Железной Маски. Кто был тем загадочным узником, проведшим много лет в одиночной камере и умершим, так никому и не сообщив, кто он такой и почему его заточили в крепость?

Такой «тайной номер один» в России стала смерть царевича Дмитрия.

Эта тайна влечет за собой множество событий, круто изменивших судьбу нашей страны и принесших на ее землю неисчислимые бедствия.

Можно вам напомнить вкратце, что произошло до того рокового дня?

Иван Грозный умер в 1584 году. Престол занял его слабоумный сын Федор. Польский посол Сапега после встречи с молодым царем написал: «Хотя про него говорят, что у него ума немного, я заметил, что ума у царя и вовсе нет».

Кроме Федора у Ивана Грозного остался еще один сын – Дмитрий. Его мать, Мария Нагая, была последней женой царя. Всего же их было шесть или семь – после третьей люди предпочитали не считать.

При дураке-царе правил умный Борис Годунов. Он был уверен, что, пока Федор жив, это неплохо, потому что дурак ему во всем послужен. А если помрет, то надо будет самому занимать трон, а то вернутся в Москву родственники Дмитрия – Нагие, которых он сослал в Углич, тут и головы не сносишь.

В памяти народной, склонной к умилению, царевич Дмитрий остался как святой мученик. Он не успел ничего плохого натворить.

На самом деле все намного сложнее.

Конечно, история не знает слова «если». Нельзя сказать, что бы случилось, если бы Цезарь не перешел Рубикон, Наполеон не занял Москву, а Марадона не забил решающего гола.

Но ведь помимо истории есть и наши с вами предположения. И по ним царевич Дмитрий не кажется таким уж ангелом во плоти.

Когда умер Грозный, Дмитрию было два года, а погиб мальчик в девять лет. К тому времени он уже кое-что соображал и главное –

ненавидел Бориса Годунова, который сослал семью царевича в Углич. А бояре, да и мамочка, подогревали в мальчике эту ненависть. А так как папина наследственность сказывалась в Дмитрии с раннего детства, то он, как только начал ходить и говорить, принялся развлекаться. И самым любимым его развлечением было связывать кошку и до смерти бить ее палкой. Как-то зимой многие видели, что он велел слепить снеговиков, а потом бегал вокруг них, рушил их сабелькой и кричал, что это Годунов и его приближенные, которых он вот так и убьет.

Разумеется, соглядатаи доносили о настроениях мальчика и его родных Борису Годунову. В мае 1591 года он прислал в Углич верного человека Битяговского с сыном. Вроде бы считалось, что Битяговский должен контролировать расходы Нагих. Он же превратил эту службу в издевательство над ссылыми – каждую копейку им приходилось у него выпрашивать.

Прошло немного времени, и в полдень 15 мая ударил колокол соборной церкви. Люди метались по улицам, не понимая, что случилось, но тут раздался крик – произошла беда с царевичем.

Ворота двора Нагих были открыты, во дворе стоял крик. Как написано в летописи, «мать его и кормилица тут же у тела лежали, как мертвые». Где-то неподалеку находились и Битяговские, которые пытались навести порядок и убрать тело.

Но тут, увидев, что во дворе много народа, Мария Нагая принялась кричать, что ее сына убили посланцы Годунова – Битяговские.

«Сих убийц, – продолжает летопись, – Михаила Битяговского с женой и с их советниками побили камнями... всего двенадцать человек, и кинули их в яму псы на съедение».

Заодно, как и бывает при русском бунте, отчаянном и безжалостном, угличане сожгли приказную избу, то есть, говоря современным языком, здание местной администрации, и убили всех, кого подозревали в симпатиях к Годунову.

Вряд ли Годунов, получив известия из Углича, был доволен. Независимо от того, убили ли мальчика по его приказу или нет. Не нашлось бы в России ни одного человека, который верил бы в невиновность Годунова и Битяговских. Тем более что сделано все было топорно. А это Годунова испугало.

В «Новом летописце» о том, как убили царевича, говорится со слов очевидцев так. Няньке Волоховой убийцы велели вывести царевича во двор так, чтобы никто не заметил. Нянька привела мальчика к убийцам, и те начали колоть его кинжалами. Затем расправились с кормилицей, но

сделать это незаметно не смогли.

Пономарь успел влезть на колокольню и поднять трезвон. А потом и народ сбежался.

Тут же Годунов, как человек справедливый, искренне или нет, но опечалился и велел ехать в Углич комиссию во главе с очень важным и авторитетным боярином Василием Шуйским, который через несколько лет сам станет царем. Но в тот момент он, недавно возвращенный из ссылки, боялся Годунова и полностью зависел от него.

Комиссия допросила сто сорок человек и пришла к выводу, что никакого убийства не было и быть не могло. Во время этого события Битяговские даже близко к царевичу не подходили, потому что обедали у местного священника. Мальчик же играл во дворе с местными мальчишками «в тычку». Игра эта существует и по сей день, я сам много раз в нее играл.

На земле вычерчивается большой круг, а затем мальчишки по очереди мечут в него ножик так, чтобы он вонзился в землю. По лезвию проводят линию и отсекают в свою пользу часть круга.

Царевич, как все знали, был болен эпилепсией, то есть «падучей болезнью». Неожиданно во время игры начался приступ, царевич стал биться, не выпуская ножа, и упал на острие. Игравший с ним молочный братишко Мишка Колобов завопил благим матом и кинулся во дворец, крича, что царевич помер.

Комиссия единогласно решила, что смерть царевича наступила случайно и виноватых в том нет. Зато Нагие после смерти мальчика натравили толпу на Битяговских и прочих царских слуг, которых и перебили.

После этого начались наказания – «вторая серия». Сначала арестовали и бросили в тюрьмы всех Нагих, а саму царицу отправили в монастырь. Около двухсот угличан – почти всех, кто принимал участие в бунте, – безжалостно казнили.

Большую часть жителей Углица сослали в Сибирь, в городок Пельм. И, как рассказывают, туда же был отправлен с вырванным языком колокол, который поспешил зазвонить и созвать людей.

Никого выводы комиссии не удовлетворили, и смерть Дмитрия повисла на плечах Годунова, как тяжелые железные вериги.

Но если бы вы спросили мое мнение, я бы сказал (хотя и принадлежу к меньшинству), что Годунов не приказывал убивать Дмитрия.

Но это не означает, что Битяговские на самом деле были невинны и убийством не руководили.

Я позволю напомнить случай, имевший место в Англии в конце XII века. Королю Генриху II страшно надоел упрямый архиепископ Кентерберийский Томас Бекет, который отстаивал независимость церкви. Ничто не могло поколебать Бекета, главного соперника короля в стране.

Говорят – а оснований не верить этому нет, – что за обедом зашел разговор об архиепископе, и король в гневе воскликнул:

– Неужели никто не избавит меня от этого святоши?!

В тот же день четверо верных рыцарей оседлали коней и поскакали в Кентербери, где в соборе находился архиепископ.

Они ворвались в собор, отыскали Бекета и зарубили его мечами.

Говорят, что когда король узнал об этом, он сильно расстроился и даже раскаялся, что так неосторожно высказал свои греховные мысли. Он даже приехал в Кентербери и много часов стоял на коленях перед могилой Бекета.

Но дело было сделано. И после того трагического случая жизнь короля покатилась под откос. Собственные сыновья восстали против него, и, терпя тяжелые поражения, всеми покинутый Генрих II через несколько лет скончался во Франции.

Если Годунов и не приказывал убить царевича, то он не мог не высказывать рискованных пожеланий, точно так Генрих II: «Неужели никто не избавит меня от этого мальчишки?»

Зачастую подобных слов бывает достаточно.

И уж очень сурово поступил Годунов с Угличем и семьей царевича. Демонстративно злобствовал и казнил, хотя по натуре своей не был жестоким человеком.

Но если все же царевича убили, то Битяговские или полагали себя в полной и наглой безопасности, или были идиотами. Кто им велел убивать мальчика среди бела дня и при всем честном народе? Что они, самоубийцы, что ли? Существовало множество тайных и верных способов убрать Дмитрия с дороги...

Впрочем, тайна эта так и останется тайной по той простой причине, что ее слишком много раз и слишком убедительно разгадывали.

И даже те люди, что делали заявления, вскоре меняли их с точностью до наоборот.

Смотрите сами. В 1591 году Нагие заявляют, что мальчика убили Битяговские. Через несколько месяцев Василий Шуйский и высокая комиссия установили, что Дмитрия никто не убивал, а он погиб случайно. В 1598 году, когда Дмитрию как раз исполнилось бы 17 лет и он мог бы занять по праву русский престол, умер его старший брат Федор, и бояре

избрали на царство Бориса Годунова.

Но гибель всем его планам возвестил Григорий Отрепьев.

Григорий не был, как вы учили, простым монашком, который вдруг решил влезть на престол, объявив себя чудесным образом выжившим Дмитрием. Отрепьев – самая таинственная фигура на русском троне. Он родился в семье стрелецкого сотника, а это птица высокого полета. И хоть его отца Богдана, по происхождению украинца, убили в пьяной драке, Григорий получил неплохое образование, отлично читал и писал, был «зело грамоте горазд». Затем он поступил в услужение в боярскую семью Романовых, соперников Годуновых. Молодым человеком он принимал участие в заговоре Романовых против Годунова, и после провала ему пришлось бежать. Так что он совсем не монашек. А в Чудовом монастыре Отрепьев просто скрывался от гонений Годунова. Там его отметили, и он стал секретарем самого патриарха. Человек это был удивительных талантов и способностей. Впрочем, его недостатки не уступали его достоинствам. Он все продумал, изучил жизнь Дмитрия по дням, он знал всех его родных, ведь и сам провел жизнь рядом с элитой того времени.

В 1602 году Отрепьев в Польше объявил себя чудесным образом выжившим царевичем, произвел сильное впечатление на короля Сигизмунда, магнатов Вишневецкого и Мнишека. Ему помогли собрать войско, и в 1604 году он с двухтысячным отрядом двинулся в Россию.

Отрепьев потерпел ряд поражений, но не был окончательно сломлен. Россия была настолько разорена невероятно несчастливым сочетанием долгой засухи, голода, эпидемии и недовольства Годуновым, которого очень и очень многие считали детоубийцей и ждали его смерти, что Лжедмитрий всегда находил поддержку.

Когда же в апреле 1605 года Борис Годунов, который давно болел, умер, то его сын не сумел удержать власть, оказавшуюся в его руках.

И трех месяцев не прошло, как в Москве произошел переворот и молодого Федора Годунова после жутких пыток задушили бывшие опричники Ивана Грозного. И это было первое цареубийство в истории России.

Отрепьев под именем Дмитрия вошел в Москву и был коронован. С ним в Москву вступили его польские покровители, и началось Смутное время.

Но сейчас я веду речь не о царствовании Лжедмитрия, а о версиях смерти настоящего царевича.

17 июля, через месяцы после вступления Отрепьева в Москву, к нему из монастыря привезли мать Дмитрия, Марию Нагую.

– Признаешь ли сына? – спросили ее.

– Еще как признаю! – закричала царица и кинулась на шею своему невысокому «сыну», который, кстати, был известен и тем, что все лицо у него было покрыто бородавками.

Уже 1 июня Василий Шуйский, глава комиссии, торжественно поклялся перед всем народом, что на самом деле он знал, что Дмитрия не убили, а спрятали, похоронив вместо него какого-то поповского сына.

После этого Шуйского приговорили к смерти за лжесвидетельство, но потом Лжедмитрий его простил.

Когда же через год Лжедмитрия убили, Шуйский вступил на русский престол. И тут он приказал раскопать могилу Дмитрия в Угличе, привезти кости царевича и объявить его святым мучеником.

Когда его похоронили в Архангельском соборе, мать еще раз поменяла свои показания и поклялась, что ее заставляли врать, но теперь она врать не будет, ибо ее сына убили по приказу Годунова, а его мощи – настоящие.

Ну и конечно же новый царь Шуйский подтвердил эту версию.

Словом, лгали многие и неоднократно, а тайна гибели Дмитрия так и осталась тайной.

МОНЕТА МЕРТВОГО ЦАРЯ. Конец смуты

Есть волшебные книги, которые дают читателю куда больше, чем обещает их название. К таким книгам для меня относится и труд А. Мельниковой, В. Узденникова и И. Шикановой «Деньги в России».

Все три автора – очень известные нумизматы, каждый написал немало статей и книг, каталогов и справочников по русским деньгам. Но на этот раз они объединились, чтобы подвести итог своей многолетней работе и представить нам общую картину того, как появились деньги на Руси, какими они были, как история денег помогает понять историю нашего государства.

За долгую жизнь России возникло немало тайн, связанных с денежным обращением, – наверное, ни одна другая страна в мире таким числом их не может похвастаться. До последнего времени даже не было известно наверняка, когда же появились на Руси первые монеты и какими деньгами пользовались, когда монет не было. Ведь окончательно денежная система, подобная европейской, установилась у нас только в те годы, когда Дмитрий Донской разгромил Мамая на Куликовом поле. Слышали об этом?

Но и после этого невероятные перевороты и конфликты в истории нашей страны, отражаясь в монетах, возникали вновь и вновь. Поэтому строго научная книга нумизматов из Исторического музея в Москве порой читается как детективный роман, благо в роли сыщиков, нашедших таинственного преступника, выступают сами авторы книги.

Об одной из тайн, нашедших отражение в монетах, я и хочу рассказать, пользуясь тем, что узнал из книги «Деньги в России».

Попробуем вспомнить, что же мы с вами учили на уроках истории.

Почти пятьдесят лет занимал русский престол Иван Грозный. К концу его царствования после многих поражений в войнах и террора, который он развязал против собственного народа, Россия была разорена и отрезана от внешнего мира. Оставался лишь один порт – Архангельск, куда могли приходить иностранные корабли. В России не хватало серебра, и потому денег чеканили мало.

Когда же после смерти Ивана Грозного в 1584 году престол достался его слабоумному сыну Федору, правителем при нем стал человек не очень знатного рода – Борис Годунов, о котором мы с вами только что говорили.

Процарствовав семь лет, Годунов умер, и престол перешел к его сыну Федору. Но в том же 1605 году в Россию вторглись поляки и, убив Федора Борисовича и его семью, посадили на московский трон то ли Дмитрия, то ли Гришку Отрепьева. Но бояре и оставшиеся в живых родственники царевича признали в польском ставленнике погибшего Дмитрия. Так что он занял престол.

В России началось Смутное время – почти на десять лет протянулась анархия и непрестанная гражданская война. В стране царили голод и разруха, на престоле сменяли друг друга Лжедмитрий, Василий Шуйский, польский король Владислав, пока наконец народное ополчение во главе, как вы помните, с Мининым и Пожарским не выгнало из России поляков. На царство короновался боярин Михаил Романов. А это случилось уже в 1613 году.

Если вы внимательно прочитали это вступление к тайне, то, как в настоящем детективе, уже познакомились со всеми основными действующими лицами нашей драмы.

И я прошу вас обратить внимание на то, что в эти годы престол занимали два Федора, два сына сильных государей, которым сильно не повезло в жизни. То есть сын Ивана Грозного, Федор Иоаннович, и сын Бориса Годунова, Федор Борисович. Между ними правил сам царь Борис.

За годы Смутного времени в России было изготовлено множество самых различных монет. Каждый из ее правителей старался отчеканить деньги с собственным именем. Это была лучшая агитация! Если вы платите деньгами с моим именем, значит, я и есть ваш царь!

И вот, по мере того как ученые находили все больше кладов и отдельных монет при раскопках, они все чаще встречали странные деньги. Во-первых, были найдены монеты, на одной стороне которых был изображен всадник с копьем, как его чеканили при Борисе Годунове, а на другой стороне надпись «Царь Федор Иоаннович». Но это еще можно было объяснить тем, что Борис Годунов, как умный и осторожный человек, даже прияя к власти и дожидаясь собственной коронации, продолжал чеканить монеты с именем уже умершего Федора. Этим он показывал свою преданность Ивану Грозному.

Но тут обнаружились еще более странные монеты.

На одной стороне этих монет был изображен копейщик – всадник с копьем. От этого всадника и пошло название – копейка. А под ним буквы – сокращенное название Ярославля. На другой же стороне монеты было написано вот что: «Царь и Великий князь Федор Иванович Всея Руси»

Загадочные буквы, которые расшифровывались как слово

«Ярославль», и помогли разгадать тайну необычных копеек.

После нескольких лет Смуты и разграбления русских земель денег в обращении совсем не осталось. Разоренные крестьяне старались найти себе службу, чтобы получить за нее жалованье. Но нечем было это жалованье платить. Со всех сторон Россия была стиснута войсками врагов. Новгород был захвачен шведами, Смоленск и Москва – поляками, на юге буйствовали восставшие казаки. В России не оставалось ни одного монетного двора, который смог бы отчеканить деньги.

И вот в 1612 году в Нижнем Новгороде и других волжских городах, не захваченных иностранцами, начало собираться ополчение, во главе которого встал князь Пожарский. Собирали на него деньги торговцы и помещики тех земель, причем несли они в общую казну серебряную посуду, украшения и деньги, что хранились в ухоронках в подвалах. Из этих серебряных предметов руководители ополчения решили чеканить свои деньги, чтобы платить ратникам и другим служилым людям. Для этого и был создан в городе Ярославле монетный двор. И поэтому слово «Ярославль» появилось на новых монетах.

Но тогда, спросите вы, при чем здесь Федор Иоаннович? Ведь идет 1612 год. Четырнадцать лет, как умер несчастный Федор. Даже со дня смерти его тезки, Федора Борисовича, миновало уже семь лет. Зачем понадобилось пользоваться именем так давно умершего царя?

Но поставьте себя на место Пожарского и его товарищей! Ведь в России нет царя. В Москве сидят поляки, в Новгороде шведы, Псков признал Лжедмитрия Второго, которого в истории именуют Тушинским вором. Ни Минин, ни Пожарский, ни их соратники царями становиться не хотели. Но в сознании человека того времени не могло быть монеты без имени царя. Кто же имел моральное право считаться русским царем? Наверное, последний из царей, которого вожди ополчения признали законным. А последним из Рюриковичей был именно сын Ивана Грозного Федор Иоаннович.

Так и появились на свет монеты царя, который умер за много лет до этого момента.

Монеты помогают понять историю.

А знание истории помогает разобраться в монетах.

ЧЕТЫРЕЖДЫ ЦАРЬ. Исчезнувшие короны

Коронация сначала великих князей Московских, а потом и московских государей была церемонией очень сложной и тщательно разработанной. Заранее расписывался каждый шаг участников действия. Соответственно «чину» коронационных торжеств.

Центром церемонии была сама коронация – возложение на голову царю «венца», то есть короны. Но дело в том, что корона в России отличалась от королевских корон других стран.

Корона, которая считалась главной, называлась шапкой Мономаха по имени византийского императора, а не в честь киевского средневекового князя, как многие у нас думают.

От этой формы короны – шапки, отороченной мехом, – пошли изоизображения головных уборов пророков и царей на русских иконах.

В духовной грамоте царь Иван Грозный, когда он в очередной раз оставлял царство и прятался в паучью тень за троном, благословлял своего наследника Ивана «шапкой Мономаховой и всем чином царским, что прислал... царь Константин Мономах из Царя Града». Но помимо этого в грамоте говорилось о возложении на него «всех шапок царских».

Откуда же могли возникнуть другие короны на Руси?

Очень просто: Россия состояла не только из собственно России, то есть Московского царства, но и покоренного Иваном Грозным царства Казанского. Это случилось в 1552 году. А вот в 1556 году к Москве была присоединена Астрахань, и ее название – Астраханское царство – тоже вошло в число титулов московского царя.

Англичанин Горси, посетивший Москву в царствование Ивана Грозного, утверждал, что на посольском приеме в 1573 году он видел три царские короны. Нет сомнений, что имелись в виду именно короны трех русских царств.

Первая корона – шапка Мономаха. О ней все известно.

Вторая корона тоже сохранилась до наших дней и называется шапкой Казанской.

Казанская шапка появилась в составе русских регалий в середине XVI века, как раз когда Иван Грозный взял штурмом Казань и присоединил Казанское царство к своей державе. Она находится в Оружейной палате в

Кремле и, в отличие от шапки Мономаха, кажется произведением восточного мастера. Есть предание, что шапка Казанская была сделана для татарского царевича Симеона Бекбулатовича, которому Иван Грозный «понорошку» передавал власть в России, чтобы под шумок пронюхать, кто ему верен, а кто замышляет злодейство. Правда, потом головы полетели и у тех, и у других.

То есть и корона эта якобы была шутовской.

Но современные исследователи уверены в том, что корона была сделана сразу после взятия Казани специально для Грозного. Может быть, в ее основе была корона казанского хана, но потом она была переделана для царя русского.

А вот третья шапка, Астраханская, о чем писал не только англичанин, но и другие дипломаты, была выше двух первых корон. Видно, с каждым присоединенным царством Иван Грозный чувствовал себя все более важным владыкой. Выбросить шапку Мономаха он не решился, но Казанская корона была вдвое выше ее, а что касается Астраханской, то она показалась наблюдателям «тройной». Следовательно, если шапка Мономаха была «ординарной», Казанская вдвое выше ее – «двойной», то Астраханская была на треть выше Казанской и, вернее всего, украшения на ней шли в три яруса.

Подтверждением этому могут служить слова венского посла Кобенцеля, который видел на голове Ивана Грозного «убор, отличный от того, в котором он давал мне аудиенцию... по виду он похож был на тиару Папы, виденную мной в Риме».

А папская тиара – сооружение весьма высокое.

Казалось бы, зачем Ивану Грозному новые царства? Тем более что если Казань можно считать за царство – все же земля немалая, и сами казанцы много лет правили Русью, – то уж Астрахань никак на звание царства не вытягивала, а получила корону выше русской.

Объясняется такая «коллекционная страсть» русского царя довольно просто. Ивану Грозному желательно было стать императором. А ведь империя – это государство, включающее в себя множество иных государств и стран. Лишь недавно русские правители получили прозвание царей, но хотелось сделать еще один шаг – из вассального княжества превратиться в мировую державу. С этим были связаны и успехи, и провалы политики Ивана Грозного.

До тех пор пока он строил империю за счет своих, российских же, соседей, поглощая и усмиряя их и совершая кровавые походы против беззащитных новгородцев и псковичей, Грозный смотрелся великим

властителем. До сих пор еще у нас есть историки, которые утверждают, как в свое время велел товарищ Сталин, что Грозный был великим полководцем и творцом Российской державы.

Но стоило его войскам шагнуть за пределы России, как сила Грозного улетучивалась.

Вначале строительство империи шло быстрыми темпами. Молодой Иван Грозный был при войсках, которые штурмовали Казань и смогли одолеть дряхлое татарское ханство. Затем в те же годы власть России распространилась по всему течению Волги. Так появилось третье царство – Астраханское.

И тут все застопорилось.

Империи не получалось.

Шли годы, десятилетия, и вместо того, чтобы покорить татарские княжества и царства, и в первую очередь крымское ханство, Грозный был вынужден отбиваться от татар и даже прятаться от них в Новгороде, пока они жгли и грабили его столицу. Попытки присоединить Прибалтику тоже провалились. Хуже того – западные наши города были потеряны в войне с Польшей и Литвой.

А ведь империю следовало построить.

Люди редко отказываются от своих устремлений, а уж цари – почти никогда.

С молодости, со времен покорения Казани, Иван Грозный в титулатуре, то есть в списке своих должностей, писал: «Повелитель Сибири». Но в Сибири был свой повелитель – во второй половине XVI века он назывался царем сибирским, и имя ему было Кучум.

По сравнению с Казанским царством Сибирское хоть и было очень обширно, но представляло собой слабое смешение племен и народцев, вожди и предводители которых подчинялись хану Кучуму, когда не имели сил жить самостоятельно. Посыпать против Кучума настоящее войско было накладно, и, кроме того, никто не знал, что из этого выйдет. Ведь Сибирь шаг за шагом покоряли казаки и иные вольные люди. Они брали не числом, а храбростью и натиском. Это были отряды, подобные отрядам испанских конкистадоров в Америке. Два десятка вооруженных пищалями да пушкой, на ладьях и стругах казаков могли разгромить многосотенное туземное войско, вернее, толпу охотников или скотоводов.

Но в Москве не решались послать армию в Сибирь и ждали своего Кортеса.

Таким предводителем стал человек уральских промышленников Строгановых – Ермак. Он набрал полтысячи казаков и пошел воевать

Кучума.

Война с сибирским повелителем затянулась. Когда в 1582 году Ермак занял столицу Кучума, тот откочевал в степь, где его противник лишался всех преимуществ речных походов. В Москве, куда Ермак послал весть о победе, были рады. Иван Грозный подарил атамана шубой, кольчугами и деньгами. К тому же наконец в Сибирь был направлен отряд регулярного войска, чтобы строить крепости на усмиренных атаманом реках.

Кучум не прекращал сопротивления, и в 1585 году, застав Ермака врасплох, перебил большую часть его ватаги, а также московских стрельцов, и завоевание Сибири временно прекратилось.

Но судьба Кучума была решена. Понятно было, что пройдет несколько лет, и русские твердо встанут по сибирским рекам. Главное – пути уже были разведаны.

Однако Иван Грозный умер одновременно с Ермаком.

И Сибирское царство никак не желало войти в состав России.

Взойдя на трон, Борис Годунов продолжил строительство Российской империи. Владения Кучума все сокращались, его вассалы переходили к России. Но с точки зрения государевой этики следовало формально принять корону из рук Кучума. Ведь если он царь, то теперь царь должен сидеть в Москве.

И вот в 1598 году отправляется в Сибирь очередной отряд под водительством воеводы Воейкова. Цель была поставлена одна – взять Кучума в плен. Кучума взять не удалось, зато после короткого боя схватили восемь его цариц и трех царевичей. Вскоре хан бежал в Бухару, где его удавили, а его дети получили в Москве титулы царевичей сибирских и наделы земли. И тогда можно было говорить, что к Москве в семью народов пришло еще одно царство, а не просто завоеванная земля.

Возникла нужда в новой короне.

И встает вопрос: а была ли она?

И если была, то куда делась?

Эта тайна раскрывается при знакомстве с документами Посольского приказа.

В 1599 году из Москвы в Прагу отъехал дьяк Власьев. Он вез предложение дружбы двору Священной Римской империи, военный союз и сотрудничество. Посол был тепло встречен при дворе и многое достиг. Но после исполнения поручения он остался там, чтобы выполнить секретное задание царя. Как сообщал в частном письме маркграфу Ансбахскому чиновник из города Пльзень, русский посол в начале 1600 года прибыл в этот город и привез с собой императорского ювелира, «который делает для

него великолепную золотую корону, украшенную рубинами и алмазами... Ювелир работает в квартире посла, а драгоценные камни посол привез с собой из Москвы».

Как полагает историк Лаврентьев, «выбор мастеров диктовался не столько... славой придворных мастерских, сколько политическими мотивами. Его доверили придворным ювелирам единственного в то время императора Европы».

Судя по всему, изготовление короны затянулось, и ее смогли привезти в Москву лишь в начале 1604 года. Видно, в то время Борис Годунов планировал объявить себя императором.

Но именно в том году начался поход на Москву Лжедмитрия. Борис Годунов умер, и корону, вернее всего, спрятали в сокровищнице.

В следующий раз она возникает вновь лишь 31 июля 1605 года.

Во время коронации Лжедмитрия.

Оказывается, как свидетельствуют иностранцы, новый русский царь венчался на царство не шапкой Мономаха, как было принято, а «короною отца своего Ивана Васильевича, присланной Ивану Васильевичу от кесаря, великого царя Алемании».

Короной же Мономаха он венчался позже, на вторичной церемонии в Архангельском соборе.

О новой короне упоминают и польские послы, которых царь принимал в «высокой короне». Причем Дмитрий сообщал в письмах, что коронован не только царем, но и императором всея Руси.

Наконец, есть еще одно свидетельство: в 1606 году военный наемник, капитан отряда европейских наемников при дворце, Жак Маржерет с разрешения царя осмотрел царскую казну, и в ней ему показали четыре короны, а именно три императорские и одну, которой некогда короновались великие князья.

Последняя из корон – шапка Мономаха, а три предыдущие – это короны трех царств.

Так что можно с уверенностью говорить, что сделанная втайне в Пльзене «четвертая корона» первоначально предназначалась быть «короной Сибирского царства».

В конце Смутного времени русские короны были увезены поляками.

Известна грамота королю Польши Сигизмунду, в которой его просят возвратить в Россию «царскую казну, многое собрание и из давних лет царские утвари, царские шапки и коруны...». Это две короны, которые были выданы полякам боярами. Ими русские вельможи пытались расплатиться с поляками за воинскую службу во время Смуты. Поляки, которым достались

эти короны, долго пытались найти им покупателя и, не найдя, разломали их и продавали как золотой лом. По всему судя, это и есть «сибирская корона», сделанная в Пльзене, и совсем неизвестная нам и незаконченная императорская корона для Марины Мнишек. Так как до нее никто из цариц в короне не венчался – не женское это было дело, – то и изображения ее не сохранилось.

Это не могла быть шапка Мономаха и Казанская шапка – они и сегодня сохраняются в Оружейной палате. Не могла это быть и Астраханская корона. Ведь ею венчался Лжедмитрий, а после того, как Лжедмитрия убили восставшие москвичи, его приспешник Молчанов ухитрился сбежать, захватив часть драгоценностей, коней и корону, которой Лжедмитрия венчали на царство. Эта корона кончила свой путь в польской королевской сокровищнице в Кракове. Есть сведения, что там еще в XVII веке хранилась «русская корона». Через несколько десятилетий корона пропала неизвестно куда.

Таким образом, из четырех царских корон, что были в России перед началом Смуты, сохранилось лишь две. Так что Астрахань и Сибирь остались без корон.

А еще через сто лет были изготовлены новые императорские короны.

О них и рассказывать нечего. Никаких тайн. Отправляйтесь в Оружейную палату в Кремле, и вы их увидите.

---

notes

Примечания

1

«Я р у с» в Новгороде означает мостовую, которая клалась на предыдущую, и счет им шел от первой – верхней. – *Прим. автора.*